

КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВОСУДИЕ

Вестник Евразийской ассоциации
органов конституционного контроля
Выпуск 1 (87)

Астана, 2023

ISSN 2960-2491

Председатель редакционной коллегии

УДАРЦЕВ Сергей Федорович
судья Конституционного Суда Республики Казахстан

Редакционная коллегия:

ГАРАДЖАЕВ Джейхун
судья Конституционного Суда Азербайджанской Республики

ВОРОНОВИЧ Тадеуш Валентинович
судья Конституционного Суда Республики Беларусь

ТУНЯН Араик Георгиевич
судья Конституционного Суда Республики Армения

БОБУКЕЕВА Меергуль Рыскулбековна
судья Конституционного Суда Кыргызской Республики

БУЯНДЭЛГЭР Батсухийн
судья Конституционного Суда Монголии

КОКОТОВ Александр Николаевич
судья Конституционного Суда Российской Федерации

ДЖАМШЕДЗОДА Джамшед Назаршо
судья Конституционного Суда Республики Таджикистан

ГАФУРОВ Аскаржон Бойисович
заместитель Председателя Конституционного
Суда Республики Узбекистан

СОДЕРЖАНИЕ

РЕШЕНИЯ (АКТЫ) ОРГАНОВ КОНСТИТУЦИОННОГО КОНТРОЛЯ

Республика Беларусь

Резюме решения Конституционного Суда Республики Беларусь от 4 января 2022 года № Р-1301/2022 «О соответствии Конституции Республики Беларусь Закона Республики Беларусь «Об изменении Кодекса Республики Беларусь об образовании»..... 6

Республика Казахстан

Нормативное постановление Конституционного Суда Республики Казахстан от 22 февраля 2023 года № 3 «О рассмотрении на соответствие Конституции Республики Казахстан подпункта 1) пункта 1 и пункта 2 статьи 610 Кодекса Республики Казахстан от 25 декабря 2017 года «О налогах и других обязательных платежах в бюджет» (Налоговый кодекс)»..... 10

Послание Конституционного Суда Республики Казахстан «О состоянии конституционной законности в Республике Казахстан» от 20 июня 2023 года..... 18

Кыргызская Республика

Решение Конституционного Суда Кыргызской Республики по делу о проверке конституционности пункта 7 статьи 216 Гражданского процессуального кодекса Кыргызской Республики в связи с обращением Алиевой Назили Адылевны и Осмоналиевой Айнуры Мусаевны от 18 января 2023 года..... 31

Решение Конституционного Суда Кыргызской Республики по делу о проверке конституционности нормативного положения части 2 статьи 63 Семейного кодекса Кыргызской Республики, выраженного словами «отчество присваивается по имени отца», нормативного положения абзаца второго части 1 статьи 30, выраженного словами «Перемена отчества осуществляется по именам отца, усыновителя, отчима, бабушки по линии отца или матери», абзаца второго части 3 статьи 30 Закона Кыргызской Республики «Об актах гражданского состояния» в связи с обращением Тилек кызы Эльвиры и Осмоналиевой Айнуры Мусаевны, представляющих интересы Капаловой Алтын Абдыкадыровны, от 30 июня 2023 года..... 43

Российская Федерация

Резюме Постановления Конституционного Суда Российской Федерации по делу о проверке конституционности статьи 227 Гражданского кодекса Российской Федерации, части первой и пункта 1 примечаний к статье 158 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан А.В. Галимьяновой и В.С. Пузрякова от 16 января 2023 года..... 56

Постановление Конституционного Суда Российской Федерации по делу о проверке конституционности пункта 2 статьи 17 Гражданского кодекса Российской Федерации рассмотрено в связи с жалобой гражданки Г.М. Григорьевой от 2 марта 2023 года..... 57

Резюме Постановления Конституционного Суда Российской Федерации по делу о проверке конституционности части 3 статьи 17 Жилищного кодекса Российской Федерации по жалобе гражданина Павла Евгеньевича Бахирева от 23 марта 2023 года.....66

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ КОНСТИТУЦИОННОГО ПРАВОСУДИЯ

Республика Армения

Тунян А.Г.

Некоторые особенности конституционного контроля в Республике Армения..... 68

Республика Беларусь

Воронович Т.В.

Институт конституционной жалобы в правовой системе Республики Беларусь..... 74

Монголия

Мухийт Р.

Право на доступ к правосудию, гарантированное Конституцией Монголии.....87

Российская Федерация

Зорькин В.Д.

Путь права в России. Реформатор – элита – народ.....91

Республика Таджикистан

Джамшедзода Д.Н.

Роль Конституционного Суда в обеспечении стабильности конституционного строя Республики Таджикистан.....111

Республика Узбекистан

Абдусаломов М.

Тенденции развития института конституционной жалобы в странах Центральной Азии..... 116

ИНФОРМАЦИЯ О МЕРОПРИЯТИЯХ ОРГАНОВ КОНСТИТУЦИОННОГО КОНТРОЛЯ

30-летие Конституции Кыргызской Республики..... 118

Цикл лекций судей Конституционного Суда Республики Казахстан для обучающихся и преподавателей юридических факультетов вузов.....119

XI Петербургский международный юридический форум и Международная конференция Конституционного Суда Российской Федерации..... 120

Международная конференция в Республике Узбекистан по проблемам конституционной жалобы 121

Выездное заседание Научно-консультативного совета при Конституционном Суда Республики Казахстан в Алматы..... 123

4-й Международный симпозиум Ассоциации азиатских конституционных судов и эквивалентных институтов	124
Международная конференция, посвященная 25-летию Конституционного Суда Азербайджанской Республики.....	125

ПУБЛИКАЦИИ И ДИССЕРТАЦИИ ПО ПРОБЛЕМАМ КОНСТИТУЦИОННОГО КОНТРОЛЯ

Азербайджанская Республика

Гараджаев Д.Я. Конституционные принципы прав человека: на практике Конституционного Суда Азербайджана и Европейского Суда по правам человека: монография.....	128
---	-----

Республика Армения

Краткая информация о Сборнике правовых позиций Конституционного Суда Республики Армения.....	130
--	-----

Российская Федерация

Извлечение из автореферата диссертации Игумнова Н.А. на соискание ученой степени кандидата юридических наук на тему: «Автономное толкование Конституции Российской Федерации (нормативные основания и практика применения)».....	131
--	-----

Извлечение из автореферата диссертации Ултургашева П.Ю. на соискание ученой степени кандидата юридических наук на тему: «Особые мнения судей в практике судебного конституционного контроля: сравнительно правовой аспект».....	133
---	-----

РЕШЕНИЯ (АКТЫ) ОРГАНОВ КОНСТИТУЦИОННОГО КОНТРОЛЯ

Республика Беларусь

РЕЗЮМЕ

**решения Конституционного Суда Республики Беларусь
от 4 января 2022 года № Р-1301/2022 «О соответствии Конституции
Республики Беларусь Закона Республики Беларусь «Об изменении
Кодекса Республики Беларусь об образовании»**

4 января 2022 года

город Минск

Конституционный Суд рассмотрел в открытом судебном заседании в порядке обязательного предварительного контроля конституционность Закона «Об изменении Кодекса Республики Беларусь об образовании» (далее – Закон).

1. Согласно статье 2 Кодекса об образовании принципы государственной политики в сфере образования дополняются новыми принципами: принципом инклюзии в образовании (равный доступ к получению образования для всех обучающихся с учетом разнообразия особых индивидуальных образовательных потребностей и индивидуальных возможностей каждого обучающегося) и принципом обязательности общего среднего образования.

Принцип инклюзии корреспондирует положениям статьи 24 Конвенции о правах инвалидов, ратифицированной Республикой Беларусь 18 октября 2016 года, согласно которым признается право инвалидов на образование; государства обязуются без дискриминации и на основе равенства возможностей обеспечить инклюзивное образование на всех уровнях и обучение в течение всей жизни данной категории граждан.

Установление в Кодексе об образовании принципа обязательности общего среднего образования, по мнению Конституционного Суда, является обоснованным и обязывает граждан получить образование на уровне, необходимом для полноценной подготовки молодого человека к жизни, трудовой и общественной деятельности, самостоятельному принятию решения о своей дальнейшей деятельности, а государство, в свою очередь, призвано обеспечить качество общего среднего образования и надлежащие условия для обучения.

Конституционный Суд считает, что дополнительно закрепляемыми в Кодексе об образовании принципами государственной политики в сфере образования во взаимосвязи с государственной гарантией прав в сфере образования совершенствуются правовые механизмы реализации конституционного права каждого на образование, в том числе лиц, имеющих особые индивидуальные образовательные

потребности и индивидуальные возможности, что согласуется с нормами Конституции о праве каждого на образование; гарантировании доступности и бесплатности общего среднего и профессионально-технического образования (статья 49); о равенстве всех перед законом и их праве без всякой дискриминации на равную защиту прав и законных интересов (статья 22).

2. Статьей 2 Кодекса об образовании предусматривается, что к основным направлениям государственной политики в сфере образования относится обеспечение права на образование в течение всей жизни в соответствии с потребностями личности, адаптивность системы образования к уровню подготовки, особенностям развития, способностям и интересам человека.

Обеспечение всеохватного (инклюзивного) и справедливого качественного образования и поощрение возможности обучения на протяжении всей жизни для всех закреплены Организацией Объединенных Наций в качестве одной из целей устойчивого развития (Цель 4 Повестки дня в области устойчивого развития на период до 2030 года; пункт 10 Инчхонской декларации «Образование 2030: обеспечение всеобщего инклюзивного и справедливого качественного образования и обучения на протяжении всей жизни» 2015 года).

Конституционный Суд отмечает, что устанавливаемое правовое регулирование об обеспечении права каждого на образование в течение всей жизни способствует постоянному развитию человеческого потенциала, совершенствованию знаний, навыков и компетенций личности на основе непрерывного образования, что отвечает нормам Конституции, согласно которым государство ответственно перед гражданином за создание условий для свободного и достойного развития личности (статья 2); каждый имеет право на образование (статья 49); государство гарантирует права и свободы граждан Беларуси, закрепленные в Конституции, законах и предусмотренные международными обязательствами государства (статья 21).

3. Статьей 16 и другими нормами Кодекса об образовании закрепляется возможность получения образования в дистанционной форме.

В Докладе Специального докладчика ООН по вопросу о праве на образование (2016) отмечено, что при использовании информационно-коммуникационных технологий важно обеспечить соблюдение присущих праву на образование принципов и норм (пункт 44); указано на необходимость в обязательном порядке учитывать отрицательное влияние информационно-коммуникационных технологий на качество обучения, а также на миссию университетов как центров знаний (пункт 63).

В Послании Конституционного Суда Республики Беларусь Президенту Республики Беларусь и палатам Национального собрания Республики Беларусь «О состоянии конституционной законности в Республике Беларусь в 2020 году» (решение от 11 марта 2021 года № Р-1256/2021) Конституционным Судом обращено внимание законодателя на то, что в новых условиях цифровой реальности система

права должна гарантировать безопасность реализации прав и свобод человека, сохранение и укрепление национальных фундаментальных ценностей белорусского общества и государства.

Конституционный Суд отмечает, что устанавливаемым правовым регулированием расширяются возможности использования современных технологий, в том числе информационно-коммуникационных, в образовательном процессе для обеспечения равного доступа к образованию для всех, удовлетворения потребностей человека в получении образования в течение всей жизни, что свидетельствует о развитии правовых механизмов обеспечения доступности образования, его мобильности, технологичности, баланса публичных и частных интересов и согласованности с положениями статьи 13, статьи 34, статьи 59 Конституции.

При этом Конституционный Суд обращает внимание правоприменителей, что при реализации норм Кодекса об образовании, предусматривающих использование дистанционных образовательных технологий, следует исходить из того, что в условиях отсутствия непосредственного взаимодействия обучающихся и педагогических работников и преимущественно самостоятельного освоения содержания образовательной программы обучающимся необходимо обеспечить конституционное право граждан на образование во взаимосвязи с принципом качества образования, в результате реализации которого удовлетворяются запросы личности в образовании, а также потребности общества и государства в подготовке квалифицированных кадров.

4. Статьей 73 Кодекса об образовании вводится процедура, устанавливающая дополнительные гарантии трудоустройства выпускников, относящихся к категориям лиц с особенностями психофизического развития, детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, а также лиц из числа детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, получивших профессионально-техническое, среднее специальное, высшее образование, которым не может быть предоставлено место работы в ходе распределения. В этом случае места работы таких выпускников определяются государственными учреждениями образования, а также местными исполнительными и распорядительными органами. За выпускниками, трудоустроенными в счет указанной брони, в течение срока обязательной работы закрепляется статус молодых специалистов или молодых рабочих (служащих), который характеризуется рядом льгот и привилегий.

В статье 76 Кодекса об образовании определяются основания для перенаправления на работу выпускников, молодых специалистов, молодых рабочих (служащих). Так, отдельно для каждой категории лиц, указанных в данной статье, определены случаи, при которых учреждения образования, организации, реализующие образовательные программы научно-ориентированного образования, осуществляют их перенаправление на работу в соответствии с полученной специальностью, присвоенной квалификацией и (или) степенью.

Оценивая приведенные нормы Кодекса об образовании, Конституционный Суд считает, что они согласуются с положениями Конституции, определяющими социальный характер государства (статья 1), устанавливающими, что обеспечение прав и свобод граждан Республики Беларусь является высшей целью государства (статья 21), государственные органы, должностные и иные лица, которым доверено исполнение государственных функций, обязаны в пределах своей компетенции принимать необходимые меры для осуществления и защиты прав и свобод личности (статья 59).

При этом Конституционный Суд отмечает, что законодателем учтена правовая позиция, изложенная в решении Конституционного Суда от 30 декабря 2010 года «О соответствии Конституции Республики Беларусь Кодекса Республики Беларусь об образовании», суть которой заключается в том, что поскольку основания для последующего направления на работу касаются прав и обязанностей граждан, то они должны устанавливаться в Кодексе об образовании.

Таким образом, исходя из выявленного конституционно-правового смысла норм Закона, Конституционный Суд полагает, что усиление Законом правовых гарантий реализации конституционного права каждого на образование, повышение качества и доступности образования с учетом тенденций развития современного образовательного пространства, включающих использование информационно-коммуникационных технологий, соответствует принципам и нормам Конституции.

Конституционный Суд считает, что Закон по содержанию норм, форме акта, разграничению компетенции между государственными органами и порядку принятия соответствует Конституции.

Республика Казахстан

**НОРМАТИВНОЕ ПОСТАНОВЛЕНИЕ
КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН
от 22 февраля 2023 года № 3 «О рассмотрении на соответствие
Конституции Республики Казахстан подпункта 1) пункта 1
и пункта 2 статьи 610 Кодекса Республики Казахстан от 25 декабря
2017 года «О налогах и других обязательных платежах в бюджет»
(Налоговый кодекс)»**

22 февраля 2023 года

город Астана

Конституционный Суд Республики Казахстан в составе председательствующего – заместителя Председателя Нурмуханова Б.М., судей Ескендинова А.К., Жакипбаева К.Т., Жатканбаевой А.Е., Кыдырбаевой А.К., Онгарбаева Е.А., Подоприторы Р.А., Сарсембаева Е.Ж. и Ударцева С.Ф. с участием представителей:

субъекта обращения Досмагамбетова Е.Н. – адвоката Жолболова Н.К.,

Сената Парламента Республики Казахстан – депутата Сената Парламента Республики Казахстан Орынбекова Б.С.,

Правительства Республики Казахстан – вице-министра финансов Республики Казахстан Биржанова Е.Е.,

Министерства национальной экономики Республики Казахстан – вице-министра Амрина А.К.,

Министерства юстиции Республики Казахстан – вице-министра Жакселековой Б.Ш.,

Генеральной прокуратуры Республики Казахстан – советника Генерального Прокурора Адамова Т.Б.,

Уполномоченного по правам человека в Республике Казахстан – заместителя руководителя Национального центра по правам человека Умарова А.С.,

Научно-исследовательского института частного права Каспийского университета – старшего научного сотрудника Осипова Е.Б.,

Палаты налоговых консультантов Республики Казахстан – Исполнительного директора Хорунжего А.Г. рассмотрел в открытом заседании обращение гражданина Досмагамбетова Ержана Нуржановича о проверке на соответствие Конституции Республики Казахстан подпункта 1) пункта 1 и пункта 2 статьи 610 Кодекса Республики Казахстан от 25 декабря 2017 года «О налогах и других обязательных платежах в бюджет» (Налоговый кодекс).

Заслушав сообщение докладчика – судьи Конституционного Суда Республики Казахстан Кыдырбаевой А.К., изучив материалы конституционного производства, проанализировав международный опыт и законодательство отдельных зарубежных стран, Конституционный Суд Республики Казахстан

установил:

В Конституционный Суд Республики Казахстан поступило обращение Досмагамбетова Е.Н. о рассмотрении на соответствие Конституции Республики Казахстан подпункта 1) пункта 1 и пункта 2 статьи 610 Кодекса Республики Казахстан «О налогах и других обязательных платежах в бюджет» (Налоговый кодекс) (далее – Налоговый кодекс).

Решением Атырауского городского суда от 28 февраля 2018 года, оставленным без изменения постановлением Атырауского областного суда от 15 мая 2018 года, с Досмагамбетова Е.Н. в доход государства взысканы сумма ущерба 129 639 381 тенге, государственная пошлина в размере 3 889 182 тенге.

Субъект обращения указывает, что взыскание с него государственной пошлины судом первой инстанции в размере 3 889 182 тенге возлагает на него обязанность оплатить при подаче ходатайства в кассационном порядке государственную пошлину в размере 50% от этой суммы, что составляет 1 944 590 тенге. Трудное материальное положение не позволяет ему оплатить такие суммы. Считает, что отсутствие средств лишает его права на судебную защиту, малоимущие граждане должны иметь возможность реализовать свои конституционные права в судах Республики.

По мнению Досмагамбетова Е.Н., установление процентных ставок государственной пошлины за подачу в суд исковых заявлений имущественного характера и ходатайств о пересмотре судебных актов в кассационном порядке, в совокупности с отсутствием норм, определяющих разумный верхний предел государственной пошлины либо предусматривающих освобождение от ее уплаты, отсрочку, рассрочку ее оплаты, фактически ограничивают доступ к правосудию.

Досмагамбетов Е.Н. просит признать оспариваемые положения Налогового кодекса не соответствующими Конституции Республики Казахстан.

При рассмотрении на соответствие Конституции Республики Казахстан подпункта 1) пункта 1 и пункта 2 статьи 610 Налогового кодекса Конституционный Суд исходит из следующего.

1. В соответствии со статьей 1 Конституции Республика Казахстан утверждает себя демократическим, светским, правовым и социальным государством, высшими ценностями которого являются человек, его жизнь, права и свободы.

Это означает, что государство не только провозглашает права и свободы человека и гражданина, но и гарантирует их обеспечение, создавая все необходимые условия.

Основной гарантией защиты прав и законных интересов граждан является право на судебную защиту, закрепленное в пункте 2 статьи 13 Конституции. Данное право является абсолютным и неотчуждаемым и не подлежит ограничению ни в каких случаях (пункт 3 статьи 39 Основного Закона).

В силу статьи 14 Конституции все равны перед законом и судом. Никто не может подвергаться какой-либо дискриминации по мотивам происхождения, социального, должностного и имущественного положения, пола, расы, национальности, языка, отношения к религии, убеждений, места жительства или по любым иным обстоятельствам.

Данные положения корреспондируются с положениями общепризнанных международных актов.

Статья 7 Всеобщей декларации прав человека, принятой Резолюцией 217 А (III) Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных Наций от 10 декабря 1948 года, гласит, что «все люди равны перед законом и имеют право, без всякого различия, на равную защиту закона. Все люди имеют право на равную защиту от какой бы то ни было дискриминации, нарушающей настоящую Декларацию, и от какого бы то ни было подстрекательства к такой дискриминации».

Международный пакт о гражданских и политических правах, принятый Резолюцией 2200А (XXI) Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных Наций от 16 декабря 1966 года и ратифицированный Законом Республики Казахстан от 28 ноября 2005 года, также содержит нормы, направленные на установление государствами гарантий права каждого человека на судебную защиту, на справедливое и публичное разбирательство его дела компетентным, независимым и беспристрастным судом, созданным на основании закона, и равенство каждого перед судом. Кроме того, в нем закреплено: «Все люди равны перед законом и имеют право без всякой дискриминации на равную защиту закона. В этом отношении всякого рода дискриминация должна быть запрещена законом, и закон должен гарантировать всем лицам равную и эффективную защиту против дискриминации по какому бы то ни было признаку, как-то расы, цвета кожи, пола, языка, религии, политических или иных убеждений, национального или социального происхождения, имущественного положения, рождения или иного обстоятельства» (пункт 3 статьи 2, пункт 1 статьи 14 и статья 26).

Содержание норм, изложенных в статьях 13 и 14 Конституции, неоднократно являлось предметом официального толкования. Так, Конституционный Совет разъяснял, что конституционный принцип «каждый имеет право на судебную защиту своих прав и свобод» означает право любого человека и гражданина обратиться в суд за защитой и восстановлением нарушенных прав и свобод. Реализация этого права осуществляется на основе и в порядке, установленном законом. Равенство всех перед законом и судом означает равенство прав и обязанностей личности, равную защиту государством этих прав и равную ответственность личности перед законом (нормативные постановления от 29 марта 1999 года № 7/2, от 26 июня 2003 года № 9 и другие).

Приведенные принципы получили развитие и реализацию в Конституционном законе Республики Казахстан «О судебной системе и статусе судей Республики Казахстан», в частности, в пункте 2 статьи 1 предусмотрено, что:

- каждому гарантируется судебная защита от любых

неправомерных решений и действий государственных органов, организаций, должностных и иных лиц, ущемляющих или ограничивающих права, свободы и законные интересы, предусмотренные Конституцией и законами Республики;

– никто не может быть лишен права на рассмотрение его дела с соблюдением всех требований закона и справедливости компетентным, независимым и беспристрастным судом.

Важным элементом права на судебную защиту является доступ к правосудию – фундаментальный принцип правового государства, гарантирующий лицу реальную возможность обращения в суд без каких-либо необоснованных препятствий.

Таким образом, Конституцией предопределено основное содержание и направленность принимаемых и действующих законов на обеспечение механизмов и гарантий осуществления, наряду с другими правами и свободами, права каждого на судебную защиту, на равенство всех перед законом и судом и недопустимость дискриминации по любым обстоятельствам, в том числе имущественным. Соответственно, устанавливаемые в сфере деятельности судов обязательные платежи не должны служить средством дискриминации граждан в зависимости от имущественного положения, ущемлять отмеченные конституционные права, препятствовать их реализации и ограничивать доступ к правосудию.

2. Конституционная обязанность и долг платить налоги, сборы и иные обязательные платежи носят всеобщий характер и закреплены в статье 35 Конституции.

Государственная пошлина – платеж в бюджет, взимаемый за совершение юридически значимых действий, в том числе и при обращении в суд (пункт 1 статьи 607 Налогового кодекса).

Законодательное регулирование вопросов определения размеров и порядка уплаты государственной пошлины при реализации права каждого на судебную защиту входит в компетенцию Парламента, уполномоченного издавать законы, которые регулируют важнейшие общественные отношения, устанавливают основополагающие принципы и нормы, касающиеся правосубъектности физических и юридических лиц, гражданских прав и свобод, обязательств и ответственности физических и юридических лиц, налогообложения, установления сборов и других обязательных платежей, вопросов судоустройства и судопроизводства (подпункт 2) пункта 1 статьи 54, подпункты 1), 4) и 6) пункта 3 статьи 61 Конституции).

Государственная пошлина в судах является обязательным платежом в бюджет, но при этом не является платой за выполняемые работы, оказываемые услуги, предоставляемое имущество и не призвана по размеру соответствовать стоимости юридически значимых действий.

При установлении ставок государственной пошлины в процентном соотношении за базу ее исчисления обычно принимается стоимость имущественных благ и прав, истребуемых плательщиком с помощью государства у третьих лиц. При этом стоимость истребуемого

не характеризует имущественное положение самого плательщика, его фактическую способность к уплате государственной пошлины.

В законодательстве некоторых государств, где ставки государственной пошлины выражены в процентах от базы исчисления, как правило, они ограничены верхним пределом. Такой подход позволяет реализовать каждому право на судебную защиту, поскольку размер государственной пошлины должен быть определенным и разумным, не обременять его таким образом, чтобы ее уплата нарушала принцип доступности правосудия.

Конституционный Суд полагает, что при установлении размера государственной пошлины должен быть соблюден баланс между предоставлением права обратиться за судебной защитой и обеспечением эффективности деятельности судов, не допускающий подачу заведомо необоснованных исков и различные злоупотребления правом.

3. Оспариваемые положения Налогового кодекса устанавливают ставки государственной пошлины при обращении в суд по искам, подлежащим имущественной оценке:

для физических лиц в размере 1% от суммы иска,

для юридических лиц – 3%,

при подаче ходатайств о пересмотре судебных актов в кассационном порядке – 50% от соответствующей ставки государственной пошлины, установленной при подаче иска.

Изучение правовой природы государственной пошлины в судах, ее предназначения, позволяет сделать вывод, что само по себе установление в процентном соотношении данных ставок государственной пошлины согласуется с положениями Конституции.

Вместе с тем, положения подпункта 1) пункта 1 и пункта 2 статьи 610 Налогового кодекса, во взаимосвязи с другими нормами, не в полной мере содержат механизмы, позволяющие преодолеть препятствия при уплате данного платежа гражданами, находящимися в затруднительном материальном положении.

Фискальная цель налоговой политики государства должна достигаться только на основе соблюдения баланса экономических интересов государства и налогоплательщика (статья 11 Налогового кодекса). Законодатель при установлении ставок государственной пошлины должен найти разумный баланс между доступностью и эффективностью правосудия. Нарушение его может привести к ограничению прав граждан, поскольку государственная пошлина уплачивается по делам, рассматриваемым судами, до подачи соответствующего иска или ходатайства. В случае непредставления доказательств уплаты государственной пошлины иск либо ходатайство возвращаются без рассмотрения. Высокая сумма иска может приводить к необходимости уплаты государственной пошлины в размерах, превышающих материальные возможности лица, что неизбежно будет ограничивать его конституционное право на обращение в суд.

По мнению Конституционного Суда, установление процентных ставок государственной пошлины в судах по заявлениям имущественного

характера без законодательного ограничения ее размера в доступных для плательщиков пределах лишает гражданина, находящегося в затруднительном материальном положении, возможности уплатить ее и ставит его в неравное положение при реализации права на обращение в суд по сравнению с другими лицами, имеющими такую возможность. Соответственно, такой подход создает условия для ограничения доступа к правосудию.

В статье 616 Налогового кодекса перечислен конкретный перечень оснований освобождения от уплаты государственной пошлины в судах исходя из категории иска или субъекта правоотношения (ветеранов Великой Отечественной войны, лиц с инвалидностью, кандасов и других лиц). Однако они учитывают имущественное положение не всех категорий граждан, являющихся ее плательщиками.

Кроме того, в действующем законодательстве не предусмотрены отсрочка или рассрочка ее уплаты. Исключение составляет лишь один случай отсрочки от уплаты государственной пошлины по искам о защите прав потребителей, поданным гражданином (часть третья статьи 106 Гражданского процессуального кодекса Республики Казахстан от 31 октября 2015 года).

До 1 января 2005 года часть вторая статьи 104 и статья 105 Гражданского процессуального кодекса Республики Казахстан от 13 июля 1999 года предусматривали право суда, исходя из имущественного положения стороны, освободить одну или обе стороны от уплаты государственной пошлины, отсрочить или рассрочить ее уплату. Таким образом, законодатель наделял суд достаточной дискрецией в каждом конкретном случае разрешать вопрос уплаты государственной пошлины как условие доступа к правосудию.

Данные положения процессуального законодательства были исключены Законом Республики Казахстан от 13 декабря 2004 года «О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Казахстан по вопросам налогообложения». Таким образом, законодатель лишил суды соответствующих дискреционных полномочий, предоставленных исключительно в целях обеспечения беспрепятственного доступа граждан к правосудию, при этом не предусмотрев механизмов реализации конституционного права на судебную защиту лицами, находящимися в трудном материальном положении.

Право на справедливое судебное разбирательство, закрепленное в Конституции, должно быть обеспечено надлежащим образом. Освобождение полностью или частично от уплаты государственной пошлины, отсрочка или рассрочка ее уплаты и другие меры относятся к правовым инструментам реализации конституционного права на судебную защиту, когда обращение в суд затруднено имущественным положением лица.

Размеры государственной пошлины должны быть разумными, обоснованными, соразмерными, не преграждающими обращение гражданина в суд, либо должен быть предусмотрен правовой механизм преодоления барьера в реализации конституционного права на доступ к правосудию.

Подобных инструментов законодательство в целом, Налоговый кодекс в частности, не содержит, поэтому законодателю надлежит восполнить пробел в правовом регулировании.

4. Пункт 2 статьи 610 Налогового кодекса закрепляет общий принцип взимания государственной пошлины при подаче ходатайств о пересмотре судебных актов в кассационном порядке – в размере 50 процентов от соответствующей ставки государственной пошлины, установленной в пункте 1 данной статьи. При этом рассматриваемая норма не содержит положений, позволяющих однозначно определить субъект оплаты данного платежа, от которого зависит его размер. Использованное в ней словосочетание «при подаче административного иска, искового заявления (заявления) по таким спорам» на практике привело к отказу в принятии ходатайства гражданина Верховным Судом.

Из материалов обращения следует, что с физического лица, являющегося ответчиком по иску юридического лица, при внесении им ходатайства о пересмотре судебных актов в кассационном порядке высший судебный орган требует уплаты государственной пошлины в размере 50 процентов от ставки государственной пошлины, установленной в пункте 1 статьи 610 Налогового кодекса для юридических лиц.

Такое понимание и применение пункта 2 статьи 610 Налогового кодекса не согласуется с концептуальными подходами законодателя к определению размеров государственной пошлины в зависимости от субъекта ее уплаты – физическими или юридическими лицами.

Именно баланс экономических интересов государства и налогоплательщиков лежит в основе определения более низких размеров государственной пошлины для физических лиц при реализации ими права на судебную защиту.

Конституционный Суд считает, что при истолковании положения пункта 2 статьи 610 Налогового кодекса «государственная пошлина взимается в размере 50 процентов от соответствующей ставки государственной пошлины, установленной в пункте 1 настоящей статьи при подаче административного иска, искового заявления (заявления) по таким спорам» следует исходить от субъекта, обращающегося с ходатайством о пересмотре судебных актов в кассационном порядке.

Исходя из концептуальных различий в подходах законодателя к взиманию государственной пошлины в зависимости от субъекта ее уплаты, при применении пункта 2 статьи 610 Налогового кодекса в случаях обращения гражданина с ходатайствами о пересмотре судебных актов в кассационном порядке вне зависимости от его процессуального положения (истец или ответчик) государственная пошлина должна взиматься в размере 50 процентов от соответствующей ставки государственной пошлины, установленной в пункте 1 данной статьи для физических лиц.

Иное понимание положений пункта 2 статьи 610 Налогового кодекса снижало бы эффективность принятых государством мер по обеспечению возможности физическим лицам реализовать конституционное право на судебную защиту своих прав и свобод, что

является недопустимым. Соответственно, пункт 2 статьи 610 Налогового кодекса в части слов «при подаче административного иска, искового заявления (заявления) по таким спорам» не соответствует пункту 2 статьи 13 и статье 14 Конституции.

В ряде нормативных постановлений Конституционный Совет указывал, что закон должен соответствовать требованиям юридической точности и предсказуемости последствий, то есть его нормы должны быть сформулированы с достаточной степенью четкости и основаны на понятных критериях, исключающих возможность произвольной интерпретации положений закона. Из принципа верховенства права вытекает требование формальной определенности, ясности и непротиворечивости правового регулирования, взаимной согласованности предметно связанных между собой норм различной отраслевой принадлежности (нормативные постановления от 27 февраля 2008 года № 2, от 11 февраля 2009 года № 1, от 7 декабря 2011 года № 5 и другие).

На основании изложенного, руководствуясь пунктом 3 статьи 72 и пунктом 3 статьи 74 Конституции Республики Казахстан, подпунктом 3) пункта 4 статьи 23, статьями 55–58, 62, пунктом 4 статьи 64 и подпунктом 2) пункта 1 статьи 65 Конституционного закона Республики Казахстан от 5 ноября 2022 года «О Конституционном Суде Республики Казахстан», Конституционный Суд Республики Казахстан

постановляет:

1. Признать подпункт 1) пункта 1 статьи 610 Кодекса Республики Казахстан «О налогах и других обязательных платежах в бюджет» (Налоговый кодекс) соответствующим пункту 2 статьи 13 и статье 14 Конституции Республики Казахстан.

2. Признать не соответствующими пункту 2 статьи 13 и статье 14 Конституции Республики Казахстан положения пункта 2 статьи 610 Кодекса Республики Казахстан «О налогах и других обязательных платежах в бюджет» (Налоговый кодекс) в части слов «при подаче административного иска, искового заявления (заявления) по таким спорам», которые приводят к ущемлению и ограничению конституционного права каждого на судебную защиту своих прав и свобод.

3. До внесения поправок в пункт 2 статьи 610 Кодекса Республики Казахстан «О налогах и других обязательных платежах в бюджет» (Налоговый кодекс) с ходатайств физических лиц о пересмотре судебных актов в кассационном порядке подлежит взиманию государственная пошлина в размере 50 процентов от соответствующей ставки государственной пошлины для физических лиц, установленной в подпункте 1) пункта 1 статьи 610 данного Кодекса.

4. Считать, что пробел, возникший после исключения из законодательства Республики Казахстан инструментов, обеспечивающих доступ к правосудию граждан, оказавшихся в затруднительном имущественном положении (уменьшение размера,

освобождение, отсрочка, рассрочка уплаты государственной пошлины и другие), препятствует реализации в полной мере конституционного права каждого на судебную защиту своих прав и свобод.

5. Правительству Республики Казахстан не позднее трех месяцев после опубликования настоящего нормативного постановления внести в Мажилис Парламента Республики Казахстан проект соответствующего закона, направленный на совершенствование правового регулирования вопросов оплаты государственной пошлины в судах.

О принятых мерах в указанный срок проинформировать Конституционный Суд Республики Казахстан.

6. Настоящее нормативное постановление вступает в силу со дня его принятия, является общеобязательным на всей территории Республики, окончательным, обжалованию не подлежит и обратной силы не имеет.

7. Настоящее нормативное постановление опубликовать на казахском и русском языках в официальных республиканских печатных изданиях, единой системе правовой информации и на интернет-ресурсе Конституционного Суда Республики Казахстан.

**Конституционный Суд
Республики Казахстан**

**ПОСЛАНИЕ
Конституционного Суда Республики Казахстан
«О состоянии конституционной законности
в Республике Казахстан»**

(оглашено на совместном заседании
Палат Парламента Республики Казахстан
20 июня 2023 года)

В целях обеспечения исполнения подпункта 6) статьи 53 Конституции Республики Казахстан о заслушивании Парламентом Республики Казахстан ежегодного послания о состоянии конституционной законности в Республике Казахстан, а также с учетом начала деятельности Конституционного Суда с января 2023 года, подготовлено настоящее Послание.

Обновленная Конституция Республики Казахстан заложила правовые основы для дальнейшей модернизации общества и государства. Конституционная реформа 2022 года через всенародный референдум закрепила новые подходы к функционированию органов государственной власти, государственному управлению, защите прав и свобод человека, усилению процессов демократизации.

Ключевая цель конституционной реформы заключается в системной трансформации политической модели. Конституционные изменения направлены на развитие демократизации, децентрализации

и монополизации. Это: создание дополнительных условий для утверждения реальной многопартийности; пересмотр требований и подходов к избранию Президента Республики Казахстан; демократизация выборов в Мажилис Парламента; введение альтернативности кандидатур при назначении акимов областей, городов республиканского значения и столицы; повышение роли и статуса Парламента через наделение Мажилиса полномочием по принятию законов, а Сената – по их одобрению.

В числе конституционных поправок, нацеленных на укрепление социальной роли государства и правозащитного потенциала, следует отметить закрепление решения по отмене смертной казни, правового статуса и задач Уполномоченного по правам человека.

Правительство наделено правом принимать под свою ответственность временные нормативные правовые акты в критических ситуациях, до принятия Парламентом необходимых законов.

Реформирование охватило партийную и избирательную системы, формирование, структуру, функции законодательного, исполнительных и судебных органов, местных представительных и исполнительных государственных органов.

Ключевая формула реформирования конституционной конструкции государства: «Сильный Президент – влиятельный Парламент – подотчетное Правительство» направлена на повышение эффективности государства и гражданского общества.

Конституционные новеллы получили дальнейшее развитие через принятие Парламентом конституционных законов «О Конституционном Суде Республики Казахстан», «О прокуратуре», «Об Уполномоченном по правам человека в Республике Казахстан» и поправок в некоторые законодательные акты, которые сопровождалась церемонией их публичного подписания Главой государства 5 ноября 2022 года.

Создание Конституционного Суда с наделением граждан правом обращаться за проверкой конституционности норм закона (по опыту большинства стран мира) подтверждает серьезное отношение государства к вопросам совершенствования механизмов защиты граждан и всестороннего обеспечения, соблюдения и исполнения Основного Закона.

Символично, что Конституционный Суд как важнейший механизм защиты прав и свобод человека и гражданина в Республике Казахстан начал свою работу в год 75-летия принятия Генеральной Ассамблеей Организации Объединенных Наций Всеобщей декларации прав человека – одного из фундаментальных международно-правовых актов, вобравшего в себя глобальное определение прав человека. Данный акт прошел проверку временем, что подтверждает его универсальный характер и ценность для развития общества, государства и личности. В этом ключе важно, что по итогам конституционной реформы сами граждане и Уполномоченный по правам человека стали непосредственными участниками процесса обеспечения и соблюдения прав и свобод, закрепленных во Всеобщей Декларации и Конституции Республики Казахстан.

Как показала работа Конституционного Суда за пять месяцев, граждане в своих обращениях справедливо поднимают проблемы в исполнении законов и других правовых актов, требуя проверки их на соответствие Конституции.

Действующий с начала этого года Конституционный Суд наращивает национальную практику конституционного производства с учетом наилучшего опыта своих коллег в рамках Всемирной конференции по конституционному контролю. Базовые подходы: обеспечение верховенства Конституции и права каждого на выражение мнения; всестороннее и качественное рассмотрение проблем, которые поднимаются в обращениях. Сохранение такого подхода необходимо для более полного и точного выяснения содержания, целей, системных связей и коллизий конкретной нормы с другими нормами права, для выявления ее потенциала и практики применения, соотношения с конституционными положениями. Участие политической власти в разбирательстве дает возможность Конституционному Суду лучше оценивать правовые трудности, преодолевать сомнения в соответствии законов положениям Конституции.

В Конституции закреплено, что государственная власть, осуществляемая в соответствии с принципом разделения ее на законодательную, исполнительную и судебную ветви, взаимодействующие между собой с использованием системы сдержек и противовесов, едина. Конституционное производство, в свою очередь, содействует выявлению противоречий, пробелов и неконституционных элементов правового регулирования системы государственного управления, которые необходимо устранять усилиями всех государственных органов в соответствии с Конституцией и законами.

Конституционный Суд в своих нормативных постановлениях формулирует правовые позиции, важные для развития законодательства, и устраняет из действующего права нормы, не соответствующие Основному Закону. Для этого процесса в демократическом государстве характерно изучение мнения государственных органов, результатов научных исследований и заключений экспертов и специалистов.

Выступая на открытии первой сессии Парламента VIII созыва, Президент Республики Казахстан отметил, что «соблюдение принципа верховенства права во всех сферах жизни должно стать фундаментом поступательного прогресса нашей страны. Важно, чтобы каждый гражданин был уверен в защите своих прав, не сомневался в справедливости судов».

В целом конституционная реформа 2022 года и принятые для ее реализации законы, состоявшиеся по новым правилам парламентские выборы и связанные с ними преобразования в органах исполнительной власти перезагрузили систему государственных органов, устранили сложившиеся политические монополии, препятствующие конкуренции, реформированию законодательства, укрепили основы для верховенства права и гарантии защиты прав и свобод человека и гражданина.

II

При рассмотрении обращений граждан в рамках конституционного производства осуществляется проверка на соответствие Конституции нормативных правовых актов, непосредственно затрагивающих их права и свободы, закрепленные Конституцией Республики.

Гарантией доступа каждого к конституционному контролю является прямое и ясное закрепление законодателем требований к обращениям, порядка их рассмотрения, пределов и критериев конституционной проверки.

В практическом плане Конституционный Суд придает большое значение и прилагает усилия для повышения правовой информированности граждан о порядке обращения в орган конституционного контроля. С первых дней его деятельности проводится большая праворазъяснительная работа совместно с профессиональным юридическим сообществом и высшими учебными заведениями.

При Конституционном Суде сформирован научно-консультативный совет из числа ученых разных отраслей права, которые вносят предложения, дают рекомендации по обеспечению верховенства Конституции, повышению эффективности механизмов защиты конституционных прав и свобод.

Свыше 3000 граждан обратились за конституционной защитой своих прав в течение пяти месяцев текущего года. Данные цифры являются свидетельством не просто интереса граждан к новому органу, а подтверждают желание каждого из обратившихся защитить свои права, тем самым они вносят вклад в приведение нормативных правовых актов в соответствие с Основным Законом и содействуют восстановлению справедливости.

Как показывает анализ обращений, значительная часть из них (41%) касается несогласия с решениями судов, что не относится к предмету рассмотрения Конституционным Судом. В обращениях также поднимаются вопросы банкротства физических лиц, неисполнения судебных актов, жилищных и трудовых отношений, социальной защиты, исполнения наказаний, доступа к информации и другие. Только в 26% обращений граждане просят проверить конституционность законов и других нормативных правовых актов. В разрезе 20 регионов наибольшее количество обращений поступило от жителей городов Астана, Алматы и Костанайской области.

III

По итогам конституционных производств за пять месяцев выявлены серьезные упущения в отдельных нормативных правовых актах. Это подтверждает необходимость усиления правового мониторинга

их исполнения с привлечением не только заинтересованных органов, но и научного, гражданского и профессионального сообществ.

По обращению Президента Республики Казахстан на предмет соответствия Конституции рассмотрены принятые Парламентом

16 марта 2023 года и представленные на подпись Главе государства 24 марта 2023 года Социальный кодекс и сопутствующие ему законодательные акты – Конституционный закон «О внесении изменений в некоторые конституционные законы Республики Казахстан», законы «О внесении изменений и дополнений в Кодекс Республики Казахстан об административных правонарушениях» и «О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Казахстан по вопросам социального обеспечения» (нормативное постановление от 8 апреля 2023 года № 8). Признавая их в целом соответствующими Основному Закону, Конституционный Суд обратил внимание Правительства на отдельные недостатки, которые необходимо устранить до введения в действие указанных актов. Они касаются законодательства о социальной защите, закрепления полномочий Правительства и уполномоченного органа, недопущения дискриминации прав и свобод в сфере социальной защиты, сроков обращения за назначением некоторых пособий и выплат, подходов к определению их размеров, оснований для приостановления или отказа в выплате.

В порядке предварительного конституционного контроля осуществлена проверка на соответствие Конституции Конституционного закона «О внесении изменений и дополнений в некоторые конституционные законы Республики Казахстан по вопросам административной реформы в Республике Казахстан» и Закона «О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Казахстан по вопросам административной реформы в Республике Казахстан». В принятом нормативном постановлении Конституционного Суда от 8 апреля 2023 года № 7 указано на недостаточную проработанность подходов по разграничению полномочий между уровнями государственного управления (Правительство – центральные исполнительные органы – местные исполнительные органы).

Конституционный Суд указал, что при распределении полномочий между исполнительными государственными органами, участвующими в формировании государственной политики, с учетом персональной ответственности членов Правительства, установленной в статье 68 Конституции, необходимо четко разграничивать уровни, цели, задачи и полномочия в этой сфере между Правительством, центральными и местными исполнительными органами.

Правительству Республики Казахстан рекомендовано до окончания текущей сессии Парламента внести на рассмотрение Мажилиса Парламента законопроекты с учетом правовых позиций Конституционного Суда.

В нормативном постановлении от 10 января 2023 года № 2, принятом по обращению не менее одной пятой от общего числа депутатов Парламента, Конституционным Судом дано официальное толкование по вопросам принятия конституционных законов. Конституция прямо закрепляет основания принятия конституционных законов, содержит их исходные положения в силу особой значимости регулируемых ими общественных отношений.

В числе конституционных производств имеются возбужденные по вопросам реализации права каждого на судебную защиту в разных формах судопроизводства и связанных с ним гарантий.

По обращению гражданина Конституционный Суд рассмотрел на соответствие Конституции подпункт 1) пункта 1 и пункт 2 статьи 610 Кодекса от 25 декабря 2017 года «О налогах и других обязательных платежах в бюджет» (Налоговый кодекс).

В нормативном постановлении от 22 февраля 2023 года № 3 Конституционный Суд отметил, что размеры государственной пошлины должны быть разумными, обоснованными и соразмерными. Они не должны препятствовать обращению гражданина в суд, следует предусмотреть правовой механизм преодоления барьера в реализации конституционного права на доступ к правосудию. Освобождение полностью или частично от уплаты государственной пошлины, отсрочка или рассрочка ее уплаты и другие меры должны содействовать реализации права на доступ к правосудию граждан, находящихся в трудной жизненной ситуации. Подобных инструментов законодательство в целом и Налоговый кодекс в частности не содержат, поэтому законодателю надлежит восполнить выявленный пробел.

Конституционным Судом выражены правовые позиции по отдельным ограничениям, применяемым при избрании меры пресечения в виде домашнего ареста (нормативное постановление от 11 апреля 2023 года № 9). Положения пунктов 1), 2) и 3) части второй статьи 146 Уголовно-процессуального кодекса от 4 июля 2014 года (далее – УПК) признаны соответствующими Основному Закону в данном Конституционным Судом истолковании. В частности, ограничения при домашнем аресте, применяемые судами в отдельности либо в совокупности, должны обеспечивать соблюдение гарантированных прав арестованного и его защитника, включая права на жизнь и охрану здоровья, признание правосубъектности, защиту своих прав и свобод всеми не противоречащими закону способами, получение квалифицированной юридической помощи.

По итогам производства по проверке конституционности пункта 6) части первой статьи 489, пункта 2) части первой и части второй статьи 490, части пятой статьи 491 УПК, связанных с предварительным рассмотрением судьями Верховного Суда ходатайства о пересмотре вступивших в законную силу судебных актов, Конституционный Суд (нормативное постановление от 16 мая 2023 года № 13-НП) признал процессуальные нормы соответствующими Основному Закону, за исключением пункта 2) части первой статьи 490 УПК. В отношении данной нормы дано следующее истолкование: предварительное рассмотрение ходатайства о пересмотре вступивших в законную силу судебных актов по предусмотренным основаниям осуществляется с обязательным истребованием материалов уголовного дела. Тем самым обеспечивается полнота изучения на стадии предварительного рассмотрения ходатайства о пересмотре судебных актов в кассационном порядке.

В ходе конституционного производства по обращению гражданина Конституционный Суд обратил внимание на нормы, связанные с правами лица, находящегося в статусе свидетеля, имеющего право на защиту (нормативное постановление от 22 мая 2023 года № 15-НП). В УПК не определены четкие критерии, границы и условия допустимого усмотрения, что позволяет правоприменителю произвольно их интерпретировать. Кроме того, не установлено, в какие сроки и при наступлении каких обстоятельств свидетель, имеющий право на защиту, должен быть переведен в статус подозреваемого или, наоборот, выведен из круга участников уголовного процесса, защищающих свои или представляемые ими права и интересы. Решение указанного вопроса представляется важным, поскольку несвоевременный перевод свидетеля, имеющего право на защиту, в статус подозреваемого может ограничить его процессуальные возможности, в том числе право присутствовать при допросе следственным судьей потерпевшего (свидетеля).

Положения УПК, регламентирующие вопросы депонирования показаний, не в достаточной степени корреспондируются с правом свидетеля, имеющего право на защиту, на очную ставку с теми, кто свидетельствует против него (пункт 15) части второй статьи 65-1), и правом защитника участвовать в заседании суда при депонировании показаний (пункт 7) части второй статьи 70).

Оставление законодателем на усмотрение следственного судьи решения вопроса о присутствии в процессуальном действии свидетеля, имеющего право на защиту, может в последующем привести к ограничению процессуальных прав данного лица в статусе подозреваемого (обвиняемого).

В своих обращениях граждане излагают позицию о том, что отсутствие в УПК обязанности органов уголовного преследования по обеспечению защитником лиц со статусом свидетеля, имеющего право на защиту, установление которой повысило бы гарантии соблюдения конституционных прав человека, закрепленных в пунктах 1 и 3 статьи 13, пунктах 1 и 3 статьи 16 Конституции. Это свидетельствует о недостаточной правовой регламентации защиты прав лица, пребывающего в статусе свидетеля, имеющего право на защиту.

В рамках конституционного производства, связанного с вопросом о пересмотре по вновь открывшимся обстоятельствам дел об административных правонарушениях в порядке сокращенного производства, Конституционный Суд разъяснил, что отсутствие в законе указания на специальный процессуальный документ не означает, что решение о привлечении к ответственности не выносится (нормативное постановление от 28 апреля 2023 года № 12-НП). По смыслу статьи 811 Кодекса об административных правонарушениях от 5 июля 2014 года (далее – КоАП) такое решение принимается в конклюдентной форме, то есть путем совершения определенных действий должностным лицом уполномоченного органа: объявления о правонарушении и взыскании, занесения данных в информационные системы, разъяснения оснований и порядка сокращенного производства, выдачи квитанции об уплате

административного штрафа (в случае необходимости). Подобные действия заменяют постановление по делу об административном правонарушении, выносимое в производстве, осуществляемом в общем порядке. Соответственно, лицо, привлеченное к ответственности в порядке этого производства, не должно лишаться права на пересмотр дела по вновь открывшимся обстоятельствам.

Несогласованность различных норм КоАП не должна приводить к нарушению конституционных и иных прав граждан. Государственные органы не могут отказываться от применения правовой нормы на основании того, что в процессуальном плане вопрос не урегулирован или урегулирован в недостаточной степени.

В нормативном постановлении от 22 мая 2023 года № 16-НП Конституционный Суд в отношении споров, подсудных судам в порядке административного судопроизводства, отметил, что понятие «публично-правовые отношения» в отдельных отраслях права может допускать разное толкование в зависимости от видов регулируемых общественных отношений и, соответственно, иметь различное выражение в законах, что не позволяет сформулировать его общее определение.

1 июня 2023 года Конституционный Суд принял нормативное постановление по обращению гражданина о проверке конституционности абзаца пятого пункта 3 нормативного постановления Верховного Суда от 31 марта 2016 года № 2 «О практике применения судами законодательства об усыновлении (удочерении) детей». В нормативном постановлении Верховного Суда введено императивное требование об обязательности приложения заключения молекулярно-генетической экспертизы к заявлению в суд об усыновлении ребенка, в отношении которого супругом заявителя установлено отцовство, и возврате этого заявления при несоблюдении данного правила.

Правовая позиция Верховного Суда, признающая заключение молекулярно-генетической экспертизы одним из необходимых доказательств отцовства (материнства), содействует укреплению доказательной базы судебных решений и служит защите прав ребенка. Такой подход соответствует требованию законодателя о принятии судом во внимание доказательств, с достоверностью подтверждающих происхождение ребенка от конкретного лица при установлении отцовства в судебном порядке, в случае рождения ребенка у родителей, не состоящих в браке (супружестве) между собой (статья 48 Кодекса от 26 декабря 2011 года «О браке (супружестве) и семье»).

Вместе с тем установление императивного требования в нормативном постановлении не соответствует пункту 2 статьи 13 Конституции о праве каждого на судебную защиту своих прав и свобод и относится к компетенции Парламента Республики Казахстан. Наряду с этим Конституционный Суд отметил важность роли Верховного Суда как субъекта правотворческого процесса при обязательном соблюдении установленных конституционных пределов.

Часть рассмотренных обращений граждан касается вопросов уголовной ответственности и исполнения наказаний. В частности, проведена проверка конституционности статьи 197 Уголовного кодекса

от 3 июля 2014 года (далее – УК), устанавливающей ответственность за транспортировку, приобретение, реализацию, хранение нефти и нефтепродуктов, а также переработку нефти без документов, подтверждающих законность их происхождения (нормативное постановление от 18 мая 2023 года № 14-НП). Отметив отсутствие четкого законодательного определения указанных документов, объекта посягательства и порога наказуемости деяния, конкуренцию с другими нормами смежных законов, Конституционный Суд дал истолкование оспоренным положениям уголовного закона: в диспозиции указанной статьи УК речь идет о регламентированных в законодательстве документах, свидетельствующих о законности совершения лицом названных действий. Нормы уголовного закона в наибольшей степени должны отвечать требованиям ясности, определенности и недвусмысленности, а при бланкетной форме изложения их элементы должны четко раскрываться в соответствующих нормативных правовых актах.

Конституционной проверке были подвергнуты отдельные нормы статьи 141 Уголовно-исполнительного кодекса от 5 июля 2014 года (далее – УИК), подпункт 3) части шестой которой признан не соответствующим Конституции (нормативное постановление от 27 марта 2023 года № 6). Лица, отбывающие пожизненное лишение свободы в идентичных условиях отбывания наказания в сравнении с лицами, осужденными к определенным срокам лишения свободы, оказались пораженными в правах на длительные свидания. Рассмотренная норма не имеет объективного обоснования и в ней усмотрено нарушение конституционных прав осужденных к пожизненному лишению свободы. До введения в действие поправок в УИК Конституционный Суд распространил на них положения подпункта 3) части второй статьи 140 УИК в части количества краткосрочных и длительных свиданий, предусмотренных в течение года.

В порядке последующего конституционного контроля с точки зрения совместимости с требованиями Основного Закона рассмотрены отдельные основания и порядок прекращения полномочий судей и государственных служащих.

Конституционным Судом дана правовая оценка порядку прекращения полномочий судей по отрицательным мотивам (нормативное постановление от 21 апреля 2023 года № 10). Верховному Суду и Высшему Судебному Совету рекомендовано в процедурах рассмотрения материалов Комиссией по качеству правосудия или Судебным жюри предусмотреть использование судьями инструментов защиты своих интересов и законодательно урегулировать основные критерии оценки их профессиональной деятельности.

Признан не соответствующим пункту 1 статьи 24, пунктам 2 и 4 статьи 33 и пункту 1 статьи 39 Конституции подпункт 6) пункта 3 статьи 16 Закона от 23 ноября 2015 года «О государственной службе Республики Казахстан» в части установления бессрочного запрета на поступление на государственную службу граждан, уволенных за совершение дисциплинарных проступков, дискредитирующих

государственную службу (нормативное постановление от 6 марта 2023 года № 4). Основанием для принятия такого решения явилось отсутствие соразмерности правовых ограничений, вытекающих из мер дисциплинарной, административной и уголовной ответственности за правонарушения против интересов государственной службы и государственного управления.

При рассмотрении обращений граждан в части других вопросов государственной службы Конституционный Суд рекомендовал проведение тщательной ревизии законодательства, устанавливающего схожие ограничения при реализации гражданами своих прав на свободу труда и доступ к государственной службе.

Предметом конституционного производства были вопросы конституционности подпункта 3) пункта 1 статьи 10, пункта 1 статьи 64 и пункта 2 статьи 65 Закона от 21 июня 2013 года «О пенсионном обеспечении в Республике Казахстан». Указанные правовые нормы Конституционный Суд признал соответствующими Конституции в данном им истолковании. Выполняя свои конституционные обязательства перед гражданами, учитывая специфику правоохранительной службы, государство предусмотрело особый правовой механизм обеспечения и реализации конституционного права на пенсию сотрудников правоохранительных органов, предполагающий получение пенсионных выплат за выслугу лет. Настоящее право производно от их трудовой деятельности и вытекающие из него выплаты являются одной из форм социальной защиты сотрудников за надлежащее несение правоохранительной службы. Прекращение пенсионных выплат за выслугу лет, назначенных в соответствии с Законом «О пенсионном обеспечении в Республике Казахстан», допустимо исключительно в случаях, прямо предусмотренных законом, регулирующим вопросы реализации конституционного права граждан на пенсионное обеспечение.

По результатам проверки положения подпункта 3) пункта 1-1 статьи 14 Закона от 23 июля 1999 года «О средствах массовой информации» в нормативном постановлении Конституционного Суда подчеркнуто, что право на неприкосновенность частной жизни (включая право на изображение) как одно из фундаментальных прав человека находится под защитой государства. Использование изображения без согласия лица допускается, когда цель защиты конституционного строя, охраны общественного порядка, прав и свобод человека, здоровья и нравственности населения четко выражена в публикации в средствах массовой информации. Как показал анализ, в правоприменительной практике данный подход соблюдается не всегда (нормативное постановление от 21 апреля 2023 года № 11).

По ходатайству Заместителя Премьер-Министра – Министра торговли и интеграции дано истолкование отдельным положениям нормативного постановления Конституционного Совета от 5 ноября 2009 года № 6 «Об официальном толковании норм статьи 4 Конституции Республики Казахстан применительно к порядку исполнения решений международных организаций и их органов».

Конституционный Суд акцентировал внимание на том, что порядок принятия и вступления в силу решений международных организаций и их органов, участником которых является Республика, должен обеспечивать полный учет национальных интересов с возможностью рассмотрения спорного вопроса высшим органом соответствующей международной организации на уровне глав государств.

IV

Верховенство Конституции, защищенность прав и свобод человека зависят от адекватного правового реагирования на возникающие вызовы и законности принятия и исполнения решений государственными органами, а также в целом от человекоцентричности государственного устройства.

Обозначенные цели должны сопровождать дальнейшую работу заинтересованных государственных органов при исполнении итоговых решений Конституционного Суда.

В настоящее время по некоторым из них заинтересованными уполномоченными государственными органами приняты или принимаются соответствующие меры. В качестве положительного примера упреждающего реагирования со стороны Парламента и Правительства, до завершения конституционного производства, следует отметить устранение конституционно-правовых коллизий в рамках Закона «О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Казахстан по вопросам прав человека в сфере уголовного судопроизводства, исполнения наказания, а также предупреждения пытки других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения», принятого 17 марта 2023 года. В соответствии с нормативным постановлением Конституционного Суда от 22 февраля 2023 года № 3 разрабатывается проект закона по вопросам государственной пошлины в судах. Планируется внесение поправок в Налоговый, Гражданский процессуальный и Административный процедурно-процессуальный кодексы, предусматривающих отсрочку, рассрочку и освобождение от уплаты государственной пошлины в судах исходя из имущественного положения физического лица или финансового положения юридического лица.

Конституционный контроль способствует практической реализации положений Конституции. Глобальные вызовы и расширение сфер человеческой жизнедеятельности требуют динамичных изменений в законодательстве и реконструкции структурных элементов правовой защиты. Скорость изменений усиливает задачу законодателя по обеспечению качества и актуальности формы и содержания законов.

Всесторонний анализ должен сопровождать все законодательные инициативы. Это касается и оптимизации законодательных положений, на что обратил внимание Конституционный Суд при рассмотрении Социального кодекса. Результаты комплексного и тщательного правового мониторинга должны сопровождать нормотворческий процесс, что гарантирует разработку нормы права, соответствующей Основному Закону.

Как показали отдельные конституционные производства, сохраняются различные ведомственные подходы при применении нормы закона межотраслевого характера. Такая ситуация приводит к нарушению принципа равенства всех перед законом и судом.

Законодательство Республики предусматривает различные инструменты недопущения подобных ситуаций, и они должны использоваться своевременно, в необходимых объемах.

Сегодня Конституционный Суд наделен полномочием по принятию решений не только о конституционности или неконституционности нормы закона или иного нормативного правового акта, но и об истолковании соответствующей нормы. Это позволяет оперативно устранять правовые коллизии и пробелы, выявленные в результате конституционной проверки. Новелла о принятии таких нормативных постановлений заимствована из позитивного международного опыта и позволяет уточнить смысл правовой нормы с позиции провозглашенных конституционных принципов и гарантий. Правовые последствия при применении истолкованной нормы такие же, как и при признании нормы неконституционной (нормативное постановление от 28 апреля 2023 года № 12-НП).

Институциональное становление Конституционного Суда, формирование его практики, расширение доступа граждан к конституционному контролю, наделение Генерального Прокурора и Уполномоченного по правам человека правом постановки вопроса о конституционности нормативных правовых актов, новый формат их взаимодействия с ветвями государственной власти закономерно потребуют дальнейшего совершенствования законодательства.

В таких условиях для цели единообразного правоприменения возрастает роль конституционного обращения гражданина, которое, с одной стороны, стало дополнительным средством защиты ими своих прав, а с другой, – наглядным проявлением гражданской активности в процессе укрепления конституционной легитимности законов.

Как показали первые месяцы работы, граждане нередко обращаются в Конституционный Суд при наличии возможности защиты своих прав с использованием других правозащитных инструментов, тогда как в международной практике механизм конституционного обращения (жалобы) может быть задействован тогда, когда исчерпаны другие средства правовой защиты.

Анализ поступающих в Конституционный Суд обращений показывает определенную обоснованность нареканий к отдельным положениям законов и других нормативных правовых актов.

Исходя из вышеизложенного, введение института конституционного обращения гражданина потребует дальнейшего повышения уровня конституционного правосознания и правовой культуры общества и государственного аппарата в целом, а также специализации системы оказания квалифицированной юридической помощи в рамках конституционного производства. Данный институт ориентирован на содействие дальнейшему укреплению конституционной законности в стране.

Следует признать, что обновленная Конституция отвечает требованиям глобальных и региональных вызовов и служит основой происходящих в стране процессов политической трансформации. Необходимо продолжить укреплять созидательный потенциал Основного Закона через реализацию комплекса мер законодательного, научного и практического характера при условии их устойчивости, последовательности и системности.

Верховенство Конституции продолжает оставаться фундаментальной основой нашего государства и ориентировано на законодательное и практическое обеспечение достоинства, свободы и справедливости для всех. Преемственность и стабильность конституционно-правового развития должны сохраняться через консолидацию усилий и конструктивное партнерство граждан, институтов гражданского общества и государственных органов на пути устойчивого развития Республики Казахстан.

**Конституционный Суд
Республики Казахстан**

Кыргызская Республика

**РЕШЕНИЕ
КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА
КЫРГЫЗСКОЙ РЕСПУБЛИКИ**

**по делу о проверке конституционности
пункта 7 статьи 216 Гражданского процессуального кодекса
Кыргызской Республики в связи с обращением
Алиевой Назили Адылевны и Осмоналиевой Айнуры Мусаевны**

18 января 2023 года

город Бишкек

Конституционный суд Кыргызской Республики в составе: председательствующего Осконбаева Э.Ж., судей Айдарбековой Ч.А., Бобукеевой М.Р., Дуйшеева К.А., Жолдошевой Л.Ч., Жумабаева Л.П., Касымалиева М.Ш., Кыдырбаева К.Дж., Шаршеналиева Ж.А. при секретаре Аблакимове К.А., с участием:

обращающейся стороны – Алиевой Назили Адылевны, Осмоналиевой Айнуры Мусаевны;

стороны-ответчика – Букашева Мирлана Абылбековича, Орозобек уулу Максата, представителей Жогорку Кенеша Кыргызской Республики по доверенности;

третьих лиц – Ишекеевой Гулзаады Назаркуловны, заместителя заведующего отделом правового обеспечения Администрации Президента, представляющей интересы Президента и Кабинета Министров в Конституционном суде Кыргызской Республики по доверенности, Сапияновой Маргариты Насаркановны, представителя Верховного суда Кыргызской Республики по доверенности, Турганбаевой Айнуры Кимсанбаевны, представителя Министерства юстиции Кыргызской Республики по доверенности, руководствуясь частями 1 и 2 статьи 97 Конституции Кыргызской Республики, статьями 4, 17, 40, 45 конституционного Закона Кыргызской Республики «О Конституционном суде Кыргызской Республики», рассмотрел в открытом судебном заседании дело о проверке конституционности пункта 7 статьи 216 Гражданского процессуального кодекса Кыргызской Республики.

Поводом к рассмотрению данного дела явилось обращение Алиевой Н.А. и Осмоналиевой А.М.

Основанием к рассмотрению данного дела явилась обнаружившаяся неопределенность в вопросе о том, соответствует ли Конституции Кыргызской Республики пункт 7 статьи 216 Гражданского процессуального кодекса Кыргызской Республики.

Заслушав информацию судьи-докладчика Бобукеевой М.Р., проводившей подготовку дела к судебному заседанию, обсудив доводы сторон, выслушав объяснения третьих лиц, и, исследовав материалы дела, Конституционный суд Кыргызской Республики

установил:

В Конституционный суд Кыргызской Республики 22 августа 2022 года поступило обращение Алиевой Н.А. и Осмоналиевой А.М. о проверке соответствия пункта 7 статьи 216 Гражданского процессуального кодекса Кыргызской Республики (далее – ГПК) частям 1, 2 статьи 6, части 1 статьи 61, части 1 статьи 95, части 3 статьи 97, части 1, 2 статьи 102 Конституции Кыргызской Республики.

Определением коллегии судей Конституционного суда Кыргызской Республики от 15 сентября 2022 года данное обращение было принято к производству.

В судебном заседании обращающаяся сторона поддержала свои требования и отметила следующее.

Пункт 7 статьи 216 ГПК, предусматривая, что суд может по заявлению лиц, участвующих в деле, или по своей инициативе приостановить производство по делу в случае получения уведомления Конституционной палаты Верховного суда Кыргызской Республики, по мнению субъектов обращения, необоснованно наделяет суд дискрецией по своему усмотрению принимать решение о приостановлении производства по делу.

Заявители полагают, что в случае установления органом конституционного контроля неопределенности в вопросе соответствия оспариваемой нормы Конституции и принятия того или иного запроса судьи (судей) к своему производству, если это впоследствии может иметь существенное значение при рассмотрении дела судом и принятии по нему решения, суд должен приостановить производство по делу до вынесения решения Конституционным судом.

Субъекты обращения отмечают, что Конституция имеет высшую юридическую силу и прямое действие в Кыргызской Республике, и конституционные законы, законы и другие нормативные правовые акты принимаются на ее основе (части 1, 2 статьи 6). Кроме того, Конституцией каждому гарантирована судебная защита его прав и свобод, предусмотренных ею, законами, международными договорами, участницей которых является Кыргызская Республика, а также общепризнанными принципами и нормами международного права (часть 1 статьи 61).

Вместе с тем, согласно части 3 статьи 97 Конституции каждый вправе оспорить конституционность закона и иных нормативных правовых актов, если считает, что ими нарушаются права и свободы, признаваемые Конституцией. В свою очередь, судьи независимы и подчиняются только Конституции и законам (часть 1 статьи 95).

По мнению заявителей, основополагающим принципом осуществления судебной защиты является принцип законности, подразумевающий вынесение судебных решений на основе Конституции и законов, а в случае возникновения каких-либо сомнений в конституционности примененной или подлежащей применению при разрешении дела нормы закона, суд обязан приостановить дело до вынесения решения Конституционным судом.

Однако, как считают авторы обращения, оспариваемая норма создает ситуацию, при которой, несмотря на принятый к производству Конституционного суда запрос, вопрос приостановления производства по делу решается судом по его усмотрению.

Алиева Н.А. и Осмоналиева А.М. отмечают, что конституционное судопроизводство имеет сопряжение с другими видами судопроизводства. Одной из «точек соприкосновения» конституционного и гражданского судопроизводства является институт приостановления производства по делу в связи с обращением его участников в Конституционный суд. Такая взаимосвязь обусловлена правом лица на защиту своих прав и свобод как в процессе конституционного, так и гражданского судопроизводства, которые могут быть чреватые вынесением судами по одному и тому же вопросу разных решений.

Заявители утверждают, что решение о приостановлении по гражданскому делу должно быть обязательным, как в случае направления запроса судьи (судей) в орган конституционного контроля, так и в случае принятия обращения к конституционному судопроизводству.

В процессе рассмотрения дела Осмоналиева А.М. попросила Конституционный суд проверить оспариваемую норму на противоречие части 1, 2 статьи 102 Конституции Кыргызской Республики.

С учетом изложенного, субъекты обращения просят признать оспариваемую норму противоречащей Конституции.

Представители стороны-ответчика Букашев М.А., Орозобек уулу М. считают доводы заявителей необоснованными, а их требования не подлежащими удовлетворению по следующим основаниям.

Как отмечает Букашев М.А., статья 215 ГПК определяя основания, по которым суд обязан приостановить производство по делу, предполагает такие случаи, при наступлении которых продолжение производства по делу невозможно до устранения либо разрешения, препятствующих ходу дела обстоятельств. В свою очередь, статьей 216 ГПК установлено, что суд может по заявлению лиц, участвующих в деле, или по своей инициативе приостановить производство по делу в случаях, которые в той или иной степени могут затруднить производство по делу, однако не исключают возможность его продолжения, то есть, предоставляя право суду по своему усмотрению решить вопрос о приостановлении производства по делу. При этом в соответствии с частью 1 статьи 219 ГПК производство по делу возобновляется после устранения обстоятельств, обусловивших его приостановление по заявлению лиц, участвующих в деле, или по инициативе суда.

Так, учитывая сроки конституционного судопроизводства, установленные статьей 31 конституционного Закона «О Конституционном суде Кыргызской Республики», а также ее специфику, подразумевающую всестороннее, детальное изучение вопроса о соответствии закона, иного нормативного правового акта Основному Закону, обязательное приостановление производства по делу в связи с началом процесса проверки конституционности закона, примененного или подлежащего применению при разрешении дела, в конечном счете, может привести к затягиванию рассмотрения дела.

Однако в гражданском судопроизводстве сроки рассмотрения играют значимую роль в делах, рассматриваемых в порядке особого производства, где те или иные обстоятельства могут потерять актуальность либо наоборот усугубить положение сторон, а также третьих лиц.

Таким образом, при обязательном приостановлении производства по делу в случае принятия к конституционному производству обращения, ограничивается право на судебную защиту одной из сторон и третьих лиц, участвующих в деле. Тогда как, в соответствии с положениями международных актов, каждый человек имеет право на эффективное восстановление в правах компетентными национальными судами в случаях нарушения их прав, предоставленных ему конституцией или законом; государство обязуется обеспечить, чтобы право на правовую защиту для любого лица, требующего такой защиты, устанавливалось компетентными судебными, административными или законодательными властями или любым другим компетентным органом, предусмотренным правовой системой государства, и развивать возможности судебной защиты (статья 8 Всеобщей декларации прав человека, подпункт b пункта 3 статьи 2 Международного пакта о гражданских и политических правах).

Вместе с тем, Букашев М.А. отмечает, что в соответствии с частью 1, абзацем вторым части 3 статьи 95 Основного Закона, судьи независимы и подчиняются только Конституции и законам, запрещается всякое вмешательство в деятельность по осуществлению правосудия. Так, основываясь на указанных положениях, суд, по своему усмотрению должен решать вопрос о приостановлении производства по делу.

Между тем, полномочия Конституционного суда, установленные частью 2 статьи 97 Конституции, частью 1 статьи 4 конституционного Закона «О Конституционном суде Кыргызской Республики» являются исчерпывающими, и орган конституционного контроля не может своим актом приостановить производство по гражданскому делу.

Представитель стороны-ответчика также полагает, что согласно положениям главы 41 ГПК, предусматривающей пересмотр по вновь открывшимся обстоятельствам или новым обстоятельствам судебных актов, вступивших в законную силу, признание Конституционным судом Кыргызской Республики закона или иного нормативного правового акта противоречащим Конституции, может быть признано новым обстоятельством и основанием для пересмотра дела.

Второй представитель Жогорку Кенеша Орозобек уулу М. поддержал доводы Букашева М.А.

Представитель Администрации Президента Кыргызской Республики Ишекеева Г.Н. выразила следующее мнение по поводу оспариваемой нормы.

Статьи 215, 216 ГПК определяют институт приостановления производства по гражданскому делу, имеющий особое значение в гражданском судопроизводстве, целью которого является правильное и справедливое рассмотрение и разрешение дел.

Ишекеева Г.Н. полагает, что указанные статьи ГПК следует рассматривать в совокупном и неразрывном единстве, так как часть 4 статьи 215 ГПК предусматривает обязанность суда приостановить производство по делу в случае невозможности рассмотрения данного дела до разрешения другого дела, рассматриваемого в порядке конституционного, гражданского, административного, уголовного судопроизводства или в административном порядке.

По мнению представителя Администрации Президента Кыргызской Республики, принятие запроса судьи к производству Конституционного суда и направление соответствующего уведомления само по себе носит предписывающий характер для суда в вопросе о приостановлении производства по делу.

Вместе с тем, ввиду конституционного установления, согласно которому суд не вправе применять нормативный правовой акт, противоречащий Конституции, и, если при рассмотрении дела в любой судебной инстанции возник вопрос о конституционности закона или иного нормативного правового акта, от которого зависит решение дела, суд направляет запрос в Конституционный суд.

Таким образом, с запросами о признании неконституционными законов и иных нормативных правовых актов при рассмотрении дела в любой судебной инстанции только судьи вправе обращаться в Конституционный суд. В связи с этим, исходя из буквального понимания вышеуказанной нормы, суд может приостановить производство по делу по рассматриваемому основанию только в случае направления им соответствующего запроса.

Если же к производству Конституционного суда принято обращение в форме представления или ходатайства от других субъектов обращений, обозначенных статьей 19 конституционного Закона «О Конституционном суде Кыргызской Республики», суд должен приостановить производство на основании пункта 7 статьи 216 ГПК ввиду невозможности рассмотрения данного дела до разрешения дела, рассматриваемого в порядке конституционного судопроизводства.

Учитывая вышеизложенное, Ишекеева Г.Н. считает, что оспариваемая норма не противоречит Конституции.

Представитель Верховного суда Сапиянова М.Н. считает, что оспариваемая норма не является противоречащей Конституции. Она отметила, что действие оспариваемой нормы обусловлено тем, что судом должна быть дана соответствующая правовая оценка преюдициального значения к рассматриваемому делу решения Конституционного суда, которым может быть признан неконституционным нормативный правовой акт или его структурный элемент. Иными словами, суд должен установить, что проверяемый нормативный правовой акт или его структурный элемент в Конституционном суде может быть положен в основу решения суда по делу.

Кроме того, по её мнению, данная норма предусмотрена также в целях пресечения злоупотребления лицами, участвующими в деле своими процессуальными правами, которое впоследствии нередко приводит к искусственному затягиванию дела.

Представитель Министерства юстиции Турганбаева А.К. выразила позицию, согласно которой важнейшим принципом права является законность, предполагающая точное и неуклонное исполнение, соблюдение и применение законов и иных нормативных правовых актов судом. Понятие законности неразрывно связано с правильным применением судом юридических норм в гражданском процессе. В случае, если закон или иной нормативный правовой акт противоречит Конституции, приостановление производства по делу должно быть обязанностью суда. Кроме того, каждое из обстоятельств, являющихся основанием для приостановления производства по делу, может повлиять на законность выносимого решения в будущем.

Таким образом, представитель Министерства юстиции полагает, что оспариваемая норма не противоречит Конституции, однако при этом она может вызвать двоякое понимание и применение судами.

Конституционный суд Кыргызской Республики, обсудив доводы сторон, выслушав объяснения третьих лиц, и, исследовав материалы дела, приходит к следующим выводам.

1. В соответствии с частью 4 статьи 17 конституционного Закона «О Конституционном суде Кыргызской Республики» Конституционный суд выносит акты по предмету, затронутому в обращении, лишь в отношении той части нормативного правового акта, конституционность которой подвергается сомнению.

Таким образом, предметом рассмотрения Конституционного суда Кыргызской Республики по данному делу является нормативное положение пункта 7 статьи 216 ГПК, изложенное в следующей в редакции:

«Статья 216. Право суда приостановить производство

Суд может по заявлению лиц, участвующих в деле, или по своей инициативе приостановить производство по делу в случаях:

7) получения уведомления Конституционной палаты Верховного суда Кыргызской Республики о принятии к своему рассмотрению запроса о проверке конституционности закона, применённого или подлежащего применению при разрешении дела;».

ГПК принят в соответствии с порядком, установленным законодательством Кыргызской Республики и опубликован в газете «Эркин Тоо» от 2 февраля 2017 года №12-13, внесён в Государственный реестр нормативных правовых актов Кыргызской Республики и является действующим.

2. В Кыргызской Республике Конституция имеет высшую юридическую силу и прямое действие, конституционные законы, законы и другие нормативные правовые акты принимаются на основе Конституции (статья 6).

Это означает, что принцип верховенства и прямого действия Конституции имеет приоритетный смысл и субординированно-ориентированный характер, суть которого состоит в обеспечении иерархической соподчиненности Конституции всех без исключения актов, носящих нормативно-правовой характер.

Являясь неотъемлемым свойством правового государства и ключевой идеей конституционализма, принцип верховенства и прямого действия Конституции требует установления такого конституционного порядка, при котором будет обеспечено неукоснительное соблюдение Конституции, прежде всего, органами государства, наделёнными нормотворческими полномочиями. Иными словами, вся правовая система не может иметь самостоятельного происхождения и существовать в отрыве от основных правил, идей, принципов и ценностей Конституции. Закон, имманентно основываясь на Конституции, выступает актом реализации конституционных положений и направлен на конкретизацию идей, заложенных в Основном Законе. В этом и проявляется значимость Конституции, которая predeterminedена потребностью общества в наличии глобального акта, закрепляющего основные параметры закономерностей и продуманной модели функционирования всех сфер общественной жизни, государства и его органов. Именно поэтому, законы и иные нормативные правовые акты, воплощающие в жизнь установления Конституции, исполняются и защищаются государством.

В основе функционирования любого правового государства лежит незыблемая приверженность строгому соблюдению режима конституционной законности, подразумевающего совокупность взаимосвязанных конституционно-правовых норм и принципов, обеспеченных эффективно осуществляемой деятельностью уполномоченных органов государственной власти, направленной на реализацию буквы и духа Конституции, выраженного, в том числе, и в правовых позициях высшего органа конституционного контроля.

В рассматриваемом аспекте, Конституционная палата Верховного суда Кыргызской Республики неоднократно отмечала, что любой правовой акт, любое действие органа власти или его должностного лица должны соответствовать нормам Конституции Кыргызской Республики, не противоречить их предписаниям. Необходимость обеспечить единство, целостность и непротиворечивость всей системы права обуславливает верховенство Конституции. Законы и иные правовые акты, принимаемые в Кыргызской Республике, не должны противоречить Конституции (Решения от 11 июля 2014 года, от 24 сентября 2014 года).

Изложенное означает, что закон или иной нормативно-правовой акт, в установленном законом порядке признанный противоречащим Конституции, или же в конституционности которого имеются обоснованные сомнения не могут применяться для разрешения какой-либо правовой ситуации.

3. Конституционное правосудие в системе судебной власти играет особую роль, задача которого состоит в обеспечении верховенства и прямого действия Конституции Кыргызской Республики. Оно воздействует на правовую систему, осуществляя при проверке законоположений корректировку их применения посредством выявления конституционно-правового смысла соответствующих нормоположений.

Актуализируя вышесказанное, Конституционный суд в своем Решении от 30 ноября 2022 года отметил, что главенствующее место в системе судебной подведомственности занимает конституционный

контроль, предназначенный обеспечить юридическое верховенство Конституции в системе нормативных правовых актов, тем самым, достичь незыблемости общественного и государственного строя, закреплённого в Основном Законе, стабильности правового статуса личности, неуклонного выполнения конституционных требований всеми субъектами права. Защита Основного Закона является жизненно необходимой для граждан, как важнейшее условие, гарантирующее соблюдение уровня декларируемых прав и свобод со стороны государственных институтов, с другой, - защита Конституции является по существу имманентным свойством любого демократического государства для сохранения политической стабильности и дальнейшего позитивного развития всего общества.

Орган конституционного контроля, выявляя конституционный смысл норм материального или процессуального права, а также разрешая вопросы неопределённости в понимании положений Конституции в процессе правотворчества и правоприменения, формирует единство правового пространства и обеспечивает конституционную законность в стране.

В свою очередь, ситуацию с конституционной законностью в стране определяет, прежде всего, качество судебного правоприменения. Применение неконституционных нормативных правовых актов не только нарушает конституционный порядок, но и лишает каждого права на справедливый суд, которым охватывается жизнеспособность всей совокупности конституционных прав и свобод.

Именно поэтому, для поддержания режима конституционной законности первостепенное значение имеет соблюдение в ходе судебного правоприменения конституционных требований во всей их полноте, включая точное следование правовым позициям Конституционного суда, а также выполнение иных установок, содержащихся в его решениях, обращенных к правоприменителю.

Положения о правах и свободах человека и гражданина, содержащиеся в Конституции, а также учредительные, регулятивные, охранительные и иные конституционные установления обретают в актах Конституционного суда детальную конкретизацию и ясность с точки зрения изначального их замысла, заложенного в Основном Законе. Исходя из этого, орган конституционного контроля ориентирует законодателя на достижение тех целей, которые основаны на конституционных ценностях и принципах.

Таким образом, среди функций институтов государства осуществление конституционного правосудия занимает особое место и, именно, благодаря ему, природа государственной власти приобретает конституционно выверенный, правовой, системный и предсказуемый характер.

4. Конституция признает судебную власть не только самостоятельной ветвью, но и возлагает на нее одну из ключевых функций в системе разделения государственной власти.

Воздействие судебной ветви власти на общество чрезвычайно многогранное, при этом оно не может быть сведено только к

правоприменительным аспектам. Роль суда, определяемая в правовом государстве, состоит, прежде всего, в упрочнении господства права и служит ему гарантией от сторонних непропорциональных действий и решений.

На органы правосудия возложена значительная ответственность за поддержание устойчивости конституционно-правового порядка, поскольку по своему предназначению они служат претворению в жизнь конституционных установлений и ценностей.

Таким образом, непосредственно институты правосудия наделены функционалом оказывать определяющее воздействие на процесс обеспечения прямого действия Конституции в аспекте ее верховенства. При этом юридическая ценность Основного Закона, как непосредственного регулятора общественных отношений, воплощается только через конституционно обусловленные судебные решения.

В соответствии с частью 1 статьи 95 Основного Закона, судьи независимы и подчиняются только Конституции и законам. В нормативном единстве с частью 1 статьи 102, устанавливающей, что суд не вправе применять нормативный правовой акт, противоречащий Конституции, вытекает обязанность судьи подчиняться, прежде всего, Конституции и, ни в коем случае, не применять при разрешении конкретного дела нормативный правовой акт, в конституционности которого у него возникли сомнения.

Учитывая требование о непосредственном применении Конституции, обращенное ко всем судам, вопрос о запросе суда в орган конституционного контроля при возникновении сомнений в конституционности закона, примененного или подлежащего применению при разрешении дела, имеет исключительное значение.

Согласно Конституции, судьи независимы и подчиняются только Конституции и законам (часть 1 статьи 95). Данная конституционная норма показывает стремление государства в полном объеме реализовать верховенство Конституции и законов во всех сферах общественных отношений и, прежде всего, при отправлении правосудия.

Судья, выполняя такую архиважную государственную функцию как правосудие, осуществляет свою деятельность в условиях динамично меняющегося массива законодательства на фоне стремительно развивающихся общественных отношений. Такое развитие законодательства объективно порождает различного рода коллизии и серьезные трудности в процессе правоприменения.

В свою очередь, конституционно-правовые основы осуществления правосудия предполагают недопустимость применения при разрешении дела норм закона, вызывающих у судьи сомнения в его конституционности. Так, во взаимосвязи с частями 1, 2 статьи 6, статья 102 Основного Закона специально устанавливает, что суд не вправе применять нормативный правовой акт, противоречащий Конституции и, если при рассмотрении дела в любой судебной инстанции возник вопрос о конституционности закона или иного нормативного правового акта, от которого зависит решение дела, суд направляет запрос в Конституционный суд.

Из смысла данной конституционной нормы следует, что любые сомнения судьи в конституционности закона, являются основанием для обращения в Конституционный суд. При этом, до вынесения решения по этому вопросу органом конституционного контроля в соответствии с пунктом 2 части 2 статьи 97 Основного Закона, судья не вправе применять этот закон в конкретном деле. Соответственно, в этом случае производство по делу подлежит обязательному приостановлению.

Подобный механизм обеспечивает законность, обоснованность и преюдициальность судебных актов, способствуя, тем самым, правильному и справедливому разрешению каждого дела, стабильности режима законности и правовой системы, а также позволяет упреждать возможные нарушения конституционных установок, прав и свобод человека и гражданина.

В аспекте взаимодействия судов различных видов юрисдикций и разграничения их компетенции по выявлению неконституционных законов и исключением таковых из числа действующих нормативных правовых актов данное правовое явление является совокупным результатом реализации, с одной стороны, конституционной обязанности по обращению судов общей юрисдикции с постановкой вопроса о конституционности закона перед Конституционным судом, а с другой – обязанности последнего окончательно разрешить этот вопрос.

Причем, самостоятельная оценка судами конституционности закона и возможности применения его в конкретном деле без обращения в Конституционный суд недопустима, поскольку она может привести к различному толкованию конституционных норм и формированию противоречивой судебной практики, которое, непременно, негативно отразится на охраняемых Конституцией ценностях и установках, правах и свободах человека и гражданина.

Таким образом, обязательное приостановление производства по делу исходит не только из прямого контекста статьи 102 Основного Закона, но и основывается на принципе верховенства Конституции над законами всех уровней, его прямого действия, подчинения судьи, прежде всего, Конституции (части 1, 2 статьи 6, часть 1 статьи 95).

5. Не менее важное значение имеет вопрос о допустимости дальнейшего производства по делу, если сомнение в конституционности закона, подлежащего применению судом, возникли не у суда (судьи), а у сторон, или же других лиц, не являющихся участниками данного дела, но их обращение в Конституционный суд затрагивает сферу правоприменения и по этому делу.

Как отмечалось в настоящем Решении, недопустимость применения судами (судьей) при разрешении любого дела закона, вызывающего сомнение в его конституционности, имеет особое, конституционно-правовое значение. Поэтому обязательность приостановления производства по делу не должна вызывать сомнений и, более того, зависеть от правового статуса инициатора обращения в Конституционный суд. Это привело бы к возникновению преимуществ, к примеру, у судей, что также с точки зрения Конституции не допустимо.

Вместе с тем, в случае обращения в Конституционный суд физических и юридических лиц, основанием для приостановления производства по делу в судах общей юрисдикции может быть не сам факт обращения в Конституционный суд, а лишь судебный акт о принятии ходатайства к конституционному судопроизводству. Тем самым, Конституционный суд предварительно подтверждает, что высказанные сомнения в конституционности закона имеют под собой серьезные основания.

Конституционный суд, разрешая вопрос допустимости обращения физических и юридических лиц к конституционному судопроизводству, руководствуется законодательным критерием, заключающимся в установлении неопределённости в вопросе о том, соответствует ли закон требованиям Конституции.

В таком случае перерыв процессуальной деятельности в форме приостановления производства по делу основывается на таком принципиальном, конституционно обусловленном юридическом факте, как недопустимость применения при отправлении правосудия закона или иного нормативного правового акта, вызывающего у Конституционного суда сомнение в его конституционности и признавшего необходимость проведения по установленной процедуре проверки на его соответствие нормам Конституции.

6. Гражданское процессуальное законодательство предусматривает обязанность суда приостановить производство по делу, в случае невозможности его рассмотрения до разрешения другого дела, рассматриваемого, в том числе и в порядке конституционного судопроизводства (пункт 4 статьи 215 ГПК). Данное правовое регулирование является исчерпывающим и охватывает все возможные случаи возникновения сомнения в конституционности закона при рассмотрении дел судами общей юрисдикции и не двусмысленно предполагает, что при отправлении запроса судом (судьей) в Конституционный суд, или же при принятии обращения физического и юридического лица к конституционному судопроизводству суд непременно обязан приостановить производство по делу. Адекватность такого процессуального порядка подтверждается конституционно значимыми мотивами, изложенными в предыдущих пунктах настоящего Решения.

Конституционный суд особо отмечает о недопустимости законодательного предоставления возможности предрешения вопроса судом общей юрисдикции о конституционности закона или иного нормативного правового акта до вынесения решения Конституционным судом по этому вопросу.

В этой связи оспариваемая норма (пункт 7 статьи 216 ГПК), устанавливающая право суда по своему усмотрению решать вопрос о приостановлении производства по делу, в том числе, и в случае получения уведомления органа конституционного контроля о принятии к своему рассмотрению обращения о проверке конституционности закона, примененного или подлежащего применению при разрешении дела, является излишним звеном в правовом регулировании и

подлежит исключению из правовой системы путем признания ее противоречащей частям 1, 2 статьи 6, части 1 статьи 61, части 1 статьи 95, части 3 статьи 97, части 1, 2 статьи 102 Конституции.

На основании вышеизложенного, руководствуясь пунктом 2 части 2, частью 4 статьи 97 Конституции Кыргызской Республики, статьями 48, 49, 52 и 53 конституционного Закона «О Конституционном суде Кыргызской Республики», Конституционный суд Кыргызской Республики

решил:

1. Пункт 7 статьи 216 Гражданского процессуального кодекса Кыргызской Республики признать противоречащим частям 1, 2 статьи 6, части 1 статьи 61, части 1 статьи 95, части 3 статьи 97, части 1, 2 статьи 102 Конституции Кыргызской Республики.

2. Решение окончательное и обжалованию не подлежит, вступает в силу с момента провозглашения.

3. Решение обязательно для всех государственных органов, органов местного самоуправления, должностных лиц, общественных объединений, юридических и физических лиц и подлежит исполнению на всей территории республики.

4. Опубликовать настоящее Решение в официальных изданиях органов государственной власти, на официальном сайте Конституционного суда Кыргызской Республики и в «Вестнике Конституционного суда Кыргызской Республики».

**Конституционный Суд
Кыргызской Республики**

**РЕШЕНИЕ
КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА
КЫРГЫЗСКОЙ РЕСПУБЛИКИ**

по делу о проверке конституционности нормативного положения части 2 статьи 63 Семейного кодекса Кыргызской Республики, выраженного словами «отчество присваивается по имени отца», нормативного положения абзаца второго части 1 статьи 30, выраженного словами «Перемена отчества осуществляется по именам отца, усыновителя, отчима, дедушки по линии отца или матери», абзаца второго части 3 статьи 30 Закона Кыргызской Республики «Об актах гражданского состояния» в связи с обращением Тилек кызы Эльвиры и Осмоналиевой Айнуры Мусаевны, представляющих интересы Капаловой Алтын Абдыкадыровны

30 июня 2023 года

город Бишкек

Конституционный суд Кыргызской Республики в составе: председательствующего – Осконбаева Э.Ж., судей Айдарбековой Ч.А., Бобукеевой М.Р., Дуйшеева К.А., Жолдошевой Л.Ч., Жумабаева Л.П., Кыдырбаева К.Дж., Шаршеналиева Ж.А. при секретаре Таалайбекове А.Т., с участием:

обращающейся стороны – Капаловой Алтын Абдыкадыровны, Тилеккызы Эльвиры, Осмоналиевой Айнуры Мусаевны, представляющих интересы Капаловой А.А. по доверенности;

стороны-ответчика – Ысыранова Самата Кыштообековича, постоянного представителя Жогорку Кенеша Кыргызской Республики в Конституционном суде Кыргызской Республики;

третьих лиц – Молдобаева Алмазбека Тавалдиевича, постоянного представителя Президента и Кабинета Министров в Конституционном суде Кыргызской Республики, Сапияновой Маргариты Насаркановны, представителя Верховного суда Кыргызской Республики по доверенности, Аманжоловой Кундуз Бошкочевны, представителя Министерства юстиции Кыргызской Республики по доверенности, Нурбекова Тилека Нурбековича, представителя Департамента регистрации населения при Министерстве цифрового развития Кыргызской Республики по доверенности.

Руководствуясь частями 1, 2 статьи 97 Конституции Кыргызской Республики, статьями 4, 17, 40, 45 конституционного Закона Кыргызской Республики «О Конституционном суде Кыргызской Республики», рассмотрел в открытом судебном заседании дело о проверке конституционности нормативного положения части 2 статьи 63 Семейного кодекса Кыргызской Республики, выраженного словами «отчество присваивается по имени отца», нормативного положения абзаца второго части 1 статьи 30, выраженного словами «Перемена

отчества осуществляется по именам отца, усыновителя, отчима, бабушки по линии отца или матери.», абзаца второй части 3 статьи 30 Закона Кыргызской Республики «Об актах гражданского состояния» в связи с обращением Тилек кызы Эльвиры и Осмоналиевой Айнуры Мусаевны, представляющих интересы Капаловой Алтын Абдыкадыровны.

Поводом к рассмотрению данного дела явилось ходатайство Осмоналиевой А.М. и Тилек кызы Э., представляющих интересы Капаловой А.А. Основанием к рассмотрению дела явилась обнаружившаяся неопределенность в вопросе о соответствии оспариваемых норм Конституции.

Заслушав информацию судьи-докладчика Дуйшеева К.А., проводившего подготовку дела к судебному заседанию, и, исследовав материалы дела, Конституционный суд Кыргызской Республики

установил:

В Конституционный суд Кыргызской Республики 18 декабря 2022 года поступило ходатайство Тилек кызы Э., Осмоналиевой А.М., представляющих интересы Капаловой А.А., о проверке соответствия абзаца второй части 1 статьи 30 Закона Кыргызской Республики «Об актах гражданского состояния» частям 1, 2, 4, 5 статьи 23, частям 1, 3 статьи 24, частям 1, 2 статьи 56 Конституции Кыргызской Республики.

Как следует из представленного обращения, оспариваемая норма предусматривает перемену отчества только по именам отца, усыновителя, отчима, бабушки по линии отца или матери, тем самым, по мнению заявителей, она ставит матерей в неравное положение с отцами, ограничивая матерей в праве дачи своего имени для отчества, поскольку родители имеют равные права и несут равные обязанности в отношении своих детей.

В подтверждение к изложенному Тилек кызы Э., Осмоналиева А.М. отмечают, что Капалова А.А. обратилась в отдел записи актов гражданского состояния, паспортизации и регистрации населения Свердловского района города Бишкек (далее – отдел) с заявлением о перемене фамилии и отчества своих детей. Так, 30 декабря 2020 года отделом была произведена государственная регистрация перемены фамилии и отчества в отношении троих несовершеннолетних детей Капаловой А.А., в частности имя матери было указано как отчество детей.

28 января 2021 года по исковому заявлению Департамента регистрации населения и актов гражданского состояния при Государственной регистрационной службе при Правительстве Кыргызской Республики Свердловским районным судом города Бишкек было вынесено решение об аннулировании записи актов отдела о перемене фамилий и отчеств несовершеннолетних детей Капаловой А.А.

В этой связи авторы обращения отмечают, что по смыслу частей 1, 2, 4, 5 статьи 23, частей 1, 3 статьи 24, частей 1, 2 статьи 56 Конституции, государство обеспечивает всем лицам,

находящимся в пределах его территории и под его юрисдикцией, защиту их прав и свобод, которые неотчуждаемы и принадлежат каждому от рождения. Никто не может подвергаться дискриминации по признаку пола, расы, языка, инвалидности или иных убеждений, образования, происхождения, имущественного или иного положения, а также других обстоятельств. В Кыргызской Республике мужчины и женщины имеют равные права и свободы и равные возможности для их реализации.

Заявители считают, что указанные конституционные нормы корреспондируют и нормам международных договоров, являющихся составной частью правовой системы Кыргызской Республики. Так, Всеобщая декларация прав человека, Международный пакт о гражданских и политических правах, Конвенция о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин и Конвенция Содружества Независимых Государств о правах и основных свободах человека предусматривают право на недискриминацию по какому-то ни было признаку.

При рассмотрении дела в судебном заседании представителями обращающейся стороны Осмоналиевой А. и Тилек кызы Э. внесено дополнение к ходатайству, согласно которому они просят увеличить объем требований по ранее поданному ходатайству и проверить на соответствие Конституции нормативное положение части 2 статьи 63 Семейного кодекса, выраженное словами «отчество присваивается по имени отца» и абзац второй части 3 статьи 30 Закона «Об актах гражданского состояния».

С учетом изложенного, субъекты обращения просят признать оспариваемые нормы противоречащими Конституции.

Конституционный суд, считает возможным удовлетворить дополнение к ходатайству обращающейся стороны, поскольку оно находится в системной взаимосвязи с требованиями, заявленными ею ранее.

Представитель стороны-ответчика Ысыранов С.К. считает, что, оспариваемая норма не противоречит Конституции, не ущемляет права заявителя и не обладает признаками гендерной дискриминации по следующим основаниям.

Оспариваемой нормой Закона Кыргызской Республики «Об актах гражданского состояния» установлена отсылка к статьям Семейного кодекса Кыргызской Республики, в связи с чем, Ысыранов С.К. отмечает, что согласно части 1 статьи 32 Закона «О нормативных правовых актах Кыргызской Республики», в случае коллизии между нормативными правовыми актами субъекты правоотношений руководствуются нормативным правовым актом, обладающим более высокой юридической силой.

Соответственно, частью 2 статьи 63 Семейного кодекса определен порядок о праве присваивания отчества ребенку, в котором установлено, что имя ребенку дается по соглашению родителей (лиц, их заменяющих), а отчество присваивается по имени отца либо с учетом национальных традиций.

Ысыранов С.К. также отмечает, что доводы, изложенные в ходатайстве, затрагивают не только вопросы прав и свобод человека, но и основы общества и традиции населения. При этом в соответствии со статьей 65 Конституции в Кыргызской Республике народные обычаи и традиции, не ущемляющие права и свободы человека, поддерживаются государством.

Установление особых требований и ограничений в сфере регистрации населения, в том числе и перемена отчества гражданина, обусловленное спецификой государства, не может рассматриваться как нарушение или ограничение прав и свобод, гарантированных Конституцией.

Такая специфика правового регулирования в сфере регистрации населения обеспечивает реализацию принципов сохранения верности традициям предков, что также нашло свое отражение в преамбуле Конституции. К тому же, части 1, 3 статьи 24 Конституции свидетельствуют о приверженности Кыргызской Республики институту семьи, как источнику благополучия государства, сохранению обычаев и традиций кыргызского народа, а также обеспечению равных возможностей для мужчин и женщин.

Постоянный представитель Президента и Кабинета Министров в Конституционном суде Кыргызской Республики Молдобаев А.Т. выразил аналогичную со стороны—ответчиком позицию, отметив также, что присвоение фамилии и отчества от имени отца является одной из традиций кыргызского народа. При этом в соответствии со статьей 21 Конституции, государство заботится о развитии культуры народа Кыргызстана, сохраняя обычаи и традиции, не ущемляющие права и свободы человека.

Кроме того, в соответствии с Конвенцией о правах ребенка, к которой Кыргызская Республика присоединилась в 1994 году, ребенок регистрируется сразу же после рождения и с момента рождения имеет право на имя и на приобретение гражданства, а также, насколько это возможно, право знать своих родителей и право на их заботу.

В этой связи, как подчеркивает Молдобаев А.Т., Кодекс о детях предусматривает, что защита прав и интересов детей основывается на принципах признания первоочередности прав ребенка с целью обеспечения наилучших его интересов; недопустимости дискриминации детей по какому либо признаку, обеспечения права ребенка на выражение своего мнения при принятии решений, касающихся его судьбы; приоритетности защиты прав и интересов ребенка со стороны государства, общества, семьи; обеспечения каждого ребенка правом на уровень жизни, необходимый для его физического, умственного, духовного, нравственного и социального развития; ответственности родителей за обеспечение условий жизни, необходимых для развития ребенка, в пределах своих способностей и финансовых возможностей.

Вместе с тем Молдобаев А.Т. согласился с доводами обращаемой стороны в той части, что если совершеннолетний человек целенаправленно хочет взять матчество, то это его выбор и в принципе такое допустимо и возможно. Он также обозначил, что

решение данного вопроса - это усмотрение органа конституционного контроля.

Представителем Верховного суда Сапияновой М.Н. было отмечено, что порядок присвоения ребенку отчества по именам отца, усыновителя, отчима, бабушки по линии отца или матери отвечает конституционному принципу обеспечения наилучших интересов ребенка, поскольку ограждает ребенка от возможной стигмы, основанной на семейном положении родителей. При этом, данное обстоятельство не препятствует женщине (матери) реализовывать родительские права и осуществлять обязанности в отношении ребенка наравне с мужчиной (отцом), а также не ставит родителей в разные условия в правах и обязанностях в отношении ребенка.

Сапиянова М.Н. также отметила, что законодательством не установлен запрет на присвоение матчества, и если бы это ходатайство было бы заявлено совершеннолетним гражданином, то, возможно у Верховного суда была бы другая позиция. При этом, она также отметила, что, если законодатель посчитает это возможным, то может быть общество со временем будет готово к матчеству.

Позиции представителей Министерства юстиции Аманжоловой К. и Департамента регистрации населения при Министерстве цифрового развития Нурбекова Т. по своему содержанию аналогичны позиции стороны-ответчика. При этом, представитель Министерства юстиции полагает, что отсутствие правового регулирования не должно являться основанием для признания оспариваемых норм противоречащими Конституции Кыргызской Республики. В случае необходимости, уполномоченный государственный орган в сфере регистрации актов гражданского состояния, с учетом проведенного анализа в данной сфере может разработать соответствующий проект нормативно-правового акта, регулирующий вопрос, обозначенный заявителем.

Конституционный суд, обсудив доводы сторон, заслушав пояснения третьих лиц, и, исследовав материалы дела, приходит к следующим выводам.

1. В соответствии с частью 4 статьи 17 конституционного Закона «О Конституционном суде Кыргызской Республики» Конституционный суд выносит акты по предмету, затронутому в обращении, лишь в отношении той части нормативного правового акта, конституционность которой подвергается сомнению.

Таким образом, предметом рассмотрения Конституционного суда по данному делу является нормативное положение части 2 статьи 63 Семейного кодекса, выраженное словами «отчество присваивается по имени отца», следующего содержания:

«Семейный кодекс Кыргызской Республики Статья 63. Право ребенка на имя, отчество и фамилию

2. Имя ребенку дается по соглашению родителей (лиц, их заменяющих), отчество присваивается по имени отца либо с учетом национальных традиций.»;

нормативное положение абзаца второй части 1 статьи 30, выраженное словами «Перемена отчества осуществляется по именам

отца, усыновителя, отчима, бабушки по линии отца или матери» и абзац второй части 3 статьи 30 Закона Кыргызской Республики «Об актах гражданского состояния» следующего содержания:

«Статья 30. Перемена имени

1... Перемена отчества осуществляется по именам отца, усыновителя, отчима, бабушки по линии отца или матери.»;

3... При этом отчество ребенка записывается в соответствии с требованиями абзаца второй части 1 настоящей статьи либо не указывается».

Семейный кодекс был принят в соответствии с порядком, установленным законодательством, опубликован в газете «Эркин Тоо» от 5 сентября 2003 года № 68-69, внесен в Государственный реестр нормативных правовых актов и является действующим.

Закон «Об актах гражданского состояния» был принят в соответствии с порядком, установленным законодательством, опубликован в газете «Эркин Тоо» от 7 августа 2020 года № 62, внесен в Государственный реестр нормативных правовых актов и является действующим.

2. В соответствии с Конституцией Кыргызской Республики права и свободы человека неотчуждаемы и принадлежат каждому от рождения. Они признаются в качестве абсолютных, неотчуждаемых и защищаемых законом и судом от посягательств со стороны кого бы то ни было (часть 1 статьи 23). Именно поэтому, Конституция связывает возникновение основных прав человека с моментом его рождения, что отражает естественную природу их происхождения в качестве фундаментальных ценностей, к которым, безусловно, относятся жизнь человека, его достоинство, свобода и личная неприкосновенность, запрет на дискриминацию и равенство всех перед законом.

В порядке реализации этих конституционных установлений гражданское законодательство признает в равной мере за всеми гражданами способность иметь права (правоспособность), которые могут носить как имущественный, так и неимущественный характер. К числу личных неимущественных относится право на пользование своим именем.

Имя человека представляет собой, с одной стороны, средство индивидуализации личности с момента его рождения, с другой, элемент ее правосубъектности и, с третьей, субъективное гражданское право. Что касается индивидуализирующей функции имени, то она не нуждается в дополнительной характеристике. Рассмотрение имени в качестве элемента правосубъектности личности допустимо постольку, поскольку с ним связана возможность реализации субъективных гражданских прав и обязанностей, признание, охрана и защита личных неимущественных прав, иных нематериальных благ и охраняемых законом интересов субъекта.

При этом право на имя не обладает семейно-правовой природой. Нельзя смешивать право на присвоение имени с самим правом на имя, поскольку последнее по своему содержанию гораздо шире. Правом на присвоение имени обладают не только родители, но и другие лица и

учреждения. В частности, имя найденному ребенку (родители которого неизвестны) записывается в акт о рождении по указанию должностного лица органов внутренних дел, органа опеки и попечительства либо медицинской организации, воспитательной организации или организации социальной защиты населения, в которую ребенок был помещен.

Право на имя определяется двумя аспектами: правом всех детей иметь имя и быть должным образом зарегистрированными и правом сохранять индивидуальность, включая гражданство, имя и соответствующие семейные отношения.

При государственной регистрации рождения ребенка законодательство Кыргызской Республики предусматривает следующие возможные варианты присвоения имени:

1) по кыргызским национальным традициям, когда фамилия ребенка записывается по имени отца с добавлением для детей мужского пола «уулу» и для детей женского пола «кызы» или без добавления такового. В этих случаях отчество ребенку не присваивается. По имени бабушки с добавлением «тегин», при этом отчество добавляется по желанию родителей для детей мужского пола «уулу» и для детей женского пола «кызы». По желанию родителей фамилия ребенку может присваиваться по имени предков до седьмого колена, при наличии подтверждающих прямую родственную связь документов или их наличии в архивах уполномоченного государственного органа;

2) имена и фамилии лиц других национальностей по их желанию могут указываться в соответствии с их традициями;

3) присвоение ребенку имени установлено также по сохранившейся советской системе, состоящей из собственного имени, фамилии и отчества.

При этом при разных фамилиях родителей фамилия ребенка записывается по фамилии отца или по фамилии матери по соглашению родителей. Имя ребенка записывается по соглашению родителей, а отчество записывается по имени отца. Если мать не состоит в браке с отцом ребенка и отцовство в отношении ребенка не установлено, имя ребенка записывается по указанию матери, отчество - по имени лица, указанного матерью в качестве отца ребенка (либо не указывается), фамилия ребенка - по фамилии матери либо по имени отца матери (статья 17 Закона «Об актах гражданского состояния»). Имя человека, включая собственное имя, фамилию и отчество, представляет собой важный и неотъемлемый компонент личности и несет фундаментальную основу, отражает не только национальную и индивидуальную идентичность, но и связь с семьей.

Таким образом, учитывая взаимосвязанную роль имени в формировании самоощущения и идентичности, а также в поддержании таких социальных институтов, как государство и семья, имя человека предстает важным элементом как для человека, так и для государства, и в этом аспекте механизм персональной идентификации неразрывно связан с процессом социализации индивида.

3. Основной Закон в своей преамбуле определяет исходные принципы, на которых основываются все последующие конституционные

установления, особо обозначив значимость сохранения верности традициям предков.

Так, в соответствии со статьей 65 Конституции в Кыргызской Республике народные обычаи и традиции, не ущемляющие права и свободы человека, поддерживаются государством. Традиции и обычаи способствуют закреплению ценностных установок, наиболее приемлемых по нравственным, мировоззренческим и иным соображениям, распространенным в обществе. Традиция является фактором развития любого социума посредством закрепления привычных общественных отношений, тем самым, отражая целостность общества. Она является позитивным культурно-правовым феноменом, аккумулирующим духовно-нравственные и правовые ценности, которые передаются из поколения в поколение. Концепцию патрилинейности, когда происхождение, наследование и членство в семье прослеживается по мужской линии, также можно отнести к традиционному социальному явлению, характерному многим культурам мира. Данная концепция преследует цель обозначить причастность к линии родства прародителя по мужской линии и направлена, прежде всего, на определение национальной идентичности. Таким образом, не только присвоение имени по кыргызским национальным традициям и традициям других национальностей, составляющих народ Кыргызстана, но и сохранившаяся советская система присвоения отчества по патрилинии, то есть по имени отца, отчима усыновителя, бабушки по линии отца или матери, закрепились на данном этапе общественного развития как естественная (традиционная) форма приобретения имени.

4. Семья, отцовство, материнство и детство находятся под защитой государства (статья 20 Конституции), которая гарантирует непрерывную смену поколений, они выступают условием сохранения генофонда и национальной идентичности. Забота о детях, их воспитание в равной мере являются правом и обязанностью как отца, так и матери (часть 2 статьи 26 Конституции).

Основным кодифицированным нормативным правовым актом, регулирующим семейные отношения на территории Кыргызской Республики, является Семейный кодекс, в котором закреплены основные принципы обеспечения наилучших интересов ребенка, приоритета семейного воспитания детей, заботы об их благосостоянии и развитии, обеспечения должной защиты прав и интересов несовершеннолетних и нетрудоспособных членов семьи.

Особая роль семьи в развитии ребенка, удовлетворении его духовных потребностей и обусловленная этим конституционная ценность института семьи, требуют со стороны государства уважения и защиты семейных отношений. Учитывая, что до наступления совершеннолетия ребенок является социально уязвимым и не обладает полной дееспособностью, он нуждается в поддержке со стороны родителей (лиц их заменяющих), общества и государства. В этом аспекте государство выступает конституционным гарантом защиты его прав.

Формирование ребенка как личности, его психическое, духовное и нравственное становление имеют большое значение для

поступательного развития всего общества. В этой связи родителям предоставляется на законодательном уровне необходимый объем прав и обязанностей, которые носят личный характер и имеют сложное содержание. При этом Семейный кодекс четко выделяет допустимые пределы родительских прав, которые не могут осуществляться в противоречии с интересами детей (часть 1 статьи 70). Иначе говоря, права и обязанности родителей представляют не только меру возможного, но и нормы должного поведения. В этой связи для родителей, осуществляющих свои права в ущерб интересам детей, предусмотрена соответствующая ответственность в установленном законодательством порядке.

Принцип обеспечения наилучших интересов ребенка, закрепленный в Конституции (часть 2 статьи 27) и носящий всеобъемлющий характер, коррелируется и с положениями Конвенции о правах ребенка, которые предполагают самоограничение родительской власти и основаны на признании того, что родителям необходимо принимать решения от имени ребенка в связи с нехваткой у ребенка опыта и способности принимать взвешенные решения.

Кроме основного принципа осуществления родительских прав Семейный кодекс содержит конкретные указания о том, что при осуществлении своих прав родители не вправе причинять вред физическому и психическому здоровью детей, их нравственному развитию.

Права родителей находятся в неразрывной связи с корреспондирующими ему обязанностями, без чего они не в состоянии выполнять свою миссию. Наличие такой связи составляет стержень всех правовых норм, касающихся взаимоотношений родителей и ребенка. Таким образом, принцип обеспечения наилучших интересов ребенка нацелен на полномасштабную реализацию всех прав ребенка и его всестороннее развитие, что предполагает ответственное участие всех заинтересованных сторон в деле обеспечения физической, психологической, моральной и духовной целостности и неприкосновенности ребенка и содействия утверждению его человеческого достоинства.

Принимая во внимание изложенное, по смыслу статей Конституции, под защитой которых находятся семья, отцовство, материнство и детство, в основе поиска баланса указанных конституционных ценностей при оценке оспариваемых норм лежит именно фундаментальный принцип обеспечения наилучших интересов ребенка, ввиду чего любые права родителей по отношению к ребенку абсолютными быть не могут.

5. Конституционный принцип равенства, в соответствии с которым все члены общества должны быть поставлены в одинаковые условия, всегда был и остается одним из важнейших идеалов справедливого общественного устройства, при этом подлинное равенство между мужчинами и женщинами является существенно важным элементом демократического общества, основанного на верховенстве закона.

Равенство мужчин и женщин – это социально-правовое явление, характеризующее существующие общественные отношения,

отражающее степень одинакового значения субъектов для общества и государства, наличие у граждан равных прав, свобод и обязанностей, а также возможностей их реализации вне зависимости от пола.

Орган конституционного контроля неоднократно в своих решениях отмечал, что, исходя из норм и духа Конституции, законодатель в своей нормотворческой деятельности обязан строго придерживаться принципов равноправия и недискриминации как выражение и внедрение в жизнь общества идеи социальной справедливости. Это означает, что за исключением очевидно необходимых случаев, все люди должны обладать одинаковым правовым статусом, то есть иметь права, свободы и обязанности одинакового объема и содержания, а также одинаковые возможности по их реализации и защите.

В семейных правоотношениях принцип гендерного равенства выражается не только в закрепленных законом равных правах мужчины и женщины на вступление и нахождение в браке. Равенство в семье подразумевает учет интересов, потребностей и приоритетов как женщин, так и мужчин, признавая при этом культурно-личностное многообразие в семейных отношениях. Этот принцип, несомненно, также предполагает равенство прав отца и матери по отношению к детям, по возможностям равным образом воздействовать на жизнь детей, обеспечивать их взросление, способствовать набору жизненного опыта, всего того, что необходимо для их интеграции в социум.

Безусловно, родительские права и обязанности в равной мере принадлежат обоим родителям, однако могут осуществляться лишь в той мере, в какой не идут в разрез с принципом обеспечения наилучших интересов ребенка. В этой связи внедрение конституционного принципа юридического равенства в такой чувствительной сфере, как семейные правоотношения, должно осуществляться предусмотрительно с учетом всех рисков, которые способны нанести непоправимый вред устоявшемуся семейному укладу.

В условиях патриархального общества, которое придерживается концепции патрилинейности при регистрации имени ребенка, предоставление одинакового права родителям в вопросе присвоения ребенку как отчества, так и матчества может привести к стигматизации ребенка и пагубно повлиять на его дальнейшую социализацию в обществе. В этой связи возможное предоставление такого права родителям может стать причиной длительного психологического и разрушительного воздействия на развитие ребенка и становление его как личности.

В подобных случаях принцип обеспечения наилучших интересов ребенка должен срабатывать в качестве превентивного механизма, предотвращающие возможные нарушения интересов ребенка.

Таким образом, действие оспариваемых норм, основанных на устоявшихся традициях и ценностях, несомненного превосходства принципа обеспечения наилучших интересов ребенка над конституционной необходимостью предоставления равных прав и возможностей каждому из родителей, не могут рассматриваться как нарушение конституционных принципов равенства и запрета на дискриминацию по признаку пола.

6. Приоритет прав и свобод человека перед остальными конституционными ценностями является одним из принципов демократического, правового государства.

Как уже отмечалось ранее, согласно конституционным гарантиям права и свободы неотчуждаемы и принадлежат каждому человеку от рождения (правоспособность). Однако способность гражданина реализовывать эти права в полном объеме (гражданская дееспособность) возникает с наступлением совершеннолетия, то есть по достижении им восемнадцатилетнего возраста (часть 1 статьи 56 ГК КР).

Дееспособность физического лица имеет степени градации: полностью дееспособный гражданин, недееспособный гражданин, ограниченно дееспособный гражданин. В последнюю категорию входят несовершеннолетние в возрасте от четырнадцати до восемнадцати лет, малолетние, не достигшие четырнадцати лет, совершеннолетние, дееспособность которых ограничена по решению суда.

Полная дееспособность – как правовое выражение свободы личности в сфере имущественных и личных неимущественных отношений, представляет собой юридическое состояние гражданина как субъекта права и определяет его правовые способности самостоятельно и полноценно приобретать права, распоряжаться ими, создавать для себя гражданские обязанности, исполнять их и быть субъектом ответственности.

Являясь практической реализацией всех закрепленных за гражданином прав, дееспособность позволяет быть действительным субъектом правоотношений и выступает необходимым условием возникновения его правового статуса.

Основным критерием полной дееспособности гражданина является возникновение у него волеисполнительности, определяемой как способность лица к самостоятельному психологическому процессу, позволяющая ему свободно совершать юридические действия по своей воле и в своих интересах.

Таким образом, волеизъявление гражданина с приобретением полной дееспособности может рассматриваться как выражение индивидуальной свободы и самоопределения, способности принимать самостоятельные решения и осуществлять их в рамках юридической системы в соответствии с собственными предпочтениями и ценностями, независимо от внешних влияний и социальных ожиданий.

Свобода воли заключается в том, чтобы действовать в соответствии с собственными разумными убеждениями и желаниями, пока это не причиняет вред другим людям или не нарушает законы. Эта свобода, непосредственно связанная с вменяемостью человека и его ответственностью за свои поступки, дает ему возможность для беспрепятственного внутреннего самоопределения в целях достижения своих интересов, которые для него лично представляют неоспоримую ценность.

Таким образом, свобода воли человека, которая носит всеобщий и универсальный характер, присущ любому человеческому существу,

являясь неотъемлемым, естественным свойством личности и выступает как его субъективное юридическое право.

Право гражданина на перемену имени как правовая концепция была закреплена еще в 1969 году в Кодексе Киргизской ССР о браке и семье. Регламентация данного права позволяла ему по достижению уже шестнадцатилетнего возраста реализовать свое намерение в собственных интересах.

Основными причинами при перемене имени служили такие категории как неблагозвучность фамилии, имени, отчества или трудность их произношения, затрагивающие честь и достоинство, желание носить фамилию отчима (мачехи), воспитавшего заявителя, или отчество по имени отчима, когда усыновление не может быть оформлено, желание носить фамилию отца (матери), если отец (мать) не принимал участие в воспитании заявителя, желание носить фамилию деда или бабушки, другого лица, воспитавшего заявителя, если родители не принимали участия в его воспитании, желание носить отчество по имени лица, фактически воспитавшего заявителя, если отец не принимал участия в его воспитании. При этом перемена отчества допускалась с учетом традиционных ценностей только с использованием имени мужского пола. Такая модель правового регулирования сохраняется и по сей день.

Между тем, нельзя исключать экстраординарные случаи, которые требуют к себе особого подхода и принятия законодательных мер, несогласующихся с установившимися общественными устоями, но разрешающих исключительные жизненные ситуации, нуждающиеся в юридическом разрешении.

Речь идет о правах лиц, переживших жизненные трагедии и получивших психологическую либо физическую травму, или имеющих иной негативный жизненный опыт, связанный с ролью отца в их жизни, подтвержденный судебным актом, который по этой причине не приемлет мужское имя в качестве элемента своего полного имени, когда наличие отчества влечет за собой причинение нравственных страданий, должен иметь право по достижению им полной дееспособности право выбора между отчеством и матчеством, дабы не допускать неравенства между теми, кто придерживается общепринятых стандартов и теми, кто придерживается другой точки зрения, а также не вводить при применении имени дискриминационных элементов по признаку пола.

Следует особо подчеркнуть, что такое право должно возникать только у лиц, достигших совершеннолетия, когда у человека возникает полноценная способность объективно оценивать и адекватно реагировать на существующую действительность, отвечать за поступки и последствия своих решений.

Несмотря на то, что введение такого правового регулирования может коснуться исключительно особой и незначительной части населения, тем не менее, законодательство должно содержать правовые положения, предоставляющие этой категории граждан такую возможность в соответствии с собственными взглядами и убеждениями, что является показателем степени свободы личности, гарантированной Конституцией.

В заключение Конституционный суд отмечает, что порядок присвоения имени по кыргызским национальным традициям (с указанием «уулу, кызы, тегин») судом не рассматривался и остается неизменным.

На основании вышеизложенного, руководствуясь пунктом 2 части 2, частями 4 и 5 статьи 97 Конституции Кыргызской Республики, статьями 48, 49, 52 и 53 конституционного Закона «О Конституционном суде Кыргызской Республики», Конституционный суд Кыргызской Республики

решил:

1. Признать нормативное положение части 2 статьи 63 Семейного кодекса Кыргызской Республики, выраженное словами «отчество присваивается по имени отца», нормативное положение абзаца второго части 1 статьи 30, выраженное словами «Перемена отчества осуществляется по именам отца, усыновителя, отчима, дедушки по линии отца или матери.», абзац второй части 3 статьи 30 Закона Кыргызской Республики «Об актах гражданского состояния» не противоречащими частям 1, 2, 4, 5 статьи 23, частям 1, 3 статьи 24, частям 1, 2 статьи 56 Конституции Кыргызской Республики.

2. Кабинету Министров Кыргызской Республики внести соответствующие изменения в действующее правовое регулирование, направленные на восполнение правового пробела, обнаруженного в рамках проверки оспариваемых норм, заключающегося в отсутствии института матронима (матчества) и права выбора дееспособного гражданина между отчеством и матчеством, что создает условия для нарушений принципов равенства и запрета дискриминации по признаку пола.

3. Решение окончательное и обжалованию не подлежит, вступает в силу с момента провозглашения.

4. Решение обязательно для всех государственных органов, органов местного самоуправления, должностных лиц, общественных объединений, юридических и физических лиц и подлежит исполнению на всей территории республики.

5. Опубликовать настоящее решение в официальных изданиях органов государственной власти, на официальном сайте Конституционного суда Кыргызской Республики и в «Вестнике Конституционного суда Кыргызской Республики».

**Конституционный суд
Кыргызской Республики**

Российская Федерация

Резюме Постановления Конституционного Суда Российской Федерации по делу о проверке конституционности статьи 227 Гражданского кодекса Российской Федерации, части первой и пункта 1 примечаний к статье 158 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан А.В. Галимьяновой и В.С. Пузрякова от 16 января 2023 года

16 января 2023 года Конституционный Суд Российской Федерации объяснил отличие находки от кражи. Дело о проверке конституционности статьи 227 Гражданского кодекса Российской Федерации, части первой и пункта 1 примечаний к статье 158 Уголовного кодекса Российской Федерации рассмотрено в связи с жалобами граждан А.В. Галимьяновой и В.С. Пузрякова. Постановление основано на ранее вынесенных правовых позициях суда.

История вопроса

Оба заявителя нашли чужие мобильные телефоны и присвоили их, не предприняв никаких действий к возврату имущества законным владельцам. В итоге обоих суды признали виновными в краже, поскольку присвоение найденной вещи лицом, сознающим право на нее владельца, связано с признаком нечестности.

Позиция Суда

Чтобы разграничить находку и хищение, законодатель закрепил в статье 227 Гражданского кодекса Российской Федерации основания приобретения лицом права собственности не только на имущество, у которого имеется собственник, но и на имущество, собственник которого неизвестен. Невыполнение этих обязанностей (заявление о находке, поиски собственника, передача найденного имущества владельцу либо его представителю и т.п.) хотя и свидетельствует о гражданско-правовом нарушении, но само по себе не образует признаков преступления. Если же лицо, обнаружившее найденную вещь, наряду с невыполнением указанных действий еще и прячет ее или уничтожает признаки, позволяющие индивидуализировать или найти владельца (вытаскивает сим-карту, снимает чехол телефона и т.д.), то такое поведение свидетельствует об умысле на хищение. Так внешне правомерная находка может перерасти в преступление и повлечь ответственность.

Уголовный закон относит к признакам хищения как изъятие, так и противоправное обращение чужого имущества, поэтому необходима оценка не только факта завладения найденным имуществом, но и последующего его обращения в свою пользу. Такое поведение приобретает общественно опасный характер, образует единое сложное деяние, которое указывает на неосновательное обогащение за счет чужой вещи и расценивается как кража.

Таким образом, оспариваемые нормы отвечают принципам справедливости, равенства и правовой определенности. Они позволяют отграничить правомерное поведение от уголовно-противоправного

и не противоречат Конституции Российской Федерации. Данное конституционное истолкование не исключает право законодателя конкретизировать составы преступлений, предметом посягательств которых выступают потерянные вещи, а также установить ответственность за невыполнение требований статьи 227 Гражданского кодекса Российской Федерации.

**ПОСТАНОВЛЕНИЕ
КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
по делу о проверке конституционности пункта 2 статьи 17
Гражданского кодекса Российской Федерации в
связи с жалобой гражданки М.В. Григорьевой**

2 марта 2023 года

город Санкт-Петербург

Конституционный Суд Российской Федерации в составе Председателя В.Д. Зорькина, судей А.Ю. Бушева, Г.А. Гаджиева, Л.М. Жарковой, С.М. Казанцева, С.Д. Князева, А.Н. Кокотова, Л.О. Красавчиковой, С.П. Маврина, Н.В. Мельникова,

руководствуясь статьей 125 (пункт «а» части 4) Конституции Российской Федерации, пунктом 3 части первой, частями третьей и четвертой статьи 3, частью первой статьи 21, статьями 36, 471, 74, 86, 96, 97 и 99 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации»,

рассмотрел в заседании без проведения слушания дело о проверке конституционности пункта 2 статьи 17 ГК Российской Федерации.

Поводом к рассмотрению дела явилась жалоба гражданки М.В. Григорьевой. Основанием к рассмотрению дела явилась обнаружившаяся неопределенность в вопросе о том, соответствует ли Конституции Российской Федерации оспариваемое заявителем законоположение.

Заслушав сообщение судьи-докладчика Л.О. Красавчиковой, исследовав представленные документы и иные материалы, Конституционный Суд Российской Федерации

установил:

Согласно пункту 2 статьи 17 ГК Российской Федерации правоспособность гражданина возникает в момент его рождения и прекращается смертью.

Конституционность приведенного законоположения оспаривает гражданка М.В. Григорьева, обратившаяся в Конституционный Суд Российской Федерации в интересах своего несовершеннолетнего сына.

Как следует из жалобы и приложенных к ней материалов, решением Котласского городского суда Архангельской области от 7 июня 2021 года в пользу сына М.В. Григорьевой, родившегося

12 апреля 2015 года, взыскана компенсация морального вреда в связи со смертью его отца, наступившей до его рождения – 17 марта того же года в результате случившегося 5 марта дорожно-транспортного происшествия. Суд, руководствуясь требованиями разумности и справедливости, при определении размера компенсации учел обстоятельства, свидетельствующие о причинении сыну потерпевшего нравственных страданий (ребенок лишился возможности общения с отцом, его заботы), – индивидуальные особенности ребенка, включая возраст, а также фактические обстоятельства, при которых был причинен вред, и тот факт, что в соответствии со вступившими ранее в силу решениями суда с виновника аварии в пользу старшего сына потерпевшего, его супруги, отца и брата взыскана компенсация морального вреда в размере 200 000 руб. каждому из них.

Определением судебной коллегии по гражданским делам Архангельского областного суда от 7 октября 2021 года, оставленным без изменения определением судебной коллегии по гражданским делам Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 2 февраля 2022 года, решение суда первой инстанции отменено, в иске отказано. При этом суды указали на отсутствие достаточных оснований для удовлетворения заявленного требования, поскольку к моменту смерти отца ребенок еще не родился, правоспособностью не обладал, а гибель отца не могла вызвать физические и нравственные страдания у неродившегося ребенка. Кроме того, как отметил суд кассационной инстанции, не представлено доказательств причинения несовершеннолетнему физических и нравственных страданий, связанных со смертью отца. В передаче кассационной жалобы на определения судов апелляционной и кассационной инстанций для рассмотрения в судебном заседании Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации отказано определением судьи этого суда от 7 июня 2022 года.

По мнению заявительницы, оспариваемая норма противоречит статьям 7 (часть 2), 19 (части 1 и 2), 38 (часть 1), 55 (части 2 и 3) и 671 (часть 4) Конституции Российской Федерации в той мере, в какой она не позволяет не родившемуся к моменту смерти отца ребенку взыскать с виновного лица компенсацию морального вреда, причиненного смертью родителя.

Таким образом, с учетом статей 3, 36, 74, 96 и 97 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» предметом рассмотрения Конституционного Суда Российской Федерации по настоящему делу является пункт 2 статьи 17 ГК Российской Федерации в той мере, в какой он в системе действующего правового регулирования служит основанием для решения вопроса о возможности компенсации морального вреда, причиненного ребенку, родившемуся после смерти отца.

Согласно Конституции Российской Федерации, ее статьям 7 (часть 2), 38 (части 1 и 2) и 671 (часть 4), в России обеспечивается государственная поддержка семьи, материнства, отцовства и детства, материнство и детство, семья находятся под защитой государства,

забота о детях, их воспитание – равное право и обязанность родителей, дети являются важнейшим приоритетом государственной политики.

Провозглашая в статье 2 человека, его права и свободы высшей ценностью, а признание, соблюдение и защиту прав и свобод – не подлежащих, согласно ее статье 55 (часть 3), ограничению иначе как федеральным законом и только в той мере, в какой это необходимо для защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства, – обязанностью государства, Конституция Российской Федерации в статье 17 (часть 2) устанавливает, что основные права и свободы человека неотчуждаемы и принадлежат каждому от рождения.

В силу этого предписания статьи 17 (часть 2) Конституции Российской Федерации момент возникновения основных прав совпадает с моментом рождения человека, что отражает представление о его основных правах и свободах как о естественных и необходимость признания объективных свойств личности в качестве непосредственно обеспечивающих гарантии таких фундаментальных ценностей, которые находятся под охраной закона и к которым относятся жизнь человека, его достоинство, свобода и личная неприкосновенность, частная собственность, возможность участвовать в управлении делами государства, свободно использовать свои способности и имущество для предпринимательской и иной не запрещенной законом экономической деятельности и др.

Гражданский кодекс Российской Федерации в пункте 1 статьи 17 признает в равной мере за всеми гражданами способность иметь гражданские права и нести обязанности – гражданскую правоспособность. В силу прямого указания пункта 2 этой статьи гражданская правоспособность возникает с момента рождения, но понятия «рождение» данный Кодекс не раскрывает.

Моментом рождения ребенка, согласно статье 53 Федерального закона от 21 ноября 2011 года № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации», является момент отделения плода от организма матери посредством родов; при рождении живого ребенка медицинская организация, в которой произошли роды, выдает документ установленной формы; медицинские критерии рождения, в том числе сроки беременности, масса тела ребенка при рождении и признаки живорождения, а также порядок выдачи документа о рождении и его форма утверждаются уполномоченным федеральным органом исполнительной власти. В настоящее время медицинские критерии рождения утверждены приказом Минздравсоцразвития России от 27 декабря 2011 года № 1687н.

Следовательно, для возникновения у физического лица правоспособности с момента рождения оно должно родиться живым, что определяется медицинскими, а не юридическими критериями. Однако медицинские критерии, по которым устанавливается рождение живого ребенка, имеют важное правовое значение: если ребенок родился живым, но умер, то правоспособность у него возникла, а если родился мертвым, то правоспособность не возникает.

Тем самым положение пункта 2 статьи 17 ГК Российской Федерации, согласно которому правоспособность гражданина возникает в момент его рождения, может быть истолковано исключительно в соответствии с его буквальным смыслом, что не предполагает ни отступления от его содержания, ни поиска вариантов в выявлении и придании ему какого-либо иного смысла, отличного от сложившегося в российской правовой системе.

Возникновение правоспособности в момент рождения не означает фактического получения того или иного конкретного (субъективного) права или обязанности, которые гражданин может иметь в соответствии с действующим законодательством.

Так, согласно статье 18 ГК Российской Федерации, раскрывающей содержание правоспособности, граждане могут иметь имущество на праве собственности, наследовать его и завещать, заниматься предпринимательской и любой иной не запрещенной законом деятельностью, создавать юридические лица самостоятельно или совместно с другими гражданами и юридическими лицами, совершать любые не противоречащие закону сделки и участвовать в обязательствах, избирать место жительства, иметь права авторов произведений науки, литературы и искусства, изобретений и иных охраняемых законом результатов интеллектуальной деятельности, иметь иные имущественные и личные неимущественные права. В силу пунктов 1 и 3 статьи 22 этого Кодекса никто не может быть ограничен в правоспособности и дееспособности иначе как в случаях и в порядке, которые установлены законом, а полный или частичный отказ гражданина от правоспособности или дееспособности и другие сделки, направленные на ограничение правоспособности или дееспособности, ничтожны, за исключением случаев, когда такие сделки допускаются законом. Как следует из пункта 1 его статьи 21, способность гражданина своими действиями приобретать и осуществлять гражданские права, создавать для себя гражданские обязанности и исполнять их (гражданская дееспособность) возникает в полном объеме с наступлением совершеннолетия, т.е. по достижении восемнадцатилетнего возраста.

Приведенные нормы конкретизируются в законодательных актах применительно к различным ситуациям, в том числе в связи с особенностями осуществления гражданами отдельных видов прав, составляющих содержание правоспособности. В частности, возможность реализации ими своих прав может быть обусловлена, в числе прочего, достижением определенного возраста – исходя из представлений о том, насколько лицо адекватно оценивает действительность при наличии (или отсутствии) у него жизненного опыта, способно к формированию воли и к волеизъявлению, понимает значение своих действий и т.п. Так, за малолетних все сделки от их имени совершают их законные представители, а от шести до четырнадцати лет у ребенка появляется частичная дееспособность, т.е. способность самостоятельно реализовать отдельные возможности, которые входят в содержание правоспособности (статья 28 этого Кодекса) и расширяются по достижении им четырнадцати лет (статья 26 этого Кодекса).

Кроме того, законодателем закреплены особенности правового регулирования в отношении таких элементов правоспособности, как наследование и завещание имущества. Граждане, зачатые при жизни наследодателя и родившиеся живыми после открытия наследства, могут призываться к наследованию (пункт 1 статьи 1116 этого Кодекса). При наличии зачатого, но еще не родившегося наследника раздел наследства может быть осуществлен только после рождения такого наследника (статья 1166 этого Кодекса). Однако завещание может быть совершено только гражданином, обладающим в момент его совершения дееспособностью в полном объеме, причем только лично, поскольку совершение завещания через представителя не допускается (пункты 2 и 3 статьи 1118 этого Кодекса), т.е. с момента рождения возможность завещать имущество не может быть восполнена действиями других лиц.

Соответственно, положение пункта 2 статьи 17 этого Кодекса о возникновении правоспособности в момент рождения не предрешает, какие именно субъективные права возникают на основе правоспособности как предпосылки правообладания, приобретенной в момент рождения. Создавая базовую возможность обладать конкретными, определенными по содержанию правами, правоспособность остается открытой для наполнения ее всеми предусмотренными законом элементами (статья 18 этого Кодекса), основанными на нормах Конституции Российской Федерации (статьи 17, 20–24, 27, 30, 34, 35, 44 и др.).

При этом правоспособность, возникающая по буквальному смыслу пункта 2 статьи 17 этого Кодекса в момент рождения, сама по себе не изменяется при реализации ее носителем того или иного субъективного права, продолжая существовать как возможность правообладания и несения юридических обязанностей, в то время как конкретное субъективное право становится реализацией одного из элементов ее содержания. Другими словами, правоспособность, приобретенная в момент рождения, продолжает существовать в качестве общей возможности иметь любые права и нести любые обязанности в рамках системы действующего права, означая лишь потенциальную возможность лица иметь субъективные юридические права и нести юридические обязанности, в том числе в рамках отношений по поводу защиты нематериальных благ (компенсация морального вреда, защита чести, достоинства и деловой репутации, охрана изображения гражданина, охрана частной жизни и др.).

Основу прав и свобод человека и гражданина, действующих непосредственно, определяющих смысл, содержание и применение законов, деятельность законодательной и исполнительной власти и обеспечиваемых правосудием, составляет достоинство личности, которое одновременно выступает и в качестве необходимого условия существования и соблюдения этих прав и свобод; достоинство личности охраняется государством, и ничто не может быть основанием для его умаления (статья 18; статья 21, часть 1, Конституции Российской Федерации). Право на охрану достоинства личности, принадлежащее каждому от рождения, воплощает в себе важнейшее социальное благо,

без которого немислимо само демократическое правовое устройство страны, а потому – исходя из конституционных предписаний и требований международно-правовых актов – предполагает повышенный уровень гарантий со стороны государства и не подлежит какому-либо ограничению (статья 15, часть 4; статья 17, части 1 и 2, Конституции Российской Федерации). Исходя из этого государство, руководствуясь вытекающими из Конституции Российской Федерации принципами верховенства права и справедливости, обязано не только предотвращать и пресекать в установленном законом порядке какие бы то ни было посягательства, способные причинить вред и нравственные страдания личности, но и способствовать максимально возможному возмещению причиненного вреда и тем самым обеспечивать эффективную защиту достоинства личности как конституционно значимой ценности.

Конституционный Суд Российской Федерации ранее неоднократно обращался к вопросу о конституционно-правовой природе института компенсации морального вреда в российской правовой системе (Постановление от 15 июля 2020 года № 36-П, определения от 16 октября 2001 года № 252-О, от 3 июля 2008 года № 734-О-П, от 24 января 2013 года № 125-О и др.). Как отмечено в его Постановлении от 26 октября 2021 года № 45-П, такая компенсация в соответствии с Гражданским кодексом Российской Федерации является одним из способов защиты гражданских прав (статья 12), что – в свете статьи 45 (часть 1) Конституции Российской Федерации – позволяет рассматривать ее как гарантированную государством меру, направленную на восстановление нарушенных прав и возмещение нематериального ущерба, причиненного вследствие их нарушения.

Общий принцип компенсации морального вреда закреплен в части первой статьи 151 ГК Российской Федерации, согласно которой, если гражданину причинен моральный вред (физические или нравственные страдания) действиями, нарушающими его личные неимущественные права либо посягающими на принадлежащие гражданину нематериальные блага, а также в других случаях, предусмотренных законом, суд может возложить на нарушителя обязанность денежной компенсации указанного вреда. Под моральным вредом понимаются нравственные или физические страдания, причиненные действиями (бездействием), посягающими на принадлежащие гражданину от рождения или в силу закона нематериальные блага или нарушающими его личные неимущественные права (жизнь, здоровье, достоинство личности, свободу, личную неприкосновенность, неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну, честь и доброе имя, тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых отправлений, телеграфных и иных сообщений, неприкосновенность жилища, свободу передвижения, свободу выбора места пребывания и жительства, право свободно распоряжаться своими способностями к труду, выбирать род деятельности и профессию, право на труд в условиях, отвечающих требованиям безопасности и гигиены, право на уважение родственных и семейных связей, право на охрану здоровья и медицинскую помощь, право на использование своего имени, право на защиту от оскорбления,

высказанного при формулировании оценочного мнения, право авторства, право автора на имя, другие личные неимущественные права автора результата интеллектуальной деятельности и др.) (абзац третий пункта 1 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 15 ноября 2022 года № 33 «О практике применения судами норм о компенсации морального вреда»).

Закрепляя в части первой статьи 151 ГК Российской Федерации общий принцип компенсации морального вреда, причиненного действиями, нарушающими личные неимущественные права гражданина либо посягающими на принадлежащие ему нематериальные блага, законодатель не установил каких-либо ограничений в отношении действий, которые могут рассматриваться как основание для такой компенсации, на что Конституционный Суд Российской Федерации обратил внимание в том же Постановлении от 26 октября 2021 года № 45-П.

Соответственно, действующее правовое регулирование не предполагает безусловного отказа в компенсации морального вреда лицу, которому физические или нравственные страдания причинены в результате утраты близкого человека, в том числе когда к моменту его смерти или наступления обстоятельств, приведших к ней, член семьи потерпевшего (его ребенок) еще не родился. Те же принципы положены в основу регулирования возмещения имущественного вреда ребенку потерпевшего (кормильца), родившемуся после его смерти (пункт 1 статьи 1088 ГК Российской Федерации). При этом согласно разъяснениям Пленума Верховного Суда Российской Федерации, содержащимся в пункте 33 постановления от 26 января 2010 года № 1 «О применении судами гражданского законодательства, регулирующего отношения по обязательствам вследствие причинения вреда жизни или здоровью гражданина», право на возмещение вреда в связи с гибелью кормильца сохраняется за несовершеннолетним в случае его последующего усыновления другим лицом (статья 138 Семейного кодекса Российской Федерации). При рассмотрении же дел о компенсации морального вреда в связи со смертью потерпевшего членам его семьи, иждивенцам суду необходимо учитывать обстоятельства, свидетельствующие о причинении именно этим лицам физических или нравственных страданий; наличие факта родственных отношений само по себе не является достаточным основанием для компенсации морального вреда (пункт 32 названного постановления).

Установленный действующим законодательством механизм защиты личных неимущественных прав и нематериальных благ, предоставляя гражданам возможность самостоятельно выбирать адекватные способы судебной защиты, не освобождает их, по общему правилу, от бремени доказывания самого факта причинения морального вреда и от обоснования размера денежной компенсации. Однако, как следует из правовой позиции Конституционного Суда Российской Федерации, выраженной в Постановлении от 26 октября 2021 года № 45-П, обстоятельства дела могут свидетельствовать о причинении гражданину физических или нравственных страданий действиями,

которые явным образом нарушают его личные неимущественные права либо посягают на принадлежащие ему нематериальные блага. Эта позиция в полной мере применима в конкретной жизненной ситуации, обусловленной смертью одного из родителей, когда факт причинения морального вреда ребенку во всяком случае должен предполагаться, в том числе если на момент смерти отца ребенок еще не родился. Иной подход к вопросу о компенсации морального вреда, причиненного ребенку, родившемуся после смерти отца, не только снижал бы уровень конституционно-правовой защищенности прав таких детей, предопределяемый сложившимся в правовом государстве конституционным правопорядком, но и создавал бы в системе действующего правового регулирования, призванного обеспечить эффективную защиту конституционно значимых ценностей (в первую очередь – самого человека, его прав и свобод, а также достоинства личности), необоснованные препятствия для применения гарантий реализации прав детей на особую заботу и помощь, принципов приоритета их интересов и благосостояния во всех сферах жизни, что не отвечало бы требованиям справедливости и не согласовывалось бы со статьями 2, 7 (часть 2), 21 (часть 1), 38 (части 1 и 2), 45 (часть 1), 56 (часть 3) и 671 (часть 4) Конституции Российской Федерации.

Таким образом, положение пункта 2 статьи 17 ГК Российской Федерации о возникновении правоспособности гражданина в момент рождения не предполагает его применения в качестве основания для отказа в реализации субъективного права ребенка, родившегося после смерти отца, требовать компенсации морального вреда, связанного с нарушением его личных неимущественных прав и иных нематериальных благ, принадлежащих ему от рождения или в силу закона, неотчуждаемых и непередаваемых иным способом (пункт 1 статьи 150 ГК Российской Федерации).

Другое истолкование пункта 2 статьи 17 ГК Российской Федерации означает придание ему смысла, противоречащего смыслу, вытекающему из его системной обусловленности, вопреки сути правоотношений, возникающих на основе данных законоположений. Это недопустимо с точки зрения правовой логики и ведет к ситуации, при которой умалывается юридическая и социальная значимость родственных связей между погибшим отцом и родившимся после его смерти ребенком, в том числе – в нарушение принципа юридического равенства, закрепленного в статье 19 (части 1 и 2) Конституции Российской Федерации, – по сравнению с ситуацией, когда ребенок родился до смерти отца.

В то же время само по себе законоположение, которое является предметом рассмотрения по настоящему делу, основано на норме статьи 17 (часть 2) Конституции Российской Федерации о принадлежности каждому основных прав и свобод от рождения и ей не противоречит.

С учетом этого Конституционный Суд Российской Федерации приходит к выводу, что оспариваемая норма в системе действующего правового регулирования, в частности в контексте рассматриваемого дела о компенсации морального вреда, соотносится с конституционными

установлениями, которым оно должно следовать. Вместе с тем применение оспариваемой нормы должно быть скорректировано в рамках конституционно-правового истолкования, с тем чтобы полностью исключалась – при причинении морального вреда ребенку потерпевшего, родившемуся после его смерти, – возможность нарушения прав, поставленных под защиту Конституции Российской Федерации, ее статей 2, 7 (часть 2), 19 (части 1 и 2), 21 (часть 1), 38 (части 1 и 2), 45 (часть 1), 56 (часть 3) и 671 (часть 4).

Исходя из изложенного и руководствуясь статьями 6, 471, 71, 72, 74, 75, 78, 79 и 100 Федерального конституционного закона ж «О Конституционном Суде Российской Федерации», Конституционный Суд Российской Федерации

ПОСТАНОВИЛ:

Признать пункт 2 статьи 17 ГК Российской Федерации не противоречащим Конституции Российской Федерации, поскольку по своему конституционно-правовому смыслу в системе действующего правового регулирования эта норма не предполагает ее применения в качестве основания для отказа в компенсации морального вреда, причиненного ребенку, родившемуся после смерти его отца.

Выявленный в настоящем Постановлении конституционно-правовой смысл пункта 2 статьи 17 ГК Российской Федерации является общеобязательным, что исключает любое иное истолкование этой нормы в правоприменительной практике.

Судебные постановления, принятые в отношении несовершеннолетнего сына Григорьевой Марии Викторовны на основании пункта 2 статьи 17 ГК Российской Федерации в истолковании, расходящемся с конституционно-правовым смыслом этой нормы, выявленным в настоящем Постановлении, подлежат пересмотру в установленном порядке.

Настоящее Постановление окончательно, не подлежит обжалованию, вступает в силу со дня официального опубликования, действует непосредственно и не требует подтверждения другими органами и должностными лицами.

Настоящее Постановление подлежит незамедлительному опубликованию в «Российской газете», «Собрании законодательства Российской Федерации» и на «Официальном интернет-портале правовой информации» (www.pravo.gov.ru).

**Конституционный Суд
Российской Федерации
№ 7-П**

Резюме Постановления Конституционного Суда Российской Федерации по делу о проверке конституционности части 3 статьи 17 Жилищного кодекса Российской Федерации по жалобе гражданина Павла Евгеньевича Бахирева от 23 марта 2023 года

23 марта 2023 года Конституционный Суд Российской Федерации предложил комплексно урегулировать особенности краткосрочного найма жилья в многоквартирных домах. Слушание дела о проверке конституционности части 3 статьи 17 Жилищного кодекса Российской Федерации по жалобе гражданина Павла Евгеньевича Бахирева состоялось 7 февраля 2023 года.

История вопроса

В течение полутора лет индивидуальный предприниматель Павел Бахирев, одним из видов деятельности которого является аренда и управление собственным недвижимым имуществом, сдавал принадлежащую ему квартиру в центре Пскова, в том числе – в посуточный наем. С получаемого дохода он уплачивал налог по упрощенной системе налогообложения. Информация об оказываемых услугах распространялась, в частности, через специализированные интернет-ресурсы.

Квартира находится в многоквартирном доме, в нежилой фонд не переведена, не имеет отдельного входа, и её активная эксплуатация третьими лицами создала неудобства соседям. В суде жители дома утверждали, что в сдаваемой квартире устраивались шумные, в том числе ночные, увеселительные мероприятия, по фактам противоправного поведения посетителей неоднократно вызывалась полиция, а активное использование помещений общей собственности многочисленными посторонними гражданами представляет угрозу безопасности для жизни и жилища.

Решением суда Павлу Бахиреву запрещено использовать принадлежащую ему квартиру для предоставления услуг, признанных гостиничными.

Позиция Суда

Право частной собственности охраняется законом, каждый вправе иметь имущество в собственности, владеть, пользоваться и распоряжаться им. Это право не абсолютно и может быть ограничено федеральным законом, в частности, для защиты прав и законных интересов других лиц.

Собственник жилого помещения вправе сдавать его по договору найма для проживания гражданам на срок, не превышающий пяти лет. Минимальный срок такого договора законодательством не установлен. В экономической сфере сдача жилья в наем может существенно дополнять гостиничную деятельность, способствовать развитию туризма.

При этом нормативно не установлено, наличие какого именно набора, объема и внешнего выражения предоставляемых услуг приводит к перерастанию допустимого найма жилого помещения в

запрещенное оказание гостиничных услуг. Однако это не является препятствием для оценки данных обстоятельств судами и принятия ими сбалансированного решения. Суд должен установить, действительно ли краткосрочный наем конкретного жилого помещения создает для иных жильцов дома неудобства, существенно превышающие те, которые возникают при обычном использовании жилья, либо очевидно повышает эксплуатацию мест общего пользования в многоквартирном доме вплоть до интенсивности, присущей гостиничной деятельности.

Конституционный Суд Российской Федерации постановил, что оспоренная норма не противоречит Конституции Российской Федерации. Она не предполагает запрета краткосрочного (на срок от одних до нескольких суток) найма жилых помещений в многоквартирном доме без содержательной оценки такой деятельности в соотношении с гостиничными услугами лишь по формальным признакам (сроки предоставления жилья, систематичность, предпринимательский характер и др.), если при этом не создаются существенные неудобства для иных жильцов.

Федеральному законодателю надлежит принять меры к урегулированию особенностей краткосрочного найма жилых помещений в многоквартирных домах, поддерживая необходимый баланс интересов всех участников таких правоотношений. Законодатель может определить специальные правила этой деятельности для отдельных местностей, например, туристических мест и курортов.

Решения по делу заявителя, вынесенные на основании нормы, истолкование которой выявлено в Постановлении Конституционного Суда Российской Федерации, подлежат пересмотру.

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ КОНСТИТУЦИОННОГО ПРАВОСУДИЯ

Республика Армения

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ КОНСТИТУЦИОННОГО КОНТРОЛЯ В РЕСПУБЛИКЕ АРМЕНИЯ

А.Г. Тунян

судья Конституционного Суда Республики Армения, заведующий кафедрой гражданского права и гражданского процесса Российско-Армянского университета, к.ю.н., доцент

Конституционные реформы 2015 года помимо прочего коснулись также вопросов конституционного контроля. Речь идет о расширении полномочий Конституционного Суда. Согласно конституционным изменениям Конституционный Суд, во-первых, получил право на основании индивидуальной жалобы проверять конституционность не только законов, но и иных нормативно-правовых актов. Во-вторых, расширился перечень субъектов, правомочных обращаться с конституционной жалобой в Конституционный Суд.

Вместе с тем с точки зрения конституционного контроля определенным интересом представляют изменения, касающиеся внедрения института конституционного мониторинга¹.

В соответствии с концепцией конституционного мониторинга на Президента налагается обязанность слежения за реализацией Конституции посредством выявления неконституционных норм и обращения в Конституционный Суд с целью обеспечения верховенства Конституции. Предполагалось, что процесс выявления неконституционных норм должен был осуществляться систематически на основании специальных методик и принципов.

Однако по объективным и субъективным обстоятельствам механизм конституционного мониторинга так и не заработал в полной мере. С момента вступления соответствующих конституционных изменений в силу Президент обращался в Конституционный Суд порядка 7 раз. Думается, отсутствие четкого нормативного регламентирования процесса конституционного мониторинга сказалось на процессе эффективного его осуществления.

Следует также отметить, что после вступления в силу конституционных изменений заметно повысилась активность определенных субъектов, имеющих право оспаривать конституционность нормативно-правовых актов в Конституционном Суде. В частности, речь

¹ См: Арутюнян Г.Г. Конституционный мониторинг. – Ереван: Изд. Нжар, 2016; Теплова Д.О. Конституционный мониторинг: проблемы теории и практики // Представительная власть – 21 век: законодательство, комментарии, проблемы. – 2018. – № 1-2 (160-161); Дерхо Д.С. Конституционный мониторинг в механизме конституционного правообразования // Евразийский юридический журнал, 2014.

идет о судах разных инстанций, Защитнике прав человека, депутатах Национального Собрания, а также о физических и юридических лицах. Так, за указанный период судами было подано порядка 80 заявлений, Защитником прав человека – более 20, не менее 1/5 от общего числа депутатов Национального Собрания – 18, физическими и юридическими лицами – порядка 600².

С учетом того, что в некоторых случаях требование признать тот или иной нормативно-правовой акт неконституционным не подкреплялось должным обоснованием, Конституционный Суд принял ряд протокольных постановлений, касающихся стандартов заявлений. Причем стандарты были введены как в сфере конкретного конституционного контроля, так и абстрактного нормоконтроля.

Необходимо отметить, что Конституционный закон Республики Армения «О Конституционном Суде»³ предусматривает строгие требования в отношении обоснованности индивидуальных жалоб. Так, согласно статье 69 вышеуказанного закона в принятии индивидуальной конституционной жалобы может быть отказано по причине ее очевидной необоснованности. В отличие от индивидуальных жалоб для иных субъектов, имеющих право на обращение в Конституционный Суд, не установлена прямая обязанность обосновывать подаваемые заявления. Последние представляют лишь доводы, касающиеся вопросов конституционности оспариваемого нормативного акта.

С учетом данной ситуации 3-го декабря 2021 года Конституционный Суд принял протокольное постановление за номером СДАО-248, согласно которому заявления субъектов, оспаривающих конституционность правовых актов в рамках абстрактного нормоконтроля, также должны быть обоснованными. В противном случае может быть отказано в принятии соответствующего заявления.

В своем постановлении Конституционный Суд отметил, что уровень обоснованности заявлений государственных органов и должностных лиц не может быть ниже уровня обоснованности индивидуальных конституционных жалоб физических и юридических лиц по той причине, что высокий конституционный статус государственных органов и должностных лиц обязывает последних более тщательно подходить к обоснованию своих заявлений. В частности, последние должны четко представить суть конституционно-правового спора, обосновать причинно-следственную связь между оспариваемой нормой и охраняемой конституционной ценностью или конституционным положением.

Отдельные требования были сформулированы и в отношении обоснованности заявлений Защитника прав человека. В частности, в протокольном постановлении от 29 марта 2022 года за номером СДАО - 62 Конституционный Суд с учетом конституционных требований указал, что Защитник прав человека наделен полномочиями оспаривать конституционность законов, постановлений Национального Собрания, указов и распоряжений Президента, постановлений правительства и

² <https://www.concourt.am/ru/constitutional-court/annual-reports>

³ Официальный вестник Республики Армения. 2018. 01. 31/7 (1365)

премьер-министра, а также подзаконных нормативно-правовых актов исключительно с точки зрения несоответствия последних положениям главы 2-ой Конституции, то есть нормам, касающимся основных прав и свобод. По этой причине Защитник прав человека должен четко обосновать непосредственное противоречие оспариваемой нормы вышеуказанным положениям.

Что касается конкретного конституционного контроля, то необходимо отметить, что наметилась тенденция массового обращения в Конституционный Суд судов разных инстанций. Согласно части четвертой статьи 169 Конституции Республики Армения «Суды обращаются в Конституционный Суд по вопросу конституционности нормативного правового акта, подлежащего применению по конкретному делу, находящемуся в их производстве, если имеют обоснованные подозрения относительно его конституционности и считают, что разрешение данного дела возможно только посредством применения этого нормативного правового акта»⁴.

Следует также отметить, что используя институт конституционного контроля, суды иногда пытаются переложить ответственность принятия того или иного решения на Конституционный Суд. По этой причине протокольными постановлениями Конституционный Суд определил повышенные стандарты приемлемости заявлений, подаваемых судами любых инстанций.

Некоторые требования относительно заявлений судов коснулись технических вопросов. Так, Конституционный Суд установил, что обращения должны быть оформлены соответствующими постановлениями судов. Кроме того, согласно законодательству в течение трех дней с момента вынесения постановления об обращении соответствующее заявление должно быть направлено в Конституционный Суд. На практике уже были случаи отказа в принятии заявлений, поданных судами с нарушениями формы либо установленного срока.

Кроме технических вопросов Конституционный Суд установил также требования к обоснованности заявлений, подаваемых судами. На практике были случаи, когда в принятии заявления Кассационного Суда было отказано по той причине, что конституционный спор касался полномочий Председателя Кассационного Суда. В частности, речь шла об определении конституционности нормы закона, уполномочивающей Председателя Кассационного Суда единолично разрешать споры о подсудности по определенным категориям дел. Конституционный Суд отметил, что решение спора о подсудности не является осуществлением правосудия и суды вправе обращаться в Конституционный Суд только после того, когда официально возбуждается производство по делу⁵.

Кроме того, Конституционный Суд отказал в принятии заявления и в том случае, когда Апелляционный уголовный суд обратился с заявлением по поводу определения конституционности нормативного правового акта, подлежащего применению по нескольким производствам одновременно. В протокольном постановлении от

⁴ Конституция Республики Армения (в редакции 2015 г.). – Ереван: Изд. Тигран Мец, 2016. С. 267.

⁵ Протокольное постановление Конституционного Суда. 25.06.2021 г., № СДАО-123.

12 мая 2022 года за номером СДАО-127 Конституционный Суд отметил, что в рамках конкретного нормоконтроля может оспариваться правовая норма, подлежащая применению по одному конкретному делу, так как в подобных случаях на первый план выводятся интересы лиц, участвующих в конкретном судопроизводстве. В противном случае стирается грань между конкретным и абстрактным нормоконтролем.

Таким образом, согласно конституционным положениям суды вправе оспаривать конституционность нормативно-правовых актов, подлежащих применению в отношении конкретных участников судопроизводства, если имеют обоснованные подозрения относительно их конституционности.

Что касается словосочетания «подлежащих применению в отношении конкретных участников судопроизводства», то согласно подходам Конституционного Суда заявления судов должны соответствовать следующим требованиям:

а) в заявлении необходимо подробно обосновать, в чем проявляется неконституционность соответствующей правовой нормы;

б) необходимо обосновать, что данная правовая норма подлежит обязательному применению по конкретному делу и что без применения данной нормы невозможно разрешить дело по существу;

в) доводы суда о неконституционности оспариваемой нормы должны соответствовать фактическим обстоятельствам конкретного дела, то есть абстрактные суждения о неконституционности нормы, которые непосредственно не повлияют на исход конкретного дела, недопустимы⁶.

На практике весьма часто возникают проблемы с заявлениями судов вышестоящих инстанций, так как при рассмотрении дел последние ограничены пределами апелляционных или кассационных жалоб и по этой причине могут оспаривать конституционность нормативно-правовых актов только в рамках соответствующих жалоб.

Вместе с тем Конституционный Суд высказался также и по поводу словосочетания «имеют обоснованные подозрения», так как данное условие является обязательным для приемлемости конституционного заявления, подаваемого судами в Конституционный Суд.

С учетом того, что «обоснованные подозрения» относятся к внутреннему убеждению суда, согласно протокольным постановлениям Конституционного Суда⁷, суды в своих заявлениях должны указывать, на основании каких методик толкования они пришли к однозначному выводу о том, что оспариваемая норма является неконституционной.

То есть «подозрения» в неконституционности оспариваемой нормы не должны быть голословными, они должны подкрепляться необходимым правовым анализом.

Кроме того, следует иметь в виду, что правовые нормы весьма часто сформулированы довольно абстрактно. И если в подобных случаях суд поднимает вопрос конституционности подобной нормы, то в

⁶ Протокольные постановления Конституционного Суда. 05.08.2021 № УЎО-176, 04.05.2021 № УЎО-89, 14.04.2020 № УЎО-81, 22.11.2022 № 185.

⁷ Протокольные постановления Конституционного Суда. 14.12.2021 № УЎО-254, 14.01.2022 № УЎО-11, 06.05.2022 № УЎО-83.

заявлении обязан обосновать, что любой возможный вариант судебного толкования данной нормы неизбежно приведет к неконституционной ситуации. Ведь роль судов заключается также в том, чтобы с учетом конституционных требований посредством толкования устранить правовую неопределенность в законодательстве, причем подобное толкование должно осуществляться в рамках полномочий судов соответствующих инстанций.

Необходимо отметить, что вышеуказанные требования к конституционным заявлениям судов серьезно повышают планку приемлемости последних. Причем данный подход имеет как положительные, так и отрицательные стороны. Положительным является то, что многие вопросы, связанные с конституционностью нормативных актов, решаются на уровне судебных инстанций без вмешательства Конституционного Суда. Отрицательным моментом можно считать то обстоятельство, что суды нередко предпочитают применить правовую норму, которая, возможно, имеет проблемы с конституционностью, чем попытаться оспорить ее в Конституционном Суде.

Говоря об особенностях конституционного контроля в Республике Армения, следует остановиться также на постановлении Конституционного Суда по вопросу определения конституционности части девятой статьи 62 Конституционного закона Республики Армения «О Конституционном Суде»⁸.

Согласно оспариваемой норме «если в результате равенства голосов по существу рассматриваемого вопроса Конституционный Суд не принимает постановления или заключения, то заявление считается отклоненным, о чем объявляется в зале судебных заседаний». Данную норму в Конституционном Суде оспорил Защитник прав человека, ссылаясь на то, что факт непринятия какого-либо решения по делу является нарушением конституционного права на судебную защиту.

Рассмотрев данное дело, Конституционный Суд пришел к выводу о том, что оспариваемая норма соответствует Конституции. Обосновывая свое решение, Конституционный Суд отметил следующее.

Во-первых, согласно части пятой статьи 170 постановления о конституционности нормативных актов принимаются большинством голосов от общего числа судей Конституционного Суда. С учетом того, что в Суде 9 судей, то решение может быть принято, если за него проголосовало как минимум 5 судей. По некоторым категориям дел требуется квалифицированное большинство, то есть не менее 6 судей должны проголосовать за принятие подобных постановлений.

Во-вторых, необходимо учитывать презумпцию конституционности действующих нормативных актов.

В-третьих, Конституционный закон Республики Армения «О Конституционном Суде» предусматривает предельные сроки рассмотрения дел. Общий срок рассмотрения дел по индивидуальным жалобам, а также по заявлениям судов составляет 3 месяца. Этот срок может быть продлен, но не более чем на 3 месяца.

⁸ Постановление Конституционного Суда Республики Армения от 15 марта 2022 г. № СДО-1639.

По заявлениям Президента, Правительства, депутатов Национального Собрания, Защитника прав человека, а также по заявлениям органов местного самоуправления решения принимаются в течение 6 месяцев. Этот срок также может быть продлен, но не более чем на 3 месяца.

С учетом вышеуказанного, Конституционный Суд пришел к выводу о том, что в тех случаях, когда за конкретное решение не проголосовало как минимум 5 судей, непринятие какого-либо решения по делу является оправданным. В противном случае могут быть нарушены сроки рассмотрения дел. В подобных случаях нет необходимости признавать оспариваемую норму конституционной по той причине, что ее конституционность также необходимо обосновывать.

Кроме того, в условиях отсутствия необходимого большинства голосов юридическое признание оспариваемой нормы конституционной может осложнить возможность последующего оспаривания данной нормы.

На практике уже были случаи, когда ввиду равенства голосов решение по конкретному делу не было принято, однако впоследствии соответствующая норма вновь была оспорена и дело было рассмотрено при участии всего состава Конституционного Суда.

Обобщая вышесказанное, необходимо отметить, что сбалансированная и эффективная система конституционного контроля является важной составляющей правовой системы страны. По этой причине упорядочение механизмов конституционного контроля должно быть направлено на повышение качества конституционного правосудия.

Республика Беларусь

ИНСТИТУТ КОНСТИТУЦИОННОЙ ЖАЛОБЫ В ПРАВОВОЙ СИСТЕМЕ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Т.В. Воронович,
судья Конституционного Суда
Республики Беларусь, заслуженный
юрист Республики Беларусь

В статье исследуются место и роль конституционной жалобы в системе защиты конституционных прав и свобод человека, ее виды и существенные характеристики; анализируется опыт применения института индивидуальной конституционной жалобы в ряде стран. Автором обосновываются предложения по выработке правового механизма закрепления института конституционной жалобы в законодательстве Республики Беларусь.

В статье исследуются место и роль конституционной жалобы в системе защиты конституционных прав и свобод человека, ее виды и существенные характеристики; анализируется опыт применения института индивидуальной конституционной жалобы в ряде стран. Автором обосновываются предложения по выработке правового механизма закрепления института конституционной жалобы в законодательстве Республики Беларусь.

Ключевые слова: Конституция, Конституционный Суд, судебная защита, конституционное правосудие, индивидуальная конституционная жалоба.

Конституцией Республики Беларусь (далее – Конституция) 1994 года с изменениями и дополнениями, принятыми на республиканских референдумах 24 ноября 1996 года, 17 октября 2004 года и 27 февраля 2022 года, установлено, что Республика Беларусь – демократическое социальное правовое государство; человек, его права, свободы и гарантии их реализации являются высшей ценностью и целью общества и государства; государство гарантирует права и свободы граждан Беларуси, закрепленные в Конституции, законах и предусмотренные международными обязательствами государства (часть первая статьи 1, часть первая статьи 2, часть четвертая статьи 21).

В юридической литературе указывается, что ориентация на права и свободы человека и гражданина по сравнению с остальными социальными ценностями в государственной деятельности является одним из важнейших принципов правового государства [1].

В посланиях Президенту Республики Беларусь и палатам Национального собрания Республики Беларусь о состоянии конституционной законности в Республике Беларусь Конституционным Судом отмечалось, что конституционные принципы правового государства, основанные на верховенстве права, предполагают обязанность государства признавать, соблюдать и защищать

права и свободы человека и гражданина; правовое государство характеризуется самостоятельной и независимой судебной властью, эффективно обеспечивающей защиту прав и свобод граждан, прав и законных интересов юридических лиц (решение от 20 января 2016 года № Р-1028/2016); права личности – это стержень правовой системы, начало, определяющее ее социальное, политическое и специально-юридическое содержание; в современных условиях критерием устойчивости правовой системы и уровня развития государства и общества является способность государства обеспечить реализацию конституционных прав и свобод человека и гражданина (решение от 14 марта 2019 года № Р-1166/2019).

Таким образом, провозглашение Республики Беларусь правовым государством, признание человека, его прав, свобод и гарантий их реализации высшей ценностью и целью общества и государства определяют в качестве одной из главных функций государства защиту прав и свобод личности.

Обязанность государства обеспечивать и защищать права и свободы человека закреплена во многих статьях Основного Закона и адресована всем ветвям государственной власти (статья 22, часть первая статьи 24, статьи 25 – 29, части пятая и шестая статьи 32, статья 321, статьи 60 – 62 и др.). При этом одним из наиболее действенных средств защиты прав и свобод личности является судебная защита: в соответствии с Конституцией каждому гарантируется защита его прав и свобод компетентным, независимым и беспристрастным судом в порядке и сроки, определенные законом; решения и действия (бездействие) государственных органов и должностных лиц, ущемляющие права и свободы, могут быть обжалованы в суд; с целью защиты прав, свобод, чести и достоинства граждане в соответствии с законом вправе взыскать в судебном порядке как имущественный вред, так и материальное возмещение морального вреда (статья 60).

Как подчеркивает Председатель Конституционного Суда Республики Беларусь П.П. Миклашевич, одним из основополагающих прав человека, которое носит универсальный характер, является право на судебную защиту [2, с. 61].

По мнению И.П. Сайфуллиной, право на судебную защиту – это гарантия, предоставляемая государством каждому для обеспечения восстановления его прав, нарушенных иными физическими лицами, юридическими лицами, решениями и действиями (бездействием) органов государственной власти, органов местного самоуправления, общественных объединений и должностных лиц, путем правосудия [3].

Полагаем, что конституционные положения о праве на судебную защиту позволяют гражданам реализовать другие конституционные права, а в случае необходимости получить защиту нарушенных прав, свобод и охраняемых законом интересов, что свидетельствует о их правовой и фактической ценности и отличает от других конституционных норм.

Особое место в механизме судебной защиты прав и свобод человека и гражданина занимает Конституционный Суд Республики

Беларусь (далее – Конституционный Суд). Следует согласиться с П.П. Миклашевичем, что в настоящее время конституционный контроль, осуществляемый органами конституционной юстиции, является системообразующим и неотъемлемым элементом национальной государственности [4, с. 57].

Данный вывод основывается на положениях Конституции, закрепляющих функцию Конституционного Суда по осуществлению контроля за конституционностью нормативных правовых актов в государстве посредством конституционного судопроизводства в целях защиты конституционного строя Республики Беларусь, гарантированных Конституцией прав и свобод человека и гражданина, обеспечения верховенства Конституции и ее прямого действия на территории Республики Беларусь (часть первая статьи 116), а также полномочие Конституционного Суда в порядке, установленном законом, выносить решения по жалобам граждан на нарушения их конституционных прав и свобод, проверяя конституционность законов, примененных в конкретном деле, если исчерпаны все другие средства судебной защиты (часть пятая статьи 1161).

По справедливому утверждению В.А. Кряжкова, наличие института конституционной жалобы как одного из важнейших средств защиты прав и свобод человека во многом определяет смысл существования Конституционного Суда и, наоборот, его отсутствие заметно обесценивало бы конституционное правосудие [5].

Следует отметить, что еще в 2010 году на Международной научно-практической конференции «Теоретические и практические аспекты, связанные с индивидуальной конституционной жалобой в европейской модели конституционного правосудия», проведенной Конституционным Судом Республики Беларусь, анализировались особенности, преимущества и недостатки такого вида конституционного контроля, как проверка конституционности нормативных правовых актов по обращениям граждан [6].

Осуществляемый конституционными судами контроль может быть как абстрактным, когда проверяется конституционность нормативного правового акта безотносительно к конкретному делу, так и конкретным, то есть обязательно связанным с конкретным делом.

П.П. Миклашевич указывает, что конкретный конституционный контроль является наиболее распространенной формой контроля, осуществляемого конституционными судами различных государств, в ходе которого оценивается конституционность нормы закона: как она применяется в конкретном деле, не искажает ли конституционно-правовой смысл закона при правоприменении [7, с. 10].

Конституционный контроль может осуществляться как до промульгации нормативного правового акта (предварительный контроль), так и после промульгации (последующий контроль). Обратим внимание на следующую закономерность: если контроль, связанный с конкретным делом, всегда следует за обнародованием нормативного правового акта, то абстрактный контроль может осуществляться как до, так и после его промульгации.

В конституционные суды могут обращаться различные органы или граждане. На основании простой квалификации различают обращения публичных органов или органов с конституционно-правовым статусом, включая суды, и обращения физических или юридических лиц. В некоторых государствах (например, в Австрии, Албании, Венгрии, Хорватии) конституционный суд может начать конституционный контроль по собственной инициативе.

В зависимости от способа доступа к конституционному правосудию различают косвенный и прямой доступ к конституционному контролю. Косвенный доступ означает, что запрос гражданина поступает на рассмотрение в конституционный суд с помощью другого органа, тогда как прямой доступ включает все имеющиеся в распоряжении лица правовые средства для непосредственного обращения в конституционный суд без вмешательства третьей стороны.

Существуют различные модели индивидуальных конституционных жалоб. К числу наиболее традиционных моделей относятся следующие:

1) *actio popularis*. При данной модели подразумевается право каждого представлять жалобу на нормативный правовой акт после его обнародования, а также отсутствует обязанность доказывать, что неконституционная норма затрагивает права и свободы человека;

2) *quasi actio popularis*. Данная модель предполагает доказывание конкретного законного интереса заявителя в применении общей нормы;

3) нормативная конституционная жалоба. При данной модели любое лицо вправе напрямую обратиться в конституционный суд с жалобой на нарушение его конституционных прав и свобод актом индивидуального применения, основанным на нормативном правовом акте, конституционность которого оспаривается. При этом конституционная жалоба может быть частичной и полной. Частичная конституционная жалоба отличается ограниченностью круга объектов жалобы. Это относится в основном к примененной судами в отношении конкретного лица норме закона, конституционность которой оспаривается в конституционном суде [8 – 11].

Институт индивидуальной конституционной жалобы в отношении нормативных правовых актов предусмотрен законодательством таких государств, как Австрия, Армения, Бельгия, Венгрия, Латвия, Литва, Люксембург, Польша, Россия, Румыния.

Согласно пункту «а» части четвертой статьи 125 российской Конституции Конституционный Суд Российской Федерации в порядке, установленном федеральным конституционным законом, проверяет по жалобам на нарушение конституционных прав и свобод граждан конституционность законов и иных нормативных актов, указанных в пунктах «а» и «б» части второй данной статьи, примененных в конкретном деле, если исчерпаны все другие внутригосударственные средства судебной защиты.

В Конституции Армении закреплено право каждого лица обращаться в Конституционный Суд Республики Армения по конкретному делу, когда имеется окончательный акт суда, исчерпаны

все средства судебной защиты и оспаривается конституционность примененного в его отношении этим актом положения нормативного правового акта, что привело к нарушению его основных прав и свобод, закрепленных в главе 2 Конституции, с учетом также толкования, данного соответствующему положению в правоприменительной практике (пункт 8 части первой статьи 169).

Следовательно, посредством индивидуальной конституционной жалобы можно проверить конституционность законов и иных нормативных правовых актов, на которых основан акт индивидуального применения, но не конкретное применение этих правовых актов по конкретному делу.

Анализ опыта функционирования института индивидуальной конституционной жалобы в ряде зарубежных государств свидетельствует о наличии как положительных, так и отрицательных сторон ее применения. В числе последних – значительное количество недостаточно аргументированных жалоб, большой процент отклонения поданных жалоб, перегруженность органа конституционного правосудия (например, в Конституционный Суд Российской Федерации ежегодно поступает около 20 тысяч жалоб граждан) и другие.

В целях преодоления указанных недостатков в законодательстве зарубежных стран устанавливаются условия, при которых гражданин может реализовать свое право на обращение в конституционный суд. Это так называемые фильтры, которые при поступлении жалоб в органы конституционного правосудия служат своеобразным ограничителем в целях обеспечения защиты деятельности таких органов от необоснованных жалоб граждан и, в свою очередь, предоставления возможности защитить конституционные права и законные интересы граждан, действительно нуждающихся в защите.

Законодательством зарубежных государств предусмотрен ряд «фильтров», обеспечивающих оперативное и эффективное функционирование конституционной жалобы. В их числе:

установление перечня прав, которые подлежат защите в порядке рассмотрения жалобы (Венгрия, Германия);

определение круга субъектов, которые могут обращаться с индивидуальной жалобой (Российская Федерация);

установление личной заинтересованности в защите прав (Германия);

определение нормативных актов, подлежащих обжалованию в порядке индивидуальной жалобы (Испания, Германия);

исчерпание всех возможных способов защиты нарушенного права (Германия, Словения);

установление определенного срока подачи жалобы (Германия);

утверждение формы подачи жалобы (Германия);

уплата государственной пошлины (Австрия, Германия, Испания);

наличие процедуры превентивного рассмотрения жалобы, имеющего целью отклонение явно неподведомственных конституционному суду и заведомо недопустимых жалоб (Германия).

Для формирования адекватного представления об институте

конституционной жалобы в Республике Беларусь, упреждения возможности отрицательных результатов ее применения с учетом опыта функционирования данного института в России и ряде других зарубежных стран проанализируем следующие существенные характеристики индивидуальной конституционной жалобы: субъекты, правомочные обращаться с жалобой в конституционный суд; пределы (границы) судебно-конституционной защиты; условия принятия конституционной жалобы к рассмотрению.

1. Наиболее распространенной является практика закрепления, как правило, в текстах конституций права каждого на обращение в конституционный суд с жалобой на нарушение его конституционных (основных) прав и свобод (Азербайджан, Армения, Кыргызстан, Литва, Украина и др.).

Наряду с индивидами конституционную жалобу в ряде стран могут подавать юридические лица, общественные объединения, омбудсмены, прокурор. Так, согласно части четвертой статьи 60 Конституции Грузии Конституционный Суд в порядке, установленном органическим законом, рассматривает конституционность нормативных актов применительно к основным правам человека, признанным главой второй Конституции, на основании иска физического лица, юридического лица или Народного Защитника.

Особенностью законодательства Российской Федерации является то, что круг субъектов, правомочных обращаться с конституционной жалобой, определен не Конституцией, а на уровне закона. Так, статьей 96 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» (далее – Закон о Конституционном Суде Российской Федерации) установлено, что правом на обращение в Конституционный Суд с индивидуальной или коллективной жалобой на нарушение конституционных прав и свобод обладают граждане, юридические лица и муниципальные образования в лице органов местного самоуправления, чьи права и свободы, по их мнению, нарушаются, а также – в интересах таких граждан и юридических лиц – Уполномоченный по правам человека в Российской Федерации, уполномоченные по правам человека в субъектах Российской Федерации, другие уполномоченные по правам в отдельных сферах или отдельных категорий лиц, предусмотренные федеральными законами, иные органы и должностные лица в соответствии с федеральным законом, общероссийские организации, которые в соответствии с федеральным законом могут представлять интересы таких граждан и юридических лиц.

Российские авторы обращают внимание на то, что параметры конституционного обжалования формируются не только под влиянием законодательного регулирования, но и подпадают под активное интерпретационно-содержательное воздействие со стороны Конституционного Суда Российской Федерации [12]. Так, согласно правовым позициям Конституционного Суда, неоднократно подтвержденным им в сохраняющих свою силу решениях, под гражданами как субъектами, прямо управомоченными на обращение с конституционной жалобой, необходимо понимать не только собственно

российских граждан, но и иностранцев и лиц без гражданства. Основанием для такого вывода являются, как указано в Постановлении от 17 февраля 1998 года № 6-П по делу «О правовом положении иностранных граждан в СССР» в связи с жалобой Яхья Дашти Гафура, взаимосвязанные положения статей 17 (часть вторая), 46, 62 (часть третья) и 125 (часть четвертая) Конституции Российской Федерации, предполагающие, что возможность обеспечения защиты прав и свобод посредством конституционного правосудия должна быть обеспечена каждому, в том числе иностранным гражданам и лицам без гражданства, если законом нарушены их права и свободы, гарантированные Конституцией.

Как свидетельствует опыт применения института конституционной жалобы в ряде стран, в том числе в России, преобладающее большинство обращений составляют индивидуальные конституционные жалобы граждан. В связи с этим представляется обоснованным, что Конституцией Республики Беларусь право на обращение в Конституционный Суд с жалобой на нарушение конституционных прав и свобод граждан предоставлено им самим.

2. Объектом контроля, осуществляемого конституционными судами по жалобам индивидов, выступает нормативная основа конституционных прав и свобод граждан, закреплённая законами (Беларусь, Украина), нормативными правовыми актами (Азербайджан, Армения, Грузия), законами и иными нормативными правовыми актами (Кыргызстан).

Конституцией Российской Федерации (части вторая и четвертая статьи 125) и Законом о Конституционном Суде Российской Федерации (статья 3), в отличие от использования в законодательстве ряда стран обобщенного понятия «объект конституционной жалобы», такой объект определен конкретно: это федеральные конституционные законы, федеральные законы, нормативные акты Президента Российской Федерации, Совета Федерации, Государственной Думы, Правительства Российской Федерации, а также конституции республик, уставы, законы и иные нормативные акты субъектов Российской Федерации, изданные по вопросам, относящимся к ведению органов государственной власти Российской Федерации и совместному ведению органов государственной власти Российской Федерации и органов государственной власти субъектов Российской Федерации.

Согласно Конституции Республики Беларусь объектом конституционного контроля по жалобам граждан на нарушения их конституционных прав и свобод являются законы.

Статьей 14 Закона Республики Беларусь «О нормативных правовых актах» установлено, что закон – нормативный правовой акт, закрепляющий принципы и нормы правового регулирования наиболее важных общественных отношений (часть первая пункта 1); закон может приниматься в виде кодекса, который является системообразующим нормативным правовым актом, закрепляющим принципы и нормы правового регулирования наиболее важных общественных отношений и обеспечивающим наиболее полное правовое регулирование

определенной сферы общественных отношений (пункт 2).

Полагаем, что исходя из сущностного содержания такого вида нормативных правовых актов, как законы, определение их в качестве объектов контроля по конституционным жалобам граждан согласуется с частью первой статьи 116 Конституции, закрепившей цели осуществляемого Конституционным Судом контроля за конституционностью нормативных правовых актов в государстве.

Таким образом, граждане не вправе обжаловать в порядке конституционного судопроизводства нарушение своих прав и свобод судебными решениями и иными правоприменительными актами. В этом состоит сущностное отличие конституционной жалобы в Беларуси от принятой в ряде других стран модели полной конституционной жалобы, которая устанавливает возможность обращения в органы конституционного контроля с жалобой на нарушение прав и свобод граждан не только положениями законов либо иных нормативных актов, но и правоприменительными решениями судебных и иных государственных органов.

Так, в Германии любой человек может подать конституционную жалобу в Федеральный Конституционный Суд с утверждением, что органы государственной власти нарушили одно из его основных прав (статья 93 Основного Закона Федеративной Республики Германия).

Статьей 125 Конституции Республики Хорватия установлено, что Конституционный Суд рассматривает конституционные жалобы на индивидуальные решения, принятые государственными органами, органами местного и регионального самоуправления и юридическими лицами, наделенными государственной властью, если такие решения нарушают права человека и основные свободы, а также право на местное и региональное самоуправление, гарантированное Конституцией.

3. Для преодоления ряда недостатков, присущих практическому применению института индивидуальной конституционной жалобы, на которые указывалось выше, в законодательстве устанавливаются условия, в том числе процессуальные, при соблюдении которых гражданин может реализовать свое право на обращение в конституционный суд. Эти «фильтры» уменьшают опасность «затопления» органов конституционного контроля многочисленными и не всегда обоснованными жалобами, они служат своеобразными ограничителями при поступлении жалоб в конституционные суды в целях обеспечения осуществления органами конституционного правосудия эффективной деятельности [13].

В рамках исследуемого вопроса целесообразно рассмотреть некоторые аспекты законодательного регулирования условий принятия конституционной жалобы к рассмотрению.

Во-первых, посредством конституционной жалобы может проверяться конституционность законов и других нормативных правовых актов, уже примененных в конкретном деле.

С.Д. Князев обращает внимание на то, что одна лишь связанность конституционной жалобы с применением закона в конкретном деле не позволяет в полной мере «отсечь» обращения в Конституционный

Суд Российской Федерации с жалобами, которые обусловлены не содержанием оспариваемых законоположений, а их неадекватным применением. Данное обстоятельство приводит к тому, что Конституционный Суд нередко вынужден заниматься «корректировкой» истолкования соответствующих норм права, так или иначе беря на себя функции судов общей и арбитражной юрисдикции [12].

Представляется, что по этой причине в обновленной Конституции Российской Федерации (часть четвертая статьи 125) определено дополнительное условие допустимости жалобы – исчерпание всех других внутригосударственных средств судебной защиты прав заявителя или лица, в интересах которого подана жалоба в Конституционный Суд при разрешении конкретного дела.

Проверяя конституционность указанной нормы, Конституционный Суд Российской Федерации сформулировал правовую позицию, суть которой состоит в том, что последовательное обжалование гражданином решения суда по крайней мере в апелляционном и кассационном порядке и лишь затем обращение в Конституционный Суд в системе действующего правового регулирования судоустройства и процессуального законодательства обеспечат эффективность обжалования в рамках согласованного функционирования всех судов, составляющих единую судебную систему России. Поэтому требование об исчерпании иных предусмотренных законом способов судебной защиты в качестве условия допустимости жалобы в Конституционный Суд Российской Федерации не вступает в противоречие с правом граждан на судебную защиту (часть первая статьи 46 Конституции Российской Федерации) и, более того, будет способствовать его реализации (Заключение от 16 марта 2020 года № 1-3 о соответствии положениям глав 1, 2 и 9 Конституции Российской Федерации не вступивших в силу положений Закона Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации).

Несомненный интерес представляет суждение Н.А. Игумнова о наделении Конституционного Суда Российской Федерации в соответствии с обновленным законодательством дискрецией в вопросе о признании внутригосударственных средств защиты исчерпанными. Это возможно, по мнению автора, если по поставленному заявителем вопросу сложилась правоприменительная практика или принято разъяснение судебной практики на уровне Верховного Суда Российской Федерации, из которых следовал бы однозначный ответ, что в конкретном деле заявителя иное применение оспариваемых норм не предполагается (пункт 3 статьи 97 Закона о Конституционном Суде Российской Федерации). Оценка же того, предполагается или нет иное решение по делу, остается в пределах усмотрения Конституционного Суда Российской Федерации [14].

Во-вторых, индивидуальная конституционная жалоба не может быть признана допустимой, если оспариваемый закон не затрагивает конституционных прав и свобод граждан. Данное условие отличает конституционную жалобу в Беларуси от применяемой в ряде других стран так называемой народной жалобы (*actio popularis*), которая

подается не в связи с нарушением персональных прав и свобод заявителей, а в защиту публичных интересов неопределенного круга лиц.

В-третьих, конституционная жалоба может быть принята к рассмотрению при соблюдении установленных сроков, ограничивающих право гражданина на ее подачу.

Так, в соответствии с пунктом 2 статьи 97 Закона о Конституционном Суде Российской Федерации жалоба на нарушение нормативным актом конституционных прав и свобод является допустимой, если жалоба подана в срок не позднее одного года после принятия судебного решения, которым исчерпываются внутригосударственные средства судебной защиты, а в случае, если в пересмотре дела судом, решение которого обычно исчерпывает внутригосударственные средства судебной защиты по соответствующей категории дел, было отказано в связи с пропуском срока обжалования, – в срок не позднее одного года после принятия последнего судебного решения, в котором был применен соответствующий нормативный акт.

Законодательством ряда других стран установлены более короткие сроки, ограничивающие право граждан на обращение с жалобой в конституционный суд. Так, в Хорватии конституционная жалоба может быть подана в течение 30 дней со дня получения заявителем решения органов судебной, административной или иной публичной власти, с которыми он связывает нарушение своих конституционных прав (статья 64 Конституционного закона о Конституционном Суде Республики Хорватия).

В Германии конституционная жалоба может быть подана и обоснована в течение одного месяца. Срок исчисляется с момента судебного или неформального извещения лица об окончательном решении, если в соответствии с общими процедурными положениями решение должно быть вручено или о нем лицо должно быть уведомлено *ex officio*. В иных случаях срок начинает действовать с момента оглашения решения или, если оглашения не требуется, с момента иного сообщения заявителю (параграф 93 Закона о Федеральном Конституционном Суде Германии).

Наличие сроков подачи конституционной жалобы обусловлено в том числе необходимостью соблюдения принципа правовой определенности, предполагающего обеспечение стабильности правовых отношений, чтобы каждый участник юридического общения не испытывал неуверенности в приобретаемом им на законных основаниях статусе и вытекающих из него правах и обязанностях [12].

Следовательно, при законодательном установлении условий допустимости конституционной жалобы к рассмотрению, в том числе сроков, ограничивающих право гражданина на ее подачу, необходимо достижение разумного баланса между правом на конституционную защиту нарушенных прав и свобод гражданина и обеспечением правовой определенности, являющейся одной из важнейших составляющих верховенства права.

Палатой представителей Национального собрания Республики Беларусь принят в первом чтении проект закона,

который предусматривает приведение в соответствие с изменениями и дополнениями Конституции Закона «О конституционном судопроизводстве» путем изложения в новой редакции. Данным законопроектом определяются в том числе материально-процессуальные требования к подаче конституционной жалобы, которые призваны способствовать «фильтрации» необоснованных жалоб. К таким требованиям относятся, в частности, следующие:

наличие признаков нарушения прав и свобод гражданина в результате применения закона в конкретном деле с его участием;

наличие непосредственной связи конституционной жалобы с нарушением прав и свобод лица, подающего жалобу, что исключает возможность подачи жалобы в интересах других граждан либо неопределенного круга лиц;

соблюдение принципа субсидиарности, предполагающего соблюдение до обращения в Конституционный Суд всех других средств судебной защиты;

соблюдение сроков, ограничивающих право граждан на обращение с жалобой в Конституционный Суд.

В Послании Президенту Республики Беларусь и палатам Национального собрания Республики Беларусь «О состоянии конституционной законности в Республике Беларусь», принятом на заседании Конституционного Суда 14 марта 2023 года, указано, что установленная обновленной Конституцией возможность граждан обращаться в Конституционный Суд с жалобами на нарушения конституционных прав и свобод вследствие применения в конкретном деле, по их мнению, не соответствующих Конституции законов, если исчерпаны все другие средства судебной защиты, является важнейшей юридической гарантией обеспечения правового статуса личности, способствует повышению уровня защищенности конституционных прав и свобод человека и гражданина. Реализация в законодательстве данного положения Конституции, являющегося правовой основой введения в национальную правовую систему института конституционной жалобы, свидетельствует о развитии в конституционном судопроизводстве конкретного конституционного контроля, обеспечении прямого доступа граждан к конституционному правосудию, что позволит исключить искажение конституционно-правового смысла законодательных норм при применении в судебном деле, а также повысить эффективность конституционного контроля в целях реальной судебной защиты конституционных прав и свобод человека и гражданина.

Таким образом, европейская модель конституционного правосудия предусматривает различные формы осуществления защиты конституционных прав и свобод граждан: это абстрактный или конкретный конституционный контроль, осуществляемый на основе прямого или опосредованного (косвенного) доступа индивидов в конституционные суды. В настоящее время существует тенденция к расширению круга субъектов обращения в органы конституционного контроля за счет граждан, причем в ряде стран – только по поводу нарушения их конституционных прав и свобод.

Возможность прямого доступа граждан к конституционному правосудию путем обращения с конституционной жалобой представляет собой один из отличительных признаков правового демократического государства, а защита прав и свобод индивидов органами конституционного правосудия гарантирует недопущение их нарушений правоприменителями. Относительно простые условия доступа граждан в конституционный суд во многом обуславливают эффективность осуществления конституционного контроля.

Важность института конституционной жалобы состоит также в том, что граждане не только добиваются соблюдения Конституции в своих собственных интересах, но и способствуют реальному утверждению конституционных принципов демократического социального правового государства, а осуществление защиты прав и законных интересов граждан, которые были затронуты в конкретном случае, позволяет избегать аналогичных проблем в отношении других граждан.

Введенный впервые в правовую систему Республики Беларусь институт конституционной жалобы обеспечивает возможность защиты конституционных прав и свобод, нарушенных законом, примененным в конкретном деле, если исчерпаны все другие средства судебной защиты.

Список источников

1. Курпас М.В. Право на обжалование судебных решений – составной элемент конституционного права на судебную защиту (проблемы реализации, перспективы развития) [Электронный ресурс] // Конституц. и муницип. право. – 2011. – № 12 / КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «КонсультантПлюс». – М., 2023.
2. Миклашевич П.П. Проблемы доступа граждан к конституционному правосудию // Весн. Канстытуц. Суда Рэсп. Беларусь. – 2009. – № 3. – С. 61–73.
3. Сайфуллина И.П. Право на судебную защиту [Электронный ресурс] / КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «КонсультантПлюс». – М., 2023.
4. Миклашевич П.П. Конституционный контроль в современных условиях // Весн. Канстытуц. Суда Рэсп. Беларусь. – 2016. – № 1. – С. 57–66.
5. Кряжков В.А. Российская модель конституционной жалобы // Конституц. и муницип. право. – 2012. – № 5. – С. 65–71.
6. Теоретические и практические аспекты, связанные с индивидуальной конституционной жалобой в европейской модели конституционного правосудия: Сб. материалов Междунар. научно-практ. конференции (г. Минск, 13 – 14 мая 2010 г.) / Конституц. Суд Респ. Беларусь. – Минск, 2010. – 176 с.
7. Миклашевич П.П. Переход к конкретному конституционному контролю // Право.by. – 2023. – № 1. – С. 5–13.
8. Бондарь Н.С. Власть и свобода на весах конституционного правосудия: защита прав человека Конституционным Судом Российской Федерации. – М.: Юстицинформ, 2018. – 548 с.
9. Голик Н.М. Конституционная жалоба как гарантия защиты прав и свобод граждан. – М.: Изд-во Рос. гос. торгово-эконом. ун-та, 2010. – 262 с.

10. Миряшева Е.В. Судебный конституционный контроль в России и зарубежных странах: история и современность / Е.В. Миряшева, С. Павликов, В.Е. Сафонов. – М.: Рос. гос. ун-т правосудия, 2015. – 304 с.

11. Петина М.М. Конституционная жалоба в системе средств защиты прав граждан в России [Электронный ресурс] // Актуальные проблемы российского права. – 2017. – № 12 / КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «КонсультантПлюс». – М., 2023.

12. Князев С.Д. Конституционная жалоба в Российской Федерации: законодательная модель и судебная интерпретация [Электронный ресурс] // Журн. конституц. правосудия. – 2011. – № 1 / КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «КонсультантПлюс». – М., 2023.

13. Масловская Т.С. Европейская модель конституционного правосудия: особенности защиты конституционных прав и свобод граждан // Весн. Канстытуц. Суда Рэсп. Беларусь. – 2010. – № 1. – С. 98–106.

14. Игумнов Н.А. Исчерпание внутригосударственных средств судебной защиты как новое условие допустимости конституционной жалобы [Электронный ресурс] // Конституц. и муницип. право. – 2021. – № 3 / КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «КонсультантПлюс». – М., 2023.

Монголия

ПРАВО НА ДОСТУП К ПРАВОСУДИЮ, ГАРАНТИРОВАННОЕ КОНСТИТУЦИЕЙ МОНГОЛИИ

Ром Мухийт

Директор исследовательского
центра Конституционного
суда Монголии

Доступ к правосудию признается в качестве основного права человека и гражданина и является средством гарантирования конституционного права на судебную защиту.

1. Правовой статус Конституционного суда Монголии

Часть 1 статьи 64 Конституции Монголии гласит: «Конституционный суд является органом, осуществляющим высший контроль за выполнением Конституции и выносящим решения о нарушении ее положений и рассматривающим конституционные споры.

Он является гарантией неукоснительного соблюдения Конституции», что определило основную компетенцию Конституционного суда. Статья 66 Конституции устанавливает и узаконивает конституционную компетенцию Конституционного суда. В рамках этой нормы Конституции утверждены и введены в действие Закон о Конституционном суде и Закон о процессуальном порядке разрешения споров в Конституционном Суде.

Граждане (в том числе иностранные граждане и лица без гражданства, законно проживающие на территории Монголии) могут обращаться в Конституционный суд Монголии по любым подведомственным спорам, предусмотренным Конституцией. Конституционный суд Монголии рассматривает и разбирает споры о нарушении Конституции по своей инициативе на основе заявлений и сообщений граждан или по просьбе Великого Государственного Хурала, Президента, Премьер-министра, Верховного суда или Генерального прокурора.

Целью процессуального порядка разрешения споров Конституционного суда Монголии является полное и объективное рассмотрение и разрешение споров о нарушениях Конституции, обеспечение строгого соблюдения Конституции и конституционности.

Таким образом, решение Конституционного суда Монголии зарекомендовало себя в качестве эталона в обществе и способствует обеспечению высшей юридической силы Конституции и ее неукоснительному соблюдению.

2. Правовое регулирование, гарантирующее право на доступ к правосудию

Право каждого на свободный доступ к правосудию закреплено в статье 8 Всеобщей декларации прав человека, в статье 14 Международного пакта о гражданских и политических правах¹.

¹ Монголия присоединилась к Международному пакту о гражданских и политических правах 5 января 1968 года и ратифицировала его 18 ноября 1974 года.

Они считаются основополагающими международными нормами, устанавливающими основы доступа к правосудию.

Согласно части первой статьи 14 Конституции Монголии «Все лица, законно проживающие в Монголии, равны перед законом и судом». Пункт 14 статьи 16 гарантирует гражданам Монголии «право обращаться с жалобой в суд за защитой прав и свобод, предоставленных законами и международными договорами Монголии, если он/она считает их нарушенными; право на возмещение ущерба, незаконно причиненного другими; на то, чтобы не давать показания против самого себя или членов семьи, родителей и детей, а также защищать себя, получать юридическую помощь, добиваться проверки доказательств, рассчитывать на беспристрастный суд, лично участвовать в судебном разбирательстве своего дела, подавать апелляцию на решение суда, ходатайствовать о прощении помилования. Запрещаются принуждение к даче показаний против самого себя, оказание давления, применение силы для получения показаний. Никто не должен считаться виновным за совершение преступления, пока виновность обвиняемого не будет доказана судом в соответствии с законом. Запрещаются распространение мер наказания на членов его/её семьи или родственников» и этим обеспечивается право обращения с жалобой в суд.

Права на обращение в суд, справедливое судебное разбирательство и обжалование решений суда более детально регламентированы Законом о процессуальном порядке разрешении споров в Конституционном суде, Законами о разрешении административных, гражданских и уголовных дел в суде и Законом о разрешении правонарушений.

Граждане обращались в Конституционный суд Монголии, полагая, что правовые нормы, закрепленные в некоторых законах, сформулированы таким образом, что делают невозможным обращение в суд или обжалование его решений.

3. Некоторые примеры конституционных споров, связанных с правом на обращение в суд, которые были рассмотрены и разрешены Конституционным судом Монголии

3.1. Граждане обратились в Конституционный суд, утверждая, что право на подачу жалобы в защиту своих нарушенных прав в соответствии с Законом о банках было предоставлено только некоторым акционерам, в результате чего другие акционеры потеряли защищаемое Конституцией право на доступ к правосудию, тем самым нарушена статья 14 Конституции, которая гласит, что не допустима дискриминация человека по признаку его благосостояния.

Конституционный суд Монголии в своем постановлении 1998 года № 01 вынес решение, что положения части первой статьи 41 Закона о банках Монголии, которые в связи с назначением банковского правопреемника ограничивают права вкладчиков и клиентов на обращение в суд долей в уставном капитале банка, долей в общей сумме вкладов, а также долей иных платежей, подлежащих уплате банком, нарушают права каждого быть равным перед законом и судом; на обращение в суд с жалобой на защиту своих нарушенных прав;

справедливое судебное разбирательство, помимо того, что приводят к дискриминации на основании уровня благосостояния.

Монголия присоединилась к Международному пакту о гражданских и политических правах 5 января 1968 года и ратифицировала его 18 ноября 1974 года.

3.2. Великий Государственный Хурал (Парламент) Монголии 9 августа 2007 года внес в главу 48 Уголовно-процессуального кодекса (статьи 414–419) дополнение об упрощенном уголовно-процессуальном производстве. Граждане обратились в Конституционный суд в связи с нарушением положений пункта 14 статьи 16 Конституции статьей 418.2 Уголовно-процессуального кодекса Монголии, которая гласит, что «судья в присутствии подсудимого, потерпевшего, адвоката и прокурора выносит постановление по делу в течение 72 часов после получения дела и решение суда не подлежит обжалованию».

В своём постановлении 2008 года № 08 Конституционный суд Монголии указал, что положение «судебное решение не может быть обжаловано», содержащееся в части второй статьи 418 Уголовно-процессуального кодекса Монголии, по содержанию не допускает обжалование обвинительного или оправдательного постановления суда, вынесенного вследствие упрощенного производства, тем самым подсудимый, потерпевший, их адвокат лишаются возможности реализовать свое право на обжалование решения суда.

В Международном пакте о гражданских и политических правах говорится, что каждый, кто осужден за какое-либо преступление, имеет право на то, чтобы его осуждение и приговор были пересмотрены вышестоящей судебной инстанцией согласно закону.

Таким образом, Конституционный суд посчитал, что положение части второй статьи 418 Уголовно-процессуального кодекса «судебное решение не может быть обжаловано» нарушает пункт 14 статьи 16 Конституции, которая гласит о праве подавать апелляцию на решение суда.

3.3. В части четвертой статьи 25 Закона о судах Монголии, утвержденного Великим Государственным Хуралом Монголии 15 января 2021 года, указано, что «Верховный суд обеспечивает единообразное применение закона путем рассмотрения решения апелляционного суда в соответствии с установленными законом основанием и порядком», в пункте 25.7.5 той же статьи указано, что «Верховный суд в целях обеспечения единообразного применения закона рассматривает решение суда апелляционной инстанции в порядке надзора в следующих случаях:...» и в подпункте 25.7.5.a – «устранение различия между применением закона судов первой и апелляционной инстанций;», в подпункте 25.7.5.b – «закон был истолкован и применен иначе, чем официальная интерпретация Верховного суда;», в подпункте 25.7.5.c – «были допущены серьезные процессуальные нарушения, повлиявшие на решение суда». Это узаконение определило цель функций суда кассационной инстанции и конкретизировало случаи рассмотрения дел в порядке надзора.

В результате в соответствии с вышеуказанным законом

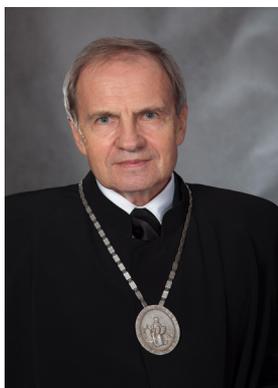
были внесены дополнения и изменения в законы о разрешении административных, уголовных и гражданских дел в суде, что полностью соответствует полномочиям законодателя.

Однако узаконивание того факта, что Верховный суд рассматривает решение суда низшей инстанции в случаях, когда «первый и апелляционный суды применили закон в различном порядке» или «закон был истолкован и применен иначе, чем официальное разъяснение Верховного суда», приводит к выводу, что это не в полной мере отвечает цели обеспечения единообразного применения закона и ограничивает участников дела возможностью обращения в надзорный суд. Принимая во внимание эти обстоятельства, в своём заключении 2023 года № 02 Конституционный суд Монголии постановил, что вышеуказанное узко регламентирующее узаконение делает невозможным для Верховного суда рассмотрение случаев, нарушающих единообразие применения закона, что непосредственно нарушает право гражданина на справедливое судебное разбирательство, гарантированное Конституцией. Это решение Конституционного суда Монголии будет окончательным, если его примет Парламент. В случае непринятия это будет решаться на заседании с полным составом от 7 до 9 судей Конституционного суда.

Таким образом, Конституционный суд Монголии защищает, определяет пределы и содержание права на доступ к правосудию, закреплённого в Конституции.

Российская Федерация

ПУТЬ ПРАВА В РОССИИ. РЕФОРМАТОР – ЭЛИТА – НАРОД

В.Д. Зорькин

Председатель Конституционного
Суда Российской Федерации
д.ю.н., профессор

1. Сразу оговорю – речь пойдет не о каком-то особом пути России, а просто о российской реальности. И ее соотношении с правовыми регуляторами. Мы все знаем, что происходит с транспортным средством, если отказывают регуляторы. Перестал соблюдать правила – жди катастрофы. Чем, в сущности, нарушение норм права в сфере политики так уж отличается от пренебрежения правилами дорожного движения? Мы видим на недавних примерах в разных странах, что неуважение норм права в политической жизни приводит к большой крови и общенародной трагедии. Как известно, «Посеешь ветер – пожнешь бурю».

1. Сразу оговорю – речь пойдет не о каком-то особом пути России, а просто о российской реальности. И ее соотношении с правовыми регуляторами. Мы все знаем, что происходит с транспортным средством, если отказывают регуляторы. Перестал соблюдать правила – жди катастрофы. Чем, в сущности, нарушение норм права в сфере политики так уж отличается от пренебрежения правилами дорожного движения? Мы видим на недавних примерах в разных странах, что неуважение норм права в политической жизни приводит к большой крови и общенародной трагедии. Как известно, «Посеешь ветер – пожнешь бурю».

Кто же отвечает за подобные экстраординарные эксцессы? Конечно, тот, кто теряет способность управлять – не важно чем: автомобилем, самолетом или обществом. Регуляторы перестают работать, общество оказывается в состоянии дерегуляции, такое состояние порождает сначала кровавые эксцессы, а затем – чрезвычайные усилия по преодолению этих эксцессов.

При анализе любой социальной проблемы важно найти базовую метафору. В качестве такой метафоры обратимся к есенинским строкам о Ленине:

«А те, кого оставил он,
Страну в бушующем разливе
Должны заковывать в бетон».

К бушующему разливу привела системная дерегуляция, порожденная неспособностью элиты Российской империи вовремя исправить регуляторы, позволявшие эффективно управлять государством и обществом. Говорят, что история не знает сослагательного наклонения. Но есть такое понятие «альтернативная история». Правильное прочтение значимых событий нашей отечественной истории дает ключ к пониманию логики правового развития страны, во

многом определяющей события сегодняшнего дня.

«Народ, забывший свою историю, обречен на то, чтобы повторять ее вновь», – мы не устаем поражаться точности этой фразы. Но почему-то время от времени, как говорят в России, «наступаем на те же грабли». Почему?

Ведь не единожды в истории «бушующий разлив» кому-то приходилось «заковывать в бетон». Если не хотим, чтобы кто-то начинал «заковывать в бетон», а уж тем более туда «закатывать» (а ведь так легко одно переходит в другое!), не надо допускать дерегуляции, то есть «бушующего разлива».

Но что значит «не допустить»? Это же не «держат и не пущать» и даже не «подмораживать»! Это – приводить регуляторы в соответствие с обществом, то есть проявлять бережную заботу об этих регуляторах и решимость в том, что касается своевременной переналадки регуляторов, замены уже неработающих регуляторов такими, которые отвечают требованиям современности.

Надо ли доказывать, что неприятие «бушующих разливов» и забота о правильных регуляторах в принципе предполагают беспредельное уважение к регуляторам как таковым? Разумеется, речь идет о регуляторах, совместимых с фундаментальными человеческими представлениями о должном и справедливом. То есть о том, что называется гуманизмом в широком и единственно верном смысле этого слова.

В современном обществе (то есть обществе модерна) возобладал собственно правовой, предложенный и принятый обществом, тип равенства – равенство всех перед законом и судом. В ядре общества модерна – почитание права. Превращение права в эффективную светскую религию. То есть своеобразный культ права и основанная на нем непрерывно социально подкрепляемая вера во всемогущество писаного закона и поддерживающих закон институтов. Вера в неподкупность судей, в способность правовой системы обеспечивать действительное равенство всех перед лицом закона.

Упрочить эту веру как новое культурное основание модерна, обеспечить единство этой веры с эффективными институтами, обеспечить определенное качество человеческого материала, наполняющего эти институты, социально доказать равенство всех перед законом – вот что значит взять правовой барьер и оказаться в модерне.

По мере правового развития человечества идея равенства всех перед законом постепенно приобретала черты равенства перед правовым законом, в основе которого – признание системы прирожденных и неотчуждаемых прав человека, не только личных и политических, но и социальных.

Присмотримся к некоторым примерам, которые подтверждают или опровергают наше продвижение к такой, говорю без всякой иронии, великой и спасительной цели. Близки ли мы к ней сейчас? Если мы близки к ней, то чем являются бесконечные свидетельства неравенства перед законом и судом, которые переполняют нашу жизнь?

В обществе модерна на начальном этапе может существовать вопиющее социальное неравенство. Но что категорически не может существовать в виде признаваемого факта – вопиющее правовое неравенство. Неравенство людей перед законом и неравенство перед судом, который ставит точку над *i* в споре о праве и, значит, устами которого говорит само божество Закона.

Как только такое неравенство признается в качестве факта, модерн окажется отмененным. Образуется пустота. На самом деле пустоту заполняют сначала просто более или менее откровенно криминальные регуляторы. Если люди не верят в то, что они могут найти достойное и справедливое (то есть не мздой и не звонком определяемое) решение в суде, они все равно станут решать свои проблемы. Как? Они будут обращаться за помощью к «браткам», как обычным, так и из разряда «оборотней», коррупционерам (в том числе к «судье неправедному») и прочему социально-деструктивному контингенту. Но самое опасное для государства, когда коррумпируется сам суд, потому что тогда под маской закона выступает произвол. Тогда либо криминальный «разлив», либо модернистский «бетон». Третьего тогда уже действительно не дано!

Вопиющее правовое неравенство перед законом и судом должно быть преодолено и обществу должны быть предъявлены такие доказательства преодоления хотя бы этого типа неравенства, которые оно примет, сказав: «Да, теперь я действительно верю, что это так!».

В противном случае нас ждет криминальный «разлив», и не ясно даже, кто и как будет заковывать этот «разлив» во что-либо. И во что именно.

Точнее, ясно, как будут заковывать подобный «разлив» в «бетон». Тут подсказкой является и мировой опыт, и наша отечественная традиция. Такой «разлив» малой ценой в «бетон» не закуешь. Да и такое ли великое счастье оказаться закованными в «бетон»?

Реальная жизнь была и всегда будет мерилом для каждого, кто создает для нее правовое русло – «бетонное», «гранитное» или любое другое. Нельзя соорудить русло, не понимая, что именно по этому руслу потечет.

Любям моего поколения памятен фильм «Место встречи изменить нельзя», в котором Владимир Высоцкий блестяще сыграл Жеглова. Памятна и крылатая фраза, сказанная Жегловым: «Вор должен сидеть в тюрьме». Ничто в такой степени не соответствует сейчас запросу большинства наших граждан, как эта крылатая фраза. Но мы помним и другое! Что Жеглов сам мог легко нарушить закон. А ведь очень высокая популярность явно неправовой позиции Жеглова у нас в России имеет прочные корни в культуре, в массовом менталитете.

Это, в свою очередь, требует от российских правоустанавливающей и правоохранительной систем особых усилий – и одновременно особой осторожности – в разработке и внедрении правовых норм, которые должны соединять в себе модернизационную юридическую адекватность и регулятивную эффективность. В культуре каждого общества есть сильные и слабые стороны, и только их учет соединяет право как идеальные принципы должного и справедливого

и право как реальную нормативную систему (как «гранитное» или «бетонное» русло), то есть как нечто, призванное регулировать движение именно нашего социального, культурного, государственного, политического «потока». Подчеркиваю, нашего, а не «потока» вообще. Если мы этого не учтем, «поток» прорвет русло.

Российское государство как гарант правового начала нашей жизни должно находиться в оптимальном для решения этих задач состоянии применительно к соотношению между идеальными правовыми принципами и сложившейся очень непростой тревожной реальностью. Правовые нормы не должны вступать в жесткое противоречие с реальностью.

2. Трагизм фигуры российского императора Александра II, справедливо названного Освободителем, не позволяет сводить обсуждение его деяний к дежурному восхвалению. Равно как и к столь же дежурному указанию на те или иные ошибки, совершенные реформатором в ходе осуществления намеченных им преобразований.

Не апологетикой и не критикой жива история. Она жива для нас постольку, поскольку есть в нас воля к ее настоящему пониманию. А значит, и к пониманию самих себя. Ибо, заглянув в колодезь истории, мы видим там свое отражение в его загадочных водах и иначе понимаем и самих себя, и то, что можно и должно именовать народной судьбой.

Воля к такому пониманию, – заглядывая в прошлое ради настоящего и будущего, – не может умереть до тех пор, пока живо Отечество наше. Сегодня наша задача – отстоять высочайшие и безусловные ценности. Те самые, во имя торжества которых Александр II разорвал 150 лет назад узы бесправия и несвободы, бросив вызов косному правящему классу и вечно всем недовольному неразумию радикалов-интеллигентов.

Соединение российской духовности с правопорядком и свободой на основе равенства всех перед законом и судом – вот то великое начинание, которое неразрывно связано с именем царя-освободителя Александра II.

К середине XIX возник глубокий кризис старой социальной и политико-правовой структуры и связанный с этим кризис идентичности российской элиты, что воспринималось как крушение всего привычного миропорядка. Именно о таком субъективном восприятии осевых исторических сломов писал Ф.И. Тютчев («Цицерон», 1829):

«Оратор римский говорил
Средь бурь гражданских и тревоги:
«Я поздно встал — и на дороге
Застигнут ночью Рима был!»
Так!.. Но, прощаясь с римской славой,
С Капитолийской высоты
Во всем величье видел ты
Закат звезды ее кровавый!...».

Держава, созданная по лекалу Николая I, не могла ответить на новые вызовы, приистекающие из готовности всей Европы (что означало на тот момент как бы и всего Запада) к проведению согласованной

антирусской политики. И тонкость тогдашней российской дипломатии, и мужество и талант наших полководцев и солдат могли быть лишь слагаемыми в той новой системе, которая только и могла придать стране необходимую динамику.

Как, не погубив отечественную духовность, этот стержень государственности, соединить ее с новизной, позволяющей перейти от статики к динамике? Вот на какой вопрос искал ответ царь Александр II. Причем искал его в условиях не только политического и экономического, но и исторического цейтнота.

Царь и народ... Царь и интеллигенция... Царь и некие опоры царизма... Вот те проблемы, которые требуют своего разрешения, коль скоро мы всерьез обсуждаем феномен Александра II.

Почему не приняли царя-реформатора те, кто страдал от отсутствия свободы и правового начала, кто ради их обретения погибал на эшафотах, гнил на каторгах? Ведь Александр II сделал навстречу им не один, а сразу несколько шагов. И чем же они ответили?

Впрочем, они ли одни? Разве в недрах правящего дворянского класса, того, что мы сейчас назвали бы правящей элитой, не зрело глухое недовольство деяниями Александра II? Разве не должны мы рассматривать тонкие, неочевидные моменты союза радикалов и консерваторов, погубившего царя-реформатора? Разве не в этом один из уроков тогдашнего трагического неразумия правящего класса и остро противопоставлявшей себя ему российской радикальной интеллигенции?

Разве не плоды этого неразумия обернулись впоследствии кровавыми катаклизмами, всю ответственность за которые до сих пор почему-то принято возлагать только на небольшую группу смутьянов? А остальные что делали в течение отведенного им исторического времени? Уничтожали всех своих спасителей-реформаторов, от Александра II до Столыпина, и потом возлагали ответственность за реки пролитой крови только на революционных смутьянов?

Разве уроки той трагедии, которую пережила страна, потеряв Александра II, не состоят в том, что ответственность за будущие смуты всегда несет правящий класс, не способный вовремя поступиться хотя бы частью своих корыстных интересов ради того, чтобы сохранить действительную связь с народом? Ту связь, вне которой нет и не может быть подлинной державной стабильности.

Если страна не готова к чуткому реагированию на вызовы времени.

Если элита сопротивляется политическому лидеру, уловившему эти вызовы и преисполненному желанием построить новый тип отношений между элитой и народом...

Если интеллигенция способна только дискредитировать все, что исходит от лидера, и в решающий момент оказывается не в состоянии решить назревшие задачи ни реформистским, ни революционным путем.

Как, скажите, при наличии всех этих губительных «если» избежать полномасштабной государственной катастрофы? И на ком лежит ответственность за нее?

На рубеже XIX – XX вв., то есть 40 лет спустя после начала реформ, выдающийся правовед и державник, автор концепции либерального консерватизма («либеральные меры – сильная власть») Борис Николаевич Чичерин с горечью констатировал, что страна вновь оказалась перед угрозой «бушующего разлива». В ней, говорил он словами поэта, по-прежнему:

«В судах черно неправдой чёрной,
И игом рабства клеймена.
Безбожной лести, лжи тлетворной
И всякой мерзости полна».

Хорошо понимавший все трудности конституционных преобразований в России с ее «укоренившимися веками раболепством, с одной стороны, и легкомысленным либерализмом – с другой», Чичерин накануне революции 1905 года писал: «А ныне Россия управляется отребьем русского народа, теми, в которых раболепство всё превозмогло и даже исчезло то, что было в них порядочного с молодости». И только сильный реформатор, ограничив произвол власти, может предотвратить взрыв и «дать вздохнуть тем здоровым элементам, которые таятся в недрах русской земли».

Способна ли Россия сейчас извлечь уроки из трагедии, которую мы, обсуждая, как бы переживаем заново? Или же она в очередной раз проявит нечувствительность ко всему, что можно назвать ее собственным трагическим опытом?

Но прежде давайте признаем – даже в крайне скверной нынешней ситуации, – что мы уважаем исторические достижения Запада. Что мы учились у Запада. Что некоторые его достижения в сфере обеспечения правовых устоев воистину восхищают. Но восхищаясь одним, мы с тревогой всматриваемся в другое. И имя этому другому, конечно же, нигилизм, в том числе нигилизм в сфере права.

Вся многоликость анархии произрастает именно из нигилизма как глубочайшего заболевания Запада, которое сейчас начинает принимать катастрофический характер. Об этом, кстати, говорили и говорят крупнейшие западные авторитеты, включая сразу нескольких римских понтификов и глубочайших светских мыслителей Запада.

Именно из нигилизма произрастают во все времена и приверженные анархии бесы, и великие инквизиторы. И разве не был нигилистом такой герой Достоевского, как Великий Инквизитор? Что как не нигилизм насаждал этот герой, как бы противостоящий анархии? Именно на основе союза анархистов и великих инквизиторов, в фундаменте которого лежит нигилизм, взрастают силы реакции, растаптывающие все реформаторские порывы. Именно такой союз крайней реакции и анархизма погубил Александра II. И поскольку правовой нигилизм не только не преодолен, а, напротив, стал сейчас масштабен и опасен как никогда, то сохранены и все условия, позволяющие вновь сложиться сходному союзу во имя уничтожения духа свободы и права не только в России, но и во всем мире.

И нас не должны обманывать поверхностные конфликты между крайними реакционерами и анархистскими радикалами. Мы должны

быть готовы к войне на два фронта – с реакцией и анархизмом, твердо понимая, что фактически это один и тот же фронт, образно говоря, «одно тело о двух руках». Вдумаемся: мы уже прожили в XXI веке два очень горьких десятилетия. Мы уже несколько раз за это время находились на грани государственной катастрофы. Мы непомерной ценой заплатили за некоторые очень нужные России приобретения в сфере свободы и правопорядка.

И что же? Даже сейчас мы слышим безответственные речи тех, кто призывает к полному свертыванию всего, что приобретено, ради возвращения в какую-то якобы почвенную утопию.

Неужели не ясно, что певцы несвободы и произвола, призывающие к чему-то подобному, намерены на самом деле погубить Россию? И что эти певцы, с их отрицанием необходимости сопрягать свободу и правопорядок, с их воспеванием порядка как такового, – это реакционные нигилисты, идущие рука об руку с нигилистами анархического толка?

Нечто сходное мы и впрямь переживали в эпоху Александра II, да и в последующие эпохи. К сожалению, наши историки пока не дали нам ясных и окончательных доказательств наличия такого союза и в эпоху Александра II, и в эпоху Столыпина. И мы пока лишь можем догадываться о том, кто стоял за спиной нигилистов-анархистов, руководя их террористическими злодействами. И какие конкретные нигилисты-реакционеры науськивали нигилистов-анархистов на совершение губительных для страны деяний.

Но, при всей неразгаданности этих собственно исторических злоключений, их философско-правовой смысл уже достаточно очевиден. Реакционный правовой нигилизм с его проповедью произвола и несвободы во имя кажущегося порядка должен быть отвергнут с той же категоричностью, как и нигилизм анархический. И никого не должны тут смущать религиозные по видимости сентенции реакционного нигилизма.

Для России в XXI веке Великий Инквизитор Достоевского – это не один из художественных образов. Это символ, преисполненный глубочайшего духовного и политико-правового значения. Это урок и предостережение. И это глубочайший религиозный вызов.

Ведь для каждого мыслящего человека очевидно, что не может христианин, оставаясь христианином, отрицать право как меру свободы – равенство всех перед законом и судом, равноправие и справедливость, ибо в утверждении правовой свободы как абсолютного человеческого начала весь смысл христианской проповеди, весь смысл всех вероучений, основанных на гуманистическом возвышении человека. Том возвышении, которое немислимо при отрицании свободы человеческой воли.

Следует помнить, что у Достоевского в конце притчи о Великом Инквизиторе этот ревнитель религиозной чистоты прямо признается Христу, что он давно уже находится в союзе не с Господом, а с князем мира сего. То есть с существом, которое и является для любого христианина подлинным хозяином правового нигилизма.

Кто и зачем вновь выступает от лица этого самого реакционного нигилизма?

Кто и зачем призывает даже сейчас – якобы во имя консерватизма – к отказу страны от взятия правового барьера?

Разве можно на основе правового нигилизма утвердить «суд скорый, правый, милостивый и равный для всех», то есть утвердить правосудие?

Разве можно после страшных уроков прошлого, обернувшихся двумя государственными катастрофами в одном только XX-м столетии, восхвалять как лучшее именно то губительное, что эти катастрофы и породило?

Разве мало подвигов и великих свершений в нашей истории как XX-го, так и предшествующих веков?

Так почему же зачастую мы избираем в качестве нашего ориентира не эти подвиги и свершения, а дух несвободы и произвола, погубивший все то великое, что было создано нашими благородными предками?

Учиться у Запада великой традиции свободы и правопорядка — наш долг перед лицом неисчислимых жертв, принесенных на алтарь величия России, наш долг перед теми будущими поколениями, кому мы должны передать правовое государство и правосудие.

Но принимая схему подобного ученичества, мы не можем путать ее с духом «слепого, рабского, тупого подражания», осужденным еще Грибоедовым в его бессмертном произведении «Горе от ума». Говорю не только о пошлом подражании, свойственном самой неумной части нашего так называемого западничества. И даже не только о том разнузданно-анархическом духе, который это пошлое псевдо-западное начало постоянно продуцирует со ссылками на Запад, всегда пресекавший у себя любое проявление политической анархии и хаоса.

Последнее достаточно очевидно. Ведь вряд ли у кого-то возникают сомнения в том, что любая западная власть приняла бы адекватные по своей жесткости меры к пресечению того антиправового безумства, которое учинили в 2014 году в Киеве люди, как бы выступающие в защиту западного пути и западных ценностей. На Западе такое бесчинство было бы жесточайше пресечено. Причем именно во имя гармонического сочетания идеи свободы и правопорядка. Ведь на своей территории Запад бдительно следит за тем, чтобы баланс между этими двумя началами соблюдался неукоснительно. Ибо слишком очевидно, чем именно чревато нарушение такого баланса.

Но в том-то и дело, что, отстаивая свою территорию как священный град, где свобода и правопорядок уравнивают друг друга, Запад ведет себя иначе за стенами этого священного града, на той территории, где, по его мнению, может произрастать только варварство или дикость. Более того, Запад поощряет произрастание варварства и дикости за пределами собственных священных стен. Он делает это во имя утверждения третьего из тех принципов, которыми руководствуется.

Ибо помимо принципа свободы, которым Запад и впрямь руководствуется с древнейших времен, рассматривая этот принцип

как «вещь в себе и для себя» (то есть вещь, предназначенную только для внутризакладного использования) и принципа законности, который в той же мере рассматривается Западом как благо, плоды которого должен вкушать только он сам, – Запад исповедует и третий принцип, принцип власти. А согласно этому принципу на чужой территории «цивилизованный» субъект властвования должен разбираться с дикарско-варварским объектом отнюдь не сообразно двум первым принципам, коим место только внутри западной благодати. За стенами священного града цивилизации, на территории дикости и варварства – граду позволено все, что способствует укреплению власти субъекта над объектом. А способ такого властвования известен давно: *Divido et Impera...*

Чем больше анархии и реакции будет находиться за стенами западного священного града, тем легче будет этому граду осуществлять принцип власти. Так считали создатели града. И так считают те, кто сейчас его населяет и окормляет.

Именно поэтому такие ревнители гармонии свободы и правопорядка готовы поддерживать самые темные силы анархии и реакции, коль скоро речь идет о том, что ты находишься не у себя дома, а на территории варваров и дикарей. То есть на территории, где должен быть реализован в чистом виде только принцип власти в отрыве от всего остального.

И не такие ли «ревнители гармонии двух благородных начал» внутри священного града организовывали за его пределами несовместимый с этими началами союз анархических и реакционных нигилистов в России и во времена Александра II, и во времена Столыпина, и при развале СССР?

Как очень недипломатично и даже простодушно заметил недавно Верховный представитель Евросоюза по иностранным делам и политике безопасности г-н Жозеп Боррель на открытии Европейской дипломатической академии, «Европа – это сад, ... Остальной мир – это не совсем сад. Большая часть остального мира – это джунгли. А джунгли могут вторгнуться в сад». И хотя далее он добавил, что «возводить стены вокруг Европы не будет правильным решением, нужно, чтобы сад вышел в джунгли», эта фраза вряд ли кого-то обманула. А перспектива выхода белых («привилегированных», как он сказал) людей в джунгли к аборигенам вряд ли вдохновила кого-либо за рамками европейского сада. Результаты подобного выхода мы наблюдали и в Югославии, и в Ираке, и в Сирии, и в Ливии, и в Афганистане, а теперь и на Украине.

Этот губительный для человечества подход не может в итоге не обернуться против тех, кто его использует якобы только за пределами своего града. Обнаженный принцип власти ради власти – это зверь, который сначала пожрет все, что находится за стенами породившего его града, а потом воцарится и в этих стенах. Многие говорят о том, что зверь уже готов к тому, чтобы начать лакомиться не только дикарями и варварами. Что гармония права и свободы будет пожрана во имя абсолютного торжества принципа власти, очищенного от всего на свете, прежде всего от права и морали. Причем речь именно о глобальном и

тотальном господстве этого принципа.

3. В сегодняшней реальности многие факты говорят нам о том, что действующее право и впрямь не является полноценным. Нельзя отчасти не признать наличие глубокого разрыва между правовым идеалом и нашей действительностью. Можно даже признать, что этот разрыв не уменьшается, а увеличивается. И что увеличение такого разрыва сулит нам всем большую беду.

Очевидно, что эта беда не будет делать различий между домами бедных и домами богатых. никоим образом не желая наращивать потенциал конфронтации, я всего лишь обращаю внимание на связь между состоянием общества и состоянием права в этом обществе. Нельзя катиться в сторону деградации, в сторону превращения общества в примитивную стаю и при этом ограничиваться сколь угодно справедливыми констатациями несовершенства нашей нынешней правовой ситуации. Нужно воспрепятствовать деградации социальной жизни. Нужно воздействовать на общество так, чтобы оно не превращалось в некое подобие криминальной стаи. И только при переломе общественных неблагоприятных тенденций мы можем рассчитывать на уменьшение разрыва между правовым идеалом и нашей действительностью. Иного метода борьбы за утверждение правового идеала нет и не может быть.

Каковы основы общественной жизни, таковы и основные социальные регуляторы. Игнорирование связей между состоянием общественной жизни и состоянием права – это проявление чудовищной близорукости. И именно эту близорукость проявляют сегодня те, кто справедливо негодует на недостатки нашей правовой жизни, но категорически отказывается обсуждать степень их обусловленности недостатками нашей жизни социальной. Каково общество, таково и право.

Так каково же оно, наше общество? Мне кажется, что нет более острого вопроса, имеющего самое непосредственное и животрепещущее отношение к праву.

С большим интересом я прочел опубликованную в «Независимой газете» в конце 2012 года, вскоре после событий на Болотной площади, статью Леона Арона «Самоограничение власти. О моральном и личностном выборе при построении новой российской государственности». Господин Арон был на тот момент директором российских исследований Американского института предпринимательства – вполне солидной научной институции. И я не хотел бы, чтобы мои рассуждения были истолкованы как негодование российского почвенника по поводу точки зрения американского западника. Я, напротив, считаю, что статья господина Арона выгодно отличается от статей наших западников отсутствием пренебрежения к тому, что называется идеалами.

Каково моральное состояние общества, таково и право, говорит он, и я с ним в этом согласен.

Но далее автор начинает восхвалять моральное состояние общества, породившее горбачевскую перестройку. Он пишет:

«Моральное отрицание старого режима – это отличительная характеристика действительно великих, классических революций Нового времени: английской, американской, французской». Обратив внимание читателя на такую черту названных им революций, он начинает восхвалять и горбачевскую перестройку, которая якобы во всем подобна этим великим революциям.

Но разве великая революционная мотивация сводится к моральному отрицанию старого режима? Разве в ней отсутствует новый идеал и новая моральная страсть? Разве не являлись мотором революции некие представления о позитивном идеале? Причем об идеале, соединяющем в себе жесткий рационализм и глубинные мечты народа о справедливости? Разве в отсутствие всего этого позитивного морального содержания революция не превращается в смуту? То есть в свою противоположность?

Разве все это не очевидно? И разве не очевидно, что восхваление и оправдание нашей перестройки и расстрела Ельциным собственного парламента адресует не к прошлому, а к будущему? Что так моделируется – именно моделируется – новая волна абсолютного морального негативизма к тому, что происходит сейчас, и что эту волну абсолютного морального негативизма многие называют «перестройкой-2».

Сравнение перестроек с подлинно великими революциями, видимо, должно преодолеть в российском обществе то глубокое отвращение перед состоявшейся смутой, которое препятствует нашему скатыванию в пучину новой смуты, и пригласить общество катиться в эту пучину под громогласные возгласы о моральном несовершенстве всего наличествующего.

Меньше всего я хотел бы оправдывать эти моральные несовершенства или даже преуменьшать их. Но давайте на примере, предложенном господином Ароном, порассуждаем о том, чем же отличается смута от революции, несущей с собой и новую надежду, и новую созидательность.

Я уже сказал о том, что первое отличие революционера от смутьяна – это наличие позитивного идеала. Причем идеала, отвечающего глубоким народным чаяниям, созвучного новым историческим тенденциям и хорошо продуманного. Но революционер несет с собой не только моральную позитивность революционной идеи. Он несет с собой еще и личную моральную позитивность. Революционер не просто бичует пороки свергаемых им властителей. Он утверждает свою несопричастность этим порокам.

Но, сказав массам обо всех пороках властителей, революционер этим не ограничивается. Он приносит массам не только идеальный текст, идеальную проповедь, идеальные чертежи новой высокоморальной жизни. Он приносит массам еще и себя как высокоморальную личность. Подлинный революционер умиряет гордыню своего «я» тем посланием, которое он воплощает в жизнь. Он ставит это идеальное послание выше своих амбиций. Он готов умереть за это послание. И потому он революционер, а не смутьян.

С каким своим морально-позитивным революционным посланием пришли к народу Горбачев и Шеварднадзе, которых господин Арон ставит на одну доску с Кромвелем и Робеспьером?

И с каких это пор великие революции возглавляются королями? Великие революции королей свергают. Что это за революция, в которой победителями являются высшие представители дореволюционного сословия? Когда и в какой революции движущей силой были ренегаты? Я сейчас не обсуждаю качество этого ренегатства. Я говорю об очевидности ренегатства как такового. И Горбачев, и Яковлев, и Шеварднадзе, и Ельцин – это ренегаты в строго научном смысле этого слова. То есть это революционеры-короли (или же короли-революционеры). Что это за новый феномен Людовика XVI, не гибнущего на гильотине, а триумфально наслаждающегося переходом от роялизма к республике? Нельзя не понимать, что этот феномен не имеет абсолютно никакого отношения к великим революциям, упомянутым господином Ароном. Но что он поразительно совпадает с тем, что характерно для смуты.

Стоит почитать Карамзина или пушкинского «Бориса Годунова».

Моральная критика – и оседлывающие ее бояре Шуйский, Воротынский.

Моральная критика – и военный предатель Басманов, всем обязанный своему благодетелю, детей которого он беспощадно уничтожает.

Моральная критика – и циничный, двуличный мошенник, паразитирующий на иноземных сплетнях и отчаянии народа.

Моральная критика – и распутные, хищные, беспощадные иноземные оккупанты.

Можно по-разному относиться к Робеспьеру или Кромвелю. Но они никоим образом не были пропагандистами вседозволенности, обогащения всеми возможными средствами. Они говорили о справедливости, служили справедливости и утверждали новый моральный порядок вещей.

А какой моральный кодекс провозгласил и утвердил Ельцин? Моральный кодекс хищнической олигархии?

О каком самоограничении власти говорит господин Арон? И кому это он говорит? Он говорит это родителям детей, погибших в парламенте, который Ельцин расстрелял из танков? Какое отношение к самоограничению имеет желание Ельцина спрятать концы в воду и уйти от расследования всего, что связано с расстрелом нашего парламента? Ведь до сих пор расследование не проведено! И чем, кроме желания сохранить власть и все блага, которые она дает, мог быть порожден ельцинский указ № 1400?

Сокрушительная моральная критика была обрушена на коммунистическую номенклатуру, которая якобы жила в условиях невероятной роскоши. Сейчас общество все уже понимает. Оно понимает, что тогдашняя моральная критика была основана на чудовищных преувеличениях. И что результатом этой критики стала эволюция Ельцина от поездок на трамвае к беспрецедентному

олигархическому режиму с его вопиющей оргией богатства. И к чудовищной всеобщей бедности.

Не это ли все запустило страшные процессы нарастающей общественной деградации? И не является ли новая волна моральной критики, критики, опять лишенной всякого серьезного позитивного содержания, желанием усугубить деградацию общества? Но тогда о каком праве можно будет говорить?

Я ознакомился с американскими работами, посвященными управляемому хаосу. Это интересные работы. Подумав над статьей господина Арона, я сделал для себя вывод, которым хочу поделиться с вами. Вывод этот таков: в хаосе нет морали.

Если смута – это хаос, то в ней морали нет. У нее нет морального ядра. У нее нет морального содержания. Она основана на лжи. И рождает ложь. Этим она отличается от подлинных революций, которые я отказываюсь восхвалять, но в которых моральное содержание присутствует.

В 1993 году Конституционный Суд сделал все возможное для того, чтобы Б. Ельцин своим указом № 1400 и последующими кровавыми действиями не подорвал в обществе моральные основания права. Понятно, что если моральные основания будут подорваны, то права не будет. Но сколько же людей тогда возжелало подрыва моральных оснований права! И затем именно эти люди сетовали на отсутствие права в России, никак не связывая такой результат со своими тогдашними словами и действиями, породившими негативы нынешней ситуации!

В России издревле литература была мощнейшим моральным источником. Герой Достоевского Родион Раскольников говорит Соне Мармеладовой, признаваясь в убийстве старухи-процентщицы: «Разве я старушонку убил? Я себя убил, а не старушонку! Тут так-таки разом и ухлопал себя навеки!..». Насколько выше этот герой всех тех, кто убил моральные основания российской демократии, убил моральные основания российского права и потом сетует на несовершенства этой демократии, этого права...

Но как бы существенна ни была возможная в данном случае моральная нюансировка, намного важнее другое. Кризис моральной легитимности элиты как таковой. И попытка самой этой элиты подменить отсутствие моральной легитимности пафосом неискренней моральной критики. Разве не так же поступала эта элита, например, в эпоху хрущевских разоблачений Сталина? Разве не к этому сводились ее игры при Горбачеве и Ельцине? Разве не этим же она занималась и после?

Осознавая всю губительность событий 1993 года, повторяю, нет морали в хаосе. Наш народ убедился в этом на горьком опыте. И будет давать отпор хаосу, под какими бы масками он ни скрывал свой антиисторический, античеловеческий, антиобщественный и антиправовой лик.

4. Еще со времен А.С. Грибоедова слово «умеренность» приобрело в России негативный политический оттенок. Помните, Чацкий спрашивает Молчалина о том, какие у него есть таланты. И Молчалин

отвечает: «Два-с. Умеренность и аккуратность». В России почти всегда на одном полюсе – скучный, серый приспособленец Молчалин, наделенный низким талантом умеренности. А на другом – блестящий нонконформист Чацкий. Его судьба наградила другими талантами. Кстати, какими?

Талантом приезжать из-за границы в Россию и обличать скверность жизни в том самом Отечестве, чей дым так «сладок и приятен»? Что ж, это тоже талант. Обществу нужно, чтобы кто-то смело обнажал язвы, бичевал пороки, говорил «нет» бюрократическому произволу. И этот кто-то по определению не может быть наделен талантом умеренности.

Но почему в России никогда не была в цене другая умеренность, умеренность настойчивая и нонконформистская, чего бы она ни касалась – культуры, политики, социальной жизни? Такой умеренный человек не будет бичевать пороки. Он будет пытаться их каким-то способом исправлять. Он постарается хотя бы не усугублять ситуацию. Он вдумается: а может быть, если эти пороки начать бичевать слишком страстно, то станет еще хуже? Он начнет изучать природу этих пороков. Изучив же, будет терпеливо работать, понимая, что крепость этих пороков нельзя сокрушить с помощью кавалерийской атаки. Что тут понадобятся и тяжелые орудия, и подкопы, и долгая осада. Иначе такую крепость не возьмешь.

И, наконец, такой умеренный человек определенным образом отнесется к порокам. Не принимая пороки, сражаясь с ними, умеренный добродетельный человек будет понимать, что полностью пороки не искоренишь. Что речь идет о натуре человеческой, о законах, согласно которым кое-что надо искоренять столетиями, а кое-что вообще не искоренишь. Искореняя же, лишь загонишь вглубь, придав искореняемому совсем уж страшные формы. А значит, такой умеренный человек будет что-то корректировать, что-то перенаправлять, чему-то ставить умеренные препоны, что-то пытаться категорически пресекать, понимая, что результатом станет лишь относительное улучшение ситуации, а не ее радикальное исправление.

Так почему все-таки у нас в России подобная умеренность никогда не была в цене? Я, впрочем, и не хочу здесь искать такие ответы. Я только хочу сказать: согласитесь, проблема есть.

И сразу же оговорю, что, конечно же, не вся наша великая культура, не вся наша замечательная литература проникнуты презрением к умеренности. Одним из таких исключений, конечно же, является Антон Павлович Чехов, который сумел воспеть героическую умеренность. Да-да, героическую. Чехов сумел обнаружить эту умеренность рядом с умеренностью другой, молчалинской. Такая героическая умеренность присуща многим героям Чехова, в которых отсутствует радикальная риторическая блистательность Чацкого.

Так может быть Чехов воспевал молчалиных своего времени? Ниоим образом. Именно его героиня в рассказе «Дама с собачкой» говорит о муже: «Я не знаю, что он делает там, как служит, я знаю только, что он лакей». Антитезой такому высокостатусному лакею Молчалину

для Чехова является не воинствующий обличитель Чацкий, а скромный человек дела. Соединяющий твердость принципов с отвращением к любому позерству. Таков знаменитый Дымов из рассказа Чехова «Попрыгунья».

Мне кажется, что в таком моем утверждении нет избыточного преувеличения: Дымов по-настоящему героичен. И не только потому, что добросовестно и талантливо трудится всю свою жизнь, трудится на благо людей, но и потому, что в решающую минуту он может проявить жертвенность. Опять-таки неброскую, лишенную позы. Он просто умрет для того, чтобы спасти больного, и все. Он-то ведь не лакей, правда? Но он человек умеренный.

А что вообще такое умеренность? Вдумайтесь: в корне слова – «мера». А ведь право и есть мера (норма) свободы. По известному изречению древних: «Ничего сверх меры». Этой мерой, умеренностью связаны прежде всего власть, но и рядовые граждане тоже. Умеренный человек – это человек, чувствующий меру. Можно ли считать такого человека недостойным быть образцом для других? Но тогда нужно считать образцом человека, у которого нет чувства меры. А почему это так хорошо, когда нет чувства меры?

Ну ладно, если речь идет о страстях, обуревающих душу великого художника. Тут антитезой меры является безмерность. А в других случаях? В них ведь антитезой меры является просто оголтелость. Ее, что ли, надо ставить в пример?

Политические молчалины нашего времени, как и в прежние годы, присягают фамусовым. Фамусовы, проявляя чванливость и бездарность, провоцируют в обществе протест. Протест оседлывают чацкие. Умеренность оказывается скомпрометированной, поскольку все видят, что она присягает фамусовщине. Все видят это и только это. Все видят молчалиных и не хотят видеть дымовых. Да и сами дымовы – хороши! Они-то что, не понимают, чем может обернуться такая коллизия?

Чацкие сметут фамусовых, а потом... Потом либо сами они окажутся сметенными по известному принципу «революция пожирает своих детей», либо... Либо они обзаведутся гильотиной или маузерами и начнут действовать. Рано или поздно общество в ужасе от них отвернется. Самые же разумные из них, поняв, что пора наводить порядок, казнят своих же бывших собратьев и позовут дымовых. Чтобы лечить, учить, да и воевать тоже. Война – это ведь тяжелый ратный труд. Ей дымовы нужны, а не чацкие.

Какое отношение имеет все это к нашей Конституции? Самое прямое. Конституция – это высший по своей юридической силе закон, это высшая квинтэссенция права как меры свободы, выраженной в равенстве всех перед законом и судом. И к кому бы мы ни обратились – к Канту с его категорическим императивом, к Гегелю с правовой заповедью «будь лицом и уважай других как лиц» или к Монтескье с его «Духом законов», – мы убедимся, что этот самый дух (правовых законов вообще, Конституции как Основного закона в том числе) является духом умеренности, меры. Не может быть оголтелого закона. То есть, конечно, и так может быть, но это уже не правовой закон. Это произвол, кое-как –

криво-косо – натянувший на себя лживую маску законности.

Любое подлинное право взыскует умеренности. Не той, которая присуща молчалиным, не лакейской, а другой, прямо противоположной. Но при этом – умеренности. То есть меры. «Семь раз отмерь, один раз отрежь».

Судья блюдет меру. Он призван к этому. В этом его долг. В этом дух, а не буква его профессии. И кто бы ни хотел нарушить меру, судья должен этому противодействовать. И потому судья говорит всем, кто к нему обращается: «Вот здесь вы только подошли к черте, и я вас предостерегаю. А здесь вы уже переступили черту. И я это фиксирую, чтобы остановить вас. Чтобы другим неповадно было».

В 1993 году возникла именно эта коллизия. Президенту Б.Н. Ельцину казалось, что закон можно принести в жертву революционной страсти, в жертву утопии светлого и скорого капиталистического будущего. Ельцин не понимал, что дух закона и дух капитализма в сущности совпадают. В итоге Ельцин «наломал дров». Светлое капиталистическое будущее оказалось так и не построено. Страна была брошена в пучину криминальных разборок, межнациональных конфликтов, в пучину деструкции, праворазрушительства, в какой-то момент оказалась буквально на грани небытия. Из-за чего? Из-за необузданности, революционной порывистости, оголтелости и позерства Чацких...

Я вспоминаю об этом потому, что судьба Отечества опять очевидным образом стоит на кону. Воспротивившись тогда произволу Ельцина, Конституционный Суд воспротивился именно неумеренности, то есть необузданности его конкретных шагов и его стратегических упований. Суд понимал, что шансов на полноценный политический отпор этой необузданности очень мало. К сожалению, тогда не удалось использовать даже те шансы, которые были. Но, увы, общество в тот момент очень влеклось душой к чацким своего времени.

Сделать тогда можно было только одно: сказать «нет» всему, что касается пренебрежения мерой. Воззвать к чувству меры. А значит, и к духу закона тоже. Исполнить в этом смысле и свой буквальный профессиональный долг, и долг другой, высший. Тот, который призывает всегда и во всем служить мере, то есть не фамусовым и молчалиным, даже если они представляют собой элитное большинство, и не чацким, а дымовым. Потому что именно они составляют соль земли русской.

Но бывает момент, когда дымовы не имеют права отгораживаться своим умеренным героизмом от общественных страстей, момент, когда они должны заявить «нет» всему, что может погубить Россию. Когда они должны объединиться и сказать твердое «нет» чванству фамусовых, холуйству молчалиных, оголтелости чацких.

В России, увы, уже не раз в такой момент дымовы отказывались творить историю и перелагали этот груз на других. А потом другие, «наломав дров», обращались к дымовым за подмогой. Таков ли удел наших дымовых в XXI столетии? Если он таков, то судьба России печальна. Но мне хочется верить, что дымовы не отвернутся от политики, не скажут в очередной раз «чур меня!», а научатся тому,

чему у нас, к сожалению, учатся с таким трудом. Соединению чувства меры и политической воли, соединению чувства меры и исторической ответственности.

Конституция как текст – это скрижали, на которых дух меры и закона начертал свои письмена. В связи с этим не побоюсь заявить, что российская Конституция 1993 года – одно из главных достижений постсоветской эпохи, поскольку она не только заявила, но и воспроизводит этот дух. На основе этой Конституции Россия сумела пройти сложнейшие годы крайне масштабных, воистину революционных трансформаций. Сумела пройти – и не ввергнуться в хаос нескончаемых конфликтов регионов, властей, идеологий. Пройти – и не обрушить общество и не потерять государственность.

Но сегодня я вновь вижу, что печальный опыт политической борьбы, предшествовавшей принятию нашей Конституции, как никогда актуален. Поэтому хочу вновь напомнить историю вопроса.

После распада Советского Союза Россия должна была уже в начале 1992 года принять новую Конституцию. Губительное промедление с введением новой Конституции России было связано с политической борьбой. Борьбой сил, кланов, групп. Борьбой, лишенной фундаментального и незаменимого ограничителя – острого понимания ценности государственности как таковой всеми борющимися группами. В каждом лагере были свои чацкие и именно они определяли дух и стиль политической борьбы.

И именно политическая оголтелость таких чацких, считавших, что правовая недостаточность старой советской Конституции в постсоветских условиях дает им политические шансы, и тормозила принятие нового Основного закона.

Конституционная неполнота государственной жизни на наших глазах превращалась в губительную, невыносимую пустоту. В эту пустоту, созданную близорукостью, корыстью, оголтелостью разного рода «политических чацких» и злой волей сознательных деструкторов, начали входить политический радикализм, экстремизм, анархизм, фашизм. Начался губительный конфликт между ветвями власти. В конфликт стали встраиваться разного рода силы, именовавшие себя «третьими» и несовместимые с существованием целостного Российского государства. Пролилась кровь. Страна оказалась на грани гражданской войны.

Тогда этой войны удалось избежать за счет невероятных усилий объединившихся дымовых. Но то, что могло ранее быть получено совсем иначе, оказалось оплачено ценой кровавых издержек и множества опаснейших для страны негативных последствий, которые мы ощущаем до сих пор. В том числе – и это я считаю одним из самых тяжелых и болезненных для России негативов – ценой глубокого провала в сфере правосознания и соблюдения права как у элит, так и у широких масс.

Сегодня я вижу этот провал в поведении многих окол властных и оппозиционных фамусовых, готовых защищать свое положение в обществе далеко не только правовыми средствами. И я вижу этот провал в поведении многих окол властных и оппозиционных чацких, которые –

кто-то из нерасчетливой оголтелости, а кто-то из вполне расчетливой провокационности – занимаются переводом оппозиционного протеста в бурлящую далеко за пределами правового поля митинговую стихию. А ведь за ней – это родовое свойство митинговой стихии в России, до сих пор не взявшей правовой барьер, – почти неизбежно следуют кровавые эксцессы...

Сегодня у нас, в отличие от 1993 года, есть «скрижали» полноценной и работоспособной Конституции. И есть основанное на этой Конституции, охватывающее все сферы жизни законодательство. Оно далеко от совершенства, но оно есть.

Однако повторю: для не взявшей правовой барьер России, в условиях самодурства фамусовых и нарастания оголтелости чацких, Конституции и законов мало. Нужна сила, всегда способная предотвратить перерастание митинговой стихии в эксцессы, чреватые новой угрозой самому существованию нашей государственности. Сила, способная вернуть ситуацию в правовое русло. Выходящей из берегов оголтелости необходимо противопоставить умную и одновременно волевою и активную умеренность. Может быть, главное искусство политики заключается именно в том, чтобы правильно сочетать мысль и волю, активность и умеренность.

Это сегодня, как и всегда в России, задача дымовых. Именно они должны, не теряя свою героическую умеренность, проявить ум и активную волю. И, объединившись, предотвратить очередную угрозу сползания страны к национальной катастрофе.

5. Мы видим, что современный мир очень хрупок. И что если столь хрупкий мир окажется взорванным, то хаос, о котором теоретики говорят давно под разными углами зрения, окажется не теоретической абстракцией, а грубой реальностью. Реальностью, вполне способной пожрать все, что нам кажется ценным и несомненным, то есть неизымаемым из того мира, в котором мы живем.

И в самом деле, из того мира, в котором мы живем, не могут быть изъяты ни права человека, ни нормы гуманности, ни толерантность, понимаемая как разумная терпимость и готовность к диалогу, ни рациональность – это неотменяемое, казалось бы, завоевание последних столетий. Ни, наконец, та правовая культура, совершенствованию которой мы посвятили свою жизнь и которую мы считаем важнейшим каркасом – вокруг него выстраивается вся устойчивая конструкция современного мира.

Беда в том, что просто мы можем однажды проснуться и понять, что того мира, в котором мы жили, больше нет. А есть совершенно другой мир, отрицающий все то, что я перечислил выше. Мир, в котором стабильность и порядок отменены. Мир, в котором народы и государства выживают в волнах всеобъемлющего хаоса. О таком мире русский поэт Александр Блок написал пророческие строки:

«Не стерег огнекрылый дракон,
Не пылала под нами геенна,
Поглотили нас волны времен,
И была наша участь мгновенна».

Разве не было подобных прецедентов, которые могут повториться? Разве не просыпались когда-то люди и, глядя в окно, вдруг обнаруживали, что мира, в котором они привыкли жить, больше не существует?

Я не хочу сказать, что современный мир взорван окончательно. Что нам явлена неизбежность некоего глобального хаоса. Но нам явлена возможность такого хаоса, как реальности. Несколько таких вызовов и несколько «симметричных» ответов на эти вызовы – и Европа превратится в царство хаоса, раздираемого националистическими и конфессиональными страстями. А вслед за Европой хаос распространится на остальные регионы планеты.

Осознание остроты переживаемого миром исторического момента – только оно, а не стремление урвать что-либо от геополитического пирога, – породило решительность и деликатность России во всем, что касается решения сирийского, украинского и иных вопросов.

События последних лет очень наглядно показали нам, что Европа, которой российский образованный класс столько веков восхищался, с которой чувствовал внутреннее родство и частью которой хотел стать, вовсе не готова признавать Россию в качестве даже дальней родственницы. В нынешней реальности фактически Западом против России развязана беспрецедентная гибридная (или, точнее, системная) война: на поле боя, в военно-промышленном комплексе, экономике, политике, культуре, спорте, науке, образовании, СМИ и киберсреде. Причем эта война явно приобретает все более откровенный нацистский, русофобский характер.

Реакция коллективного Запада на более чем обоснованные действия России, направленные на обеспечение своей безопасности, наконец-то со всей ясностью высветила тот факт, что России в современном мире не на что рассчитывать, кроме как на стойкость российского солдата, подкрепленную ядерным потенциалом страны, и способность народа в трудную минуту находить в своих рядах и призывать к служению подлинную элиту.

В последние десятилетия мы стали забывать изначальный смысл слова «элита» (то есть лучшие). Хочу напомнить, что долг представителя элиты по своему предназначению – служить Отечеству не по внешней обязанности и принуждению, а по совести и чести. Сейчас не только политическая элита, но и духовно-интеллектуальная элита России, а также бизнес-элита проходит проверку на способность служения стране в исключительно трудный для нее период. Очень надеюсь, что все мы пройдем это испытание с честью.

Россия верит в такое будущее для человечества, в котором великое западное гуманистическое начало будет освобождено от нигилизма и противопоставлено нигилизму. Вера в такую возможность руководила действиями всех российских реформаторов, не поддававшихся соблазнам слепого копирования западных образцов. Эта вера жива и продолжает вдохновлять тех, кто видит долг России и ее миссию в том, чтобы освободить принципы свободы и права от диктата принципа власти ради власти, который зловецкой тенью нависает над

человечеством.

Пока есть Россия – эта тень не станет новым четвертым рейхом.

Пока есть Россия – жива надежда на подлинную гармонию права и свободы, которая и есть симфония в нынешнем российском ее понимании.

Республика Таджикистан

РОЛЬ КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА В ОБЕСПЕЧЕНИИ СТАБИЛЬНОСТИ КОНСТИТУЦИОННОГО СТРОЯ РЕСПУБЛИКИ ТАДЖИКИСТАН

Д.Н. Джамшедзода
судья Конституционного суда
Республики Таджикистан

Принятая 6 ноября 1994 года на всенародном референдуме Конституция независимого Таджикистана официально представила нашу страну мировому сообществу как суверенное, демократическое, правовое, светское и социальное государство.

Конституция, определив фундамент конституционного строя и важнейшие основы демократического общества нашей страны, заложила реальную правовую основу для укрепления государственной власти и стабильного строительства новой государственности, обеспечила нормальную политическую ситуацию, безопасность общества, защиту национальных интересов, укрепление законности и правопорядка, защиту прав и свобод граждан¹.

Объявив равенство всех перед законом, Конституция тем самым возложила на государство обеспечение прав и свобод каждому, независимо от национальности, расы, пола, языка, религиозного вероисповедания, политической позиции, социального положения, образования и имущества.

Учитывая это, можно сказать, что принятие Конституции относится к числу великих достижений народа Таджикистана и является правовым фундаментом нового независимого государства таджиков.

Особенностью Конституции Республики Таджикистан является то, что она была принята в годы начавшегося межтаджикского конфликта и стала в последующем фактором стабильности в обществе. Она стала единственно возможным вполне легитимным стабилизирующим фактором жизни общества. Конституция Республики Таджикистан выполнила поистине историческую миссию – обеспечила стабильность общества, в рамках которой и стали возможны реальные перемены².

В будущем, в условиях продолжающихся социально-экономических и политических реформ, роль Конституции возрастёт. Она определила правовые формы и границы предполагаемых перемен,

¹ Махмудзода М. Конституционный суд Республики Таджикистан и его роль в обеспечении верховенства Конституции // Правовая политика и демократическое государство (сборник статей и докладов (на тадж. языке)). – Душанбе: ЭР-граф, 2017. – С. 435.

² См.: Артиков З.М., Эгамбердиев У. Значение XVI сессии Верховного Совета Республики Таджикистан в становлении демократического государства // Правоведение. – Душанбе, 2011. – С. 28-33.

чтобы переход в новое общество протекал в конституционно-правовом русле³.

Двадцативосьмилетняя конституционная практика показала, что потенциал нашей Конституции неисчерпаем. Между тем последующая конституционная практика стала формироваться так, что сделало возможным достижение следующих целей: совпадение буквы и духа Конституции, непосредственное её действие, обеспечение единообразного понимания и применения конституционных положений.

Этими же целями были продиктованы имевшие место изменения и дополнения в Конституцию Республики Таджикистан (в 1999, 2003 и 2016 годы). Они были необходимы, чтобы скорректировать выбранный путь развития. Такова практика мирового конституционализма, ибо апробация конституционных положений происходит в условиях переходного времени, осуществляемых ныне реформ различных сфер общественной жизни. Помимо этого, практическая реализация Конституции Республики Таджикистан осуществляется в условиях трансформации глобального миропорядка, новых форм интеграции государств, транснационального права, с одной стороны, угроз международного терроризма, религиозного экстремизма, с другой. Становление фактической Конституции происходит у нас в условиях обострения межцивилизационных конфликтов, что может повлиять на конституционный прогноз, поскольку наша страна ныне находится на этапе синтеза традиционного и современного. Всё зависит от стабильности Конституции, трезвого конституционного прогнозирования.

Безусловно, особую роль в защите конституционных ценностей, в том числе в защите прав и свобод человека и гражданина, играет Конституционный суд как орган, осуществляющий конституционное правосудие.

История создания Конституционного суда Республики Таджикистан как органа конституционного контроля тесно связана с созданием новейшей государственности. Сама идея конституционного контроля в Республике Таджикистан возникла в 1990 году с созданием специализированного органа, который назывался Комитетом конституционного надзора. Данный Комитет осуществлял надзор в сфере соблюдения и реализации норм конституции и впоследствии сыграл важную роль в создании Конституционного суда Республики Таджикистан.

С принятием Конституции в 1994 году в Таджикистане с учетом мировой практики был создан Конституционный суд как специализированный орган судебного конституционного контроля.

Конечно, лишь при существовании развитой системы конституционного контроля в любом демократическом государстве можно надеяться на достижение обеспечения точного и неукоснительного претворения в жизнь норм Конституции, выступающей гарантом защиты конституционных прав и свобод человека и гражданина, и других ценностей.

³ О роли Конституции в будущем и возможностях конституционного прогнозирования – см.: Пряхина Т.М. Проблемы конституционного прогнозирования // Закон и право. – 2004. – № 8. – С. 17-19.

Независимо от того, что конституционное правосудие является принципиально новым для Таджикистана конституционно-правовым институтом, в последнее время значительно возросла его роль в обществе посредством принятия решений, исполнение которых, прежде всего, способствует обеспечению и непосредственного действия Конституции, стабильности конституционного строя страны, а также защиты прав и свобод человека и гражданина и других конституционных ценностей.

Следует отметить, что конституционно-правовое развитие демократического Таджикистана предопределило возрастание роли Конституционного суда в защите Конституции и ее ценностей, что, в свою очередь, также является одной из важнейших функций государства.

В связи с этим Лидер нации – Президент Республики Таджикистан, уважаемый Эмомали Рахмон, отмечая роль и значимость Конституционного суда в развитии демократии, в своем выступлении на международной конференции отметил, что в Республике Таджикистан для дальнейшей демократизации политической и социальной жизни, обеспечения законности и социальной справедливости придается постоянное внимание и особое значение вопросу укрепления и повышения роли судебной власти, в том числе Конституционного суда, в системе государственной власти⁴.

Сегодня наиболее значимой задачей органа конституционного контроля в Республике Таджикистан является обеспечение таких ценностей, как верховенство Конституции, а также защита конституционных прав и свобод человека и гражданина и непосредственное действие гарантий судебной защиты этих прав.

Конституционный суд Таджикистана за короткий период деятельности показал, что при осуществлении своей деятельности он в состоянии эффективно защищать Конституцию и ее ценности и этим устранять противоречия нормативных правовых актов Конституции, что само по себе является существенным достижением для стабильного функционирования государственного аппарата.

Являясь истинно юрисдикционным органом, Конституционный суд выносит окончательные и не подлежащие оспариванию решения.

Полномочия, предоставленные органам конституционного надзора, превращают их в мощную стабилизирующую силу, способную защищать права и свободы граждан, оберегать общество от разрушительных социальных конфликтов.

Одним из важнейших государственных органов, стоящих на защите основ конституционного строя, выступает Конституционный суд Республики Таджикистан. В последние годы ряд решений Конституционного суда направлен на защиту основ конституционного строя Республики Таджикистан. Обеспечение стабильности конституционного строя невозможно без единообразного понимания

⁴ См.: 25 лет на защите Конституции и конституционной законности / Под ред. Председателя Конституционного суда Республики Таджикистан А. Ашурзода. – Душанбе, 2022. – С. 116-117.

всеми участниками правоотношений конституционных принципов, лежащих в основе данного конституционного строя. Стабильность – это важнейший показатель любой действующей системы, который характеризует ее состояние в плане постоянства, сохранения свойств и параметров в любых обстоятельствах⁵. При этом очевидно, что названная унификация достигается лишь посредством выделения единых содержательных стандартов, установленных Конституционным судом в ходе процедуры специализированного конституционного толкования. Угроза стабильности конституционного строя может заключаться и в противоречивом или недостаточном (пробельном) правовом регулировании конкретных отношений.

В этих условиях в качестве корректного средства разрешения возникшей проблемы, наряду с ординарным законотворчеством, можно рассматривать и осуществляемое Верховным Судом Республики Таджикистан издание актов, обобщающих разнородную судебную практику. Второй аспект подобного соотношения может возникать при корректировке действующего национального законодательства. Подобная необходимость оценки конституционности результатов судебного толкования позволяет говорить о существовании специфической системы судебного толкования, которая, в свою очередь, способствует обеспечению унификации правоприменительного процесса, а также обеспечению принципа верховенства права как основного фактора стабильности конституционного строя. Установление подобного рода иерархии результатов судебного толкования ставит вопрос не только о ее условной «вершине», но и об обеспечении стабильности всей системы, а также стабильности и окончательности актов толкования, представляющих собой названную вершину системы.

Очевидно, что в рамках национального правопорядка в качестве приоритетного следует рассматривать именно толкование, осуществляемое Конституционным судом. В то же время реальное обеспечение соответствия всех нижестоящих форм судебного толкования конституционным предписаниям, а также соответствия Конституции толкования, осуществляемого самим Конституционным судом, достигается посредством использования специфической методики осуществления Конституционным судом судебного толкования.

Конституционный суд, осуществляя нормоконтроль, не только вносит коррективы в действующие законы, а также иные нормативно-правовые акты, но и указывает законодателю на необходимость принятия нового закона, применения закона с учетом правового смысла и ценностей Конституции.

Проверка конституционности законов – дело сложное, тонкое и особо ответственное, требующее высокой квалификации, и не случайно, что Конституция отнесла эту функцию к компетенции специализированного органа, действующего строго коллегиально.

На основе судебно-правовой реформы в Таджикистане с целью

⁵ См.: Комкова Г.Н. Правовые позиции Конституционного суда Российской Федерации в сфере обеспечения экономической стабильности Российского государства // Актуальные проблемы конституционного права России и зарубежных государств. – 2014. – № 6 (43) июнь 2014. – С. 1061.

совершенствования деятельности Конституционного суда в области обеспечения верховенства Конституции и защиты конституционных ценностей, Конституционный закон Республики Таджикистан «О Конституционном суде Республики Таджикистан» 26 июля 2014 года был принят в новой редакции, а также в 2015, 2017 и в текущем году в него были внесены соответствующие изменения и дополнения, обогатившие его нормы с учетом новых реалий.

На основе вышеизложенного можно отметить, что современная нормативная основа организации деятельности органа конституционного контроля нашей страны сегодня способна обеспечить решение задач, стоящих перед ней, в частности, защиту конституционных прав и свобод человека и гражданина, укрепление демократических начал и правовых основ государства и других конституционных ценностей.

Республика Узбекистан

ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ ИНСТИТУТА КОНСТИТУЦИОННОЙ ЖАЛОБЫ В СТРАНАХ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

*(Вступительное слово на международной
конференции, г. Самарканд, 25-26 мая 2023 г.)*

*Уважаемые участники международной
конференции!
Дамы и господа!*

Сердечно приветствую вас на международной конференции на тему «Тенденция развития моделей института конституционной жалобы в странах Центральной Азии». Позвольте выразить благодарность нашим гостям, национальным экспертам и другим участникам сегодняшней конференции!

Древний и всегда современный город Самарканд славится как город-легенда в разных странах планеты своим неповторимым восточным обликом, поражающим каждого богатой историей и уникальными памятниками!

М. Абдусаломов
Председатель
Конституционного Суда
Республики Узбекистан

Добро пожаловать в Самарканд – ровесник Рима, известный как «вечный город»!

Международную конференцию, собравшую представителей конституционных судов стран Центральной Азии и органов конституционного контроля европейских стран, а также специалистов, экспертов и ученых, имеющих особое положение и влияние в области международного права, объявляю открытой!

Основной целью международной конференции является предоставление полной и объективной информации международному сообществу о проводимых в Узбекистане широкомасштабных демократических реформах, в том числе конституционных реформах, изучение международного опыта развития института конституционной жалобы, впервые закрепленного на конституционном уровне с целью имплементации в законодательство нашей страны передового опыта конституционных судов зарубежных стран, а также укрепление сотрудничества с Венецианской комиссией и органами конституционного контроля входящих в нее государств.

Как вам известно, новая редакция Конституции Узбекистана была принята на основе конституционных реформ на референдуме, состоявшемся 30 апреля текущего года.

Миллионы наших соотечественников приняли активное участие во всенародном обсуждении проекта нашей Конституции, состоявшемся до ее принятия. Есть все основания для утверждения, что настоящим автором нашей обновленной Конституции стал народ.

Обновленная Конституция содержит ряд новых норм, новых идей, последовательных изменений. В её первой статье твердо определено, что Республика Узбекистан является суверенным, демократическим, правовым, социальным и светским государством.

В целом в новой редакции Конституции количество статей увеличилось со 128 до 155, а норм – с 275 до 434, Конституция обновлена на 65%.

Обновленная Конституция безоговорочно признает верховенство Конституции и законов Республики Узбекистан в Республике Узбекистан. Конституция Республики Узбекистан имеет высшую юридическую силу на всей территории страны, имеет прямое действие и составляет основу единого правового пространства.

Введение института конституционного обжалования в качестве новой нормы в статью 133 Конституции, определяющую полномочия Конституционного суда Республики Узбекистан, обусловило приобретение этим институтом конституционного статуса.

Суть этого института заключается в том, что гражданам и юридическим лицам предоставлено право обращения в Конституционный суд с жалобой на нарушение их конституционных прав. При этом граждане и юридические лица вправе обращаться в Конституционный суд с жалобой о проверке конституционности закона, если закон, по их мнению, нарушает их конституционные права и свободы, не соответствует Конституции Республики Узбекистан и применен в конкретном деле, рассмотрение которого в суде завершено, и все другие средства судебной защиты исчерпаны.

Уникальность института конституционной жалобы, установленного в законодательстве Конституционного суда Узбекистана, заключается в том, что гражданин или юридическое лицо вправе обратиться в Конституционный суд Республики Узбекистан с жалобой о проверке конституционности закона, примененного в конкретном деле.

Мы ищем пути дальнейшего расширения сферы применения института конституционной жалобы и его совершенствования. При этом основной целью является дальнейшее усиление защиты прав человека через суд, расширение возможности обращения в суд. Нами планируется внесение изменений в Конституционный закон «О Конституционном суде Республики Узбекистан» с тем, чтобы еще больше повысить статус Конституционного суда и вывести его на новый уровень. Обсуждается вопрос о включении в число субъектов, имеющих право внесения вопросов в Конституционный суд, Центральной федерации профсоюзов (трудовое право), Палаты адвокатов, Торгово-промышленной палаты (юридические лица, предпринимательское право), которые являются крупными общественными организациями.

Также планируется предоставление Законом права обращения судьям судов общей юрисдикции по вопросам, находящимся в их производстве.

ИНФОРМАЦИЯ О МЕРОПРИЯТИЯХ ОРГАНОВ КОНСТИТУЦИОННОГО КОНТРОЛЯ

30-летие Конституции Кыргызской Республики

Инициатива Конституционного суда Кыргызской Республики о праздновании на национальном уровне 30-летия принятия Конституции поддержана Главой государства С.Н. Жапаровым и издан Указ Президента Кыргызской Республики «О подготовке к празднованию 30-летия принятия Конституции Кыргызской Республики» от 8 февраля 2023 года № 21.

В нем говорится, что 5 мая 2023 года исполняется 30 лет со дня принятия первой Конституции независимой Кыргызской Республики, которая закрепила правовые основы современной кыргызской государственности. Высшими ценностями государства были провозглашены человек, его жизнь, права и свободы. В этом документе получили свое закрепление принципы суверенитета, народовластия, территориальной целостности страны, верховенства права и демократии. Были определены правовые, политические и социально-экономические предпосылки формирования новой кыргызской государственности.

Содержание конституции любого государства совершенствуется и обновляется в соответствии с требованиями времени, и это закономерно. Поэтому в Основной закон впоследствии в ходе конституционных реформ неоднократно включались дополнительные правовые механизмы и нормы, отражающие новые реалии.

В настоящее время Конституция является основой единства народа, независимости и государственной целостности нашей страны, общественного развития, становления демократических, политических, правовых, экономических и идеологических устоев современного Кыргызстана. Созидательный потенциал Конституции не исчерпан и будет раскрываться по мере появления необходимых социально-экономических, политических и иных предпосылок. Сегодня основными задачами, стоящими перед нашей страной, являются последовательное укрепление общепризнанных демократических принципов, усиление гарантий прав и свобод человека и гражданина.

Каждый гражданин Кыргызской Республики должен хорошо знать дух и значение Конституции страны. Только уважая и соблюдая Конституцию и осознавая ее значение, каждый будет уважать свою страну, свою Родину, ценности народов Кыргызстана и может достичь развития страны, общественного согласия, мира и спокойствия.

В рамках мероприятий, посвященных 30-летию Конституции страны, Конституционный суд Кыргызской Республики совместно с Венецианской комиссией Совета Европы организует международную научно-практическую конференцию на тему: «Конституция как основа в построении правового, демократического государства», с 20 по 23 июня 2023 года на побережье озера Иссык-Куль.

Цикл лекций судей Конституционного Суда Республики Казахстан для обучающихся и преподавателей юридических факультетов вузов

Судьи Конституционного Суда Республики Казахстан, воссозданного в январе 2023 года, провели серию встреч со студентами, магистрантами, докторантами и преподавателями вузов Казахстана и цикл лекций для них о конституционном контроле.

Первая встреча и лекция для гостей из Высшей школы права Университета КАЗГЮУ имени М.С. Нарикбаева состоялась в Астане в здании Конституционного Суда 31 марта 2023 года. Это было первое такое мероприятие в стенах Конституционного Суда с вузами, ведущими подготовку юристов. Встречу открыла Председатель Конституционного Суда Республики Казахстан Э.А. Азимова, рассказавшая о начале работы нового органа конституционного контроля с расширенными полномочиями. С лекцией «О Конституционном Суде Республики Казахстан» перед собравшимися выступил судья Конституционного Суда С.Ф. Ударцев. Об интересе аудитории к истории и работе нового органа конституционного контроля свидетельствует то, что после часовой лекции еще более двух часов студенты, магистранты и докторанты задавали вопросы, на которые отвечали Председатель Конституционного Суда Республики Казахстан Э.А. Азимова, заместитель Председателя Конституционного Суда Б.М. Нурмуханов и судья С.Ф. Ударцев.

7 апреля прошла встреча судей Конституционного Суда со студентами, магистрантами, докторантами и преподавателями юридического факультета Евразийского национального университета имени Л.Н. Гумилева, которую также открыла Председатель Конституционного Суда Республики Казахстан Э.А. Азимова. Лекцию на тему «О деятельности Конституционного Суда Республики Казахстан» прочитал судья Конституционного Суда Е.А. Онгарбаев. Председатель Конституционного Суда Республики Казахстан Э.А. Азимова,

заместитель Председателя Конституционного Суда Б.М. Нурмуханов и судья Е.О. Онгарбаев ответили на многочисленные вопросы слушателей.

В заключение каждой из встреч работники Аппарата, разделив слушателей на три группы, провели экскурсии по новому зданию Конституционного Суда.

26 и 27 мая 2023 года в Алматы прошли встречи судей Конституционного Суда с обучающимися и профессорско-преподавательским составом трех вузов: Каспийского университета, Казахского национального университета имени аль-Фараби и Университета НАРХОЗ. На встречах в каждом из этих университетов с содержательной вступительной речью выступила Председатель Конституционного Суда Э.А. Азимова. С гостевыми лекциями на каждой из трех встреч выступили: заместитель Председателя Б.М. Нурмуханов (Презентация деятельности Конституционного Суда Республики Казахстан) и судья Р.А. Подопригора (Зарубежный опыт деятельности Конституционных Судов).

Встречи с судьями Конституционного Суда Республики Казахстан, лекции судей, вопросы им, их ответы, а в Астане и экскурсии по новому зданию Конституционного Суда надолго запомнятся будущим юристам и укрепят их представления о правозащитных механизмах в стране.

XI Петербургский международный юридический форум и Международная конференция Конституционного Суда Российской Федерации

11 мая 2023 года состоялась Международная конференция Конституционного Суда Российской Федерации «Конституция и конституционный контроль: развиваем доктрину и совершенствуем практику», организованная в рамках XI Санкт-Петербургского юридического форума, посвященная 30-летию юбилею Конституции Российской Федерации.

В конференции принимали участие более 50 гостей из 16 стран мира, в первую очередь, представители органов конституционного контроля. Мероприятие открыл Председатель Конституционного Суда Российской Федерации В.Д. Зорькин.

Российский опыт развития конституционного текста и реализации его положений в правоприменительной практике был освещен в выступлениях Министра юстиции Российской Федерации К.А. Чуйченко, Полномочного представителя Президента Российской Федерации в Конституционном Суде Российской Федерации А.В. Коновалова, Первого заместителя Председателя Верховного суда Российской Федерации П.П. Серкова, Председателя Следственного комитета Российской Федерации А.И. Бастрыкина, Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации Т.Н. Москальковой и директора Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации Т.Я. Хабриевой.

Зарубежному опыту развития конституционного текста и практики конституционного контроля были посвящены выступления Первого заместителя Спикера Законодательной палаты Олий Мажлиса Республики Узбекистан А.Х. Саидова, Председателя Конституционного Суда Республики Беларусь П.П. Миклашевича, Председателя Конституционного трибунала Республики Союз Мьянма Та Ти, Председателя Совета по конституционным вопросам Федеративной демократической Республики Эфиопия Т. Мехерета, судей Верховного Суда Республики Индия А. Растоги и С. Кханни, Председателя Конституционного Суда Центральноафриканской Республики Ж.П. Вабое, Председателя Суда Евразийского экономического союза Э.В. Айриян, Судьи Конституционного Суда Турецкой Республики Р. Акъела, судьи Конституционного Суда Республики Таджикистан Ф.Д. Кувватзоды.

12 мая Председатель Конституционного Суда Российской Федерации В.Д. Зорькин выступил с лекцией «Путь права в России. Реформатор – элита – народ».

В тот же день судьи Конституционного Суда Российской Федерации и его Председатель В.Д. Зорькин приняли участие в сессии «Российское законодательство: прогнозы, проекты, программы (к 100-летию Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации)».

В ходе Форума судьи Конституционного Суда Российской Федерации также посетили пленарное заседание «Суверенитет в праве», участвовали в различных дискуссионных секциях. Так, Заместитель Председателя Конституционного Суда Российской Федерации С.П. Маврин выступил на сессии «Выход из Совета Европы и система защиты прав человека в Российской Федерации: год спустя».

Международная конференция в Республике Узбекистан по проблемам конституционной жалобы

25 – 26 мая 2023 года в Самарканде прошла международная конференция на тему «Тенденции развития моделей института конституционной жалобы в странах Центральной Азии», организованная Конституционным судом Республики Узбекистан совместно с Европейской комиссией за демократию через право Совета Европы (Венецианская комиссия).

Цель международной конференции – предоставление полной и объективной информации международному сообществу об осуществляемых в Узбекистане широкомасштабных демократических реформах, в том числе конституционных, изучение международного опыта развития института конституционной жалобы, впервые закрепленного в Конституции, ознакомление с практикой конституционных судов зарубежных стран, укрепление сотрудничества с органами конституционного контроля Венецианской комиссии и стран-членов Венецианской комиссии.

Мероприятие было посвящено темам, касающимся важных направлений конституционных реформ в Центральной Азии, обеспечения верховенства Конституции в вопросах защиты прав и свобод граждан, функционирования института конституционной жалобы в странах Европы и Центральной Азии.

В конференции приняли участие член Конституционного Совета Франции, заместитель члена Венецианской комиссии от Франции г-н Франсуа Сенерс с докладом «Модель конституционного контроля во Франции», экс-председатель Конституционного Суда и экс-министр юстиции Грузии, эксперт Венецианской комиссии г-н Георгий Папуашвили с докладом «Индивидуальная конституционная жалоба как эффективный механизм защиты основных прав: опыт Грузии», заместитель Председателя Конституционного Суда Боснии и Герцеговины, Член расширенного бюро Венецианской комиссии, Председатель подкомиссии по конституционному правосудию г-н Златко Кнежевич с докладом «Рассмотрение прав граждан на подачу конституционных жалоб в Конституционный Суд Боснии и Герцеговины», директор по международным отношениям Конституционного суда Австрии г-н Ральф Бокл с докладом «Защита конституционных прав и свобод личности Конституционным судом Австрии».

Судья Конституционного Суда Республики Казахстан Еркин Онгарбаев совместно с экспертом Венецианской комиссии Георгием Папуашвили модерировали сессию «Институт конституционной жалобы в странах Центральной Азии: практика и проблемы».

В ходе указанной сессии председатели Конституционных Судов Кыргызской Республики, Республики Таджикистан, Республики Узбекистан рассказали об опыте представляемых ими конституционных судов по рассмотрению конституционных жалоб.

Международная конференция позволила ознакомиться с конституционными реформами, изменениями в области конституционного правосудия, а также поделиться опытом по вопросам

защиты конституционных прав и свобод граждан, функционирования института конституционной жалобы в странах Европы и Центральной Азии.

Выездное заседание Научно-консультативного совета при Конституционном Суде Республики Казахстан в Алматы

При Конституционном Суде Республики Казахстан, начавшем свою работу с 1 января 2023 года, создан Научно-консультативный совет (НКС). Его главная цель – оказание научно-консультативного содействия Конституционному Суду в осуществлении возложенных на него полномочий. Ранее такой совет функционировал при Конституционном Совете Республики Казахстан, еще раньше – при Конституционном Суде Казахстана.

В состав НКС вошли 36 человек из 10 казахстанских вузов и 4 научно-исследовательских учреждений (из них 32 доктора юридических наук), а также несколько известных казахстанских практикующих юристов.

НКС провел два заседания. Первое состоялось 10 марта 2023 года и было посвящено организационным вопросам (включая обсуждение плана работы НКС) и ознакомлению с деятельностью Конституционного Суда. Второе было выездным и проведено

26 мая 2023 года в Каспийском университете (город Алматы). Формат выездного заседания был обоснован тем, что в составе НКС много представителей алматинских вузов. На втором заседании обсуждались вопросы преемственности решений Конституционного Суда Республики Казахстан (1992 – 1995) и Конституционного Совета Республики Казахстан (1995 – 2022) в деятельности Конституционного Суда. В ходе обсуждения была подчеркнута важность учета не только правовых позиций ранее существовавших в Казахстане органов конституционного контроля, но и условий, в которых эти позиции формировались, а также изменений, происходящих в политико-правовой системе.

На заседании также была представлена информация о деятельности Конституционного Суда за пять месяцев и о проекте ежегодного послания Конституционного Суда о состоянии конституционной законности.

Судьи Конституционного Суда и члены НКС также провели встречи со студентами и преподавателями трех алматинских вузов: Каспийского университета, Казахского национального университета имени аль-Фараби, университета «Нархоз». С этими вузами были подписаны меморандумы о сотрудничестве в целях подготовки высококвалифицированных юридических кадров, в том числе для реализации механизмов защиты конституционных прав и свобод человека и гражданина.

4-й Международный симпозиум Ассоциации азиатских конституционных судов и эквивалентных институтов

С 29 мая по 1 июня 2023 года в городе Сеуле состоялся 4-й Международный симпозиум Секретариата по исследованию и развитию Ассоциации азиатских конституционных судов и эквивалентных институтов (ААКС СИР), организованный Конституционным Судом Кореи и ААКС СИР.

Тема мероприятия «Доступ к правосудию: конституционные перспективы».

В симпозиуме приняли участие представители более 20 стран – участников Ассоциации в лице председателей и судей органов конституционной юстиции.

Столь широкое представительство и статус участников симпозиума позволил обсудить различные подходы к обеспечению доступа к конституционному правосудию, используемого различными странами азиатского континента. Участники поделились опытом деятельности органов конституционного контроля своих стран и активно интересовались путями преодоления общих проблем, которые были выявлены в ходе дискуссии, а также дальнейшими перспективами развития.

Были обсуждены вопросы прямого и косвенного доступа, подходы к приемлемости и возможности рассмотрения обращений в конституционном производстве, а также существующие институциональные механизмы фильтрации поступающих конституционных жалоб. Особое внимание было уделено вопросам представительства и возможности получения юридической помощи физическими и юридическими лицами при обращении в органы конституционного контроля.

Формат проведенного симпозиума позволил обменяться опытом и точками зрения на общие проблемы. Выявлены различные страновые подходы, которые, по сути, объединены едиными целями обеспечения

верховенства конституционных актов, защиты и обеспечения прав и свобод человека, и гражданина.

В ходе заседания представители судов-членов организации обсудили вопросы, связанные с текущей деятельностью Ассоциации. Была подчеркнута важность тесного сотрудничества среди азиатских конституционных судов и эквивалентных учреждений, осуществляющих конституционную юрисдикцию для продвижения демократии и верховенства закона в Азии.

Ассоциация была учреждена в 2010 году в качестве автономного, независимого и неполитизированного учреждения. Она функционирует как региональный форум органов конституционной юстиции Азии, основными целями которой являются содействие развитию демократии, верховенства права и основных прав человека в Азии. Казахстан стал ее членом в 2013 году.

Ассоциация имеет постоянно действующие Секретариаты, которые вносят значительный вклад в продвижение ее уставных целей: Секретариат по планированию и координации в Республике Индонезия; Секретариат по исследованиям и разработкам в Республике Корея и Центр обучения и развития кадровых ресурсов в Турецкой Республике.

Постоянный Секретариат ААКС по исследованиям и разработкам работает главным образом в области сравнительного конституционного права, в частности, с упором на роль конституционных судебных органов.

Секретариат ААСС SRD прилагает постоянные усилия для систематического обмена знаниями и опытом в качестве исследовательской организации, занимающейся вопросами конституционного правосудия в Азии.

Международная конференция, посвященная 25-летию Конституционного Суда Азербайджанской Республики

4 июля в Баку состоялась международная конференция на тему «Развитие законодательства посредством применения конституционных норм», посвященная 25-летию Конституционного суда Азербайджанской Республики.

В конференции приняли участие руководители и депутаты Милли Меджлиса Азербайджанской Республики, руководители и сотрудники Министерства юстиции, Верховного суда, Министерства внутренних дел, Генеральной прокуратуры, Коллегии адвокатов, Бакинского государственного университета, Уполномоченный по правам человека (омбудсмен), а также председатели судов и судьи, известные ученые, представители юридической общественности.

Для участия в мероприятии в Баку также прибыли делегации конституционных судов Турции, Казахстана, Узбекистана, России, Албании, Беларуси, Болгарии, Грузии, Кыргызстана, Индонезии, Венгрии, Сербии и Таиланда.

В начале конференции прозвучал Государственный гимн Азербайджанской Республики.

Объявив международную конференцию открытой, председатель Конституционного суда Азербайджана Фархад Абдуллаев зачитал поздравительное послание Президента Азербайджана Ильхама Алиева, адресованное участникам международной конференции.

Председатель Фархад Абдуллаев выразил глубокую благодарность и признательность Президенту Азербайджанской Республики Ильхаму Алиеву за поздравительное послание. Он подчеркнул, что глава государства Ильхам Алиев, как гарант независимости судебной власти, уделяет постоянное внимание беспристрастной, независимой и прозрачной деятельности судей и судебных органов в целом, их материально-социальному обеспечению.

Как одну из неценимых заслуг гениальной личности Гейдара Алиева перед азербайджанским народом и государством Фархад Абдуллаев отметил закладку фундамента успешного государственного строительства. Он подчеркнул, что одним из самых знаменательных событий в рамках данного процесса явилось принятие 12 ноября 1995 года путем всенародного голосования первой Конституции независимого Азербайджана. Председатель Конституционного суда сказал, что в целях обеспечения верховенства Конституции, провозгласившей защиту прав и свобод человека высшей целью государства, и защиты государством закрепленных в Основном законе прав и свобод человека 14 июля 1998 года был создан Конституционный суд Азербайджанской Республики.

Коснувшись работы Конституционного суда, председатель сообщил, что в течение 25-летней деятельности структура приняла 545 постановлений и 160 определений. В этих постановлениях и определениях, внесших вклад в строительство правового государства, нашли отражение важные правовые позиции, направленные на обеспечение верховенства Конституции.

Принявшие участие в мероприятии первый заместитель председателя Милли Меджлиса Азербайджанской Республики Али Гусейнли, министр юстиции Азербайджана Фикрет Мамедов, председатель Верховного суда Инам Керимов, Уполномоченный по правам человека (омбудсмен) Сабина Алиева, заместитель Генерального прокурора Гейдар Мамедов и председатель Коллегии адвокатов Анар Багиров выступили с поздравительными речами.

Затем на конференции выступили с докладами на следующие темы: председатель Конституционного суда Турецкой Республики Зюхту Арслан – «Индивидуальная жалоба: последние достижения в Турции», председатель Конституционного суда Республики Сербия Снежана Маркович – «Роль Конституционного суда в защите основных конституционных принципов», председатель Конституционного суда Республики Казахстан Эльвира Азимова – «Эффективность конституционного надзора за соблюдением обязательств по обеспечению верховенства закона и защите прав человека», председатель Конституционного суда Республики Албания Холта Зачай – «Конституционный суд Албании на фоне судебных реформ и конституционных изменений – достигнутый результат», председатель Конституционного суда Республики Болгария Павлина Панова – «Баланс между традицией и прогрессом», председатель Конституционного суда Кыргызской Республики Эмиль Осмонбаев – «Влияние судебной деятельности органа конституционного надзора на развитие законодательства», председатель Конституционного суда Республики Индонезия Анвар Усман – «Роль обеспечения прав человека и верховенства закона как вклад в развитие законодательства в Индонезии», председатель Конституционного суда Республики Узбекистан Мирза-Улугбек Абдусаломов – «Конституционная реформа в Узбекистане и новый этап развития конституционного надзора», судья Конституционного суда Республики Беларусь Алла Бодак – «Конституционный надзор: конституционализация законодательства», судья Конституционного суда Российской Федерации Гадис Гаджиев – «Участие Конституционного суда в формировании конституционных основ законодательства Российской Федерации», заведующий кафедрой трудового и экологического права Бакинского государственного университета Алыш Гасымов – «Правовое регулирование трудовых отпусков: имеющиеся недоработки и их устранение посредством толкования конституционных норм» и судья Конституционного суда Азербайджанской Республики Ровшан Исмаилов – «Толкование законов в соответствии с Конституцией в практике органов конституционного надзора». В своих выступлениях докладчики особое внимание уделили опыту представляемых ими стран в сфере конституционного правосудия.

После докладов и выступлений прошли их обсуждения.

Подводя итоги конференции, председатель Конституционного суда Фархад Абдуллаев отметил, что на ней состоялся плодотворный обмен мнениями по многим актуальным вопросам.

На этом международная конференция, посвященная 25-летию Конституционного суда Азербайджанской Республики, завершила свою работу.

Затем в рамках Конференции конституционных юрисдикций тюркского мира состоялось рабочее заседание председателей конституционных судов Азербайджана, Турции, Казахстана, Узбекистана и Кыргызстана, на котором были обсуждены вопросы сотрудничества стран-членов Организации тюркских государств в сфере конституционного правосудия.

ПУБЛИКАЦИИ И ДИССЕРТАЦИИ ПО ПРОБЛЕМАМ КОНСТИТУЦИОННОГО КОНТРОЛЯ

Азербайджанская Республика

Гараджаев Д.Я.
Конституционные принципы прав человека:
на практике Конституционного Суда
Азербайджана и Европейского
Суда по правам человека:
монография. – Киев: Издат. «Норма Права»,
2020. – 308 с.

Современный этап конституционного развития Азербайджана требует от субъектов конституционных отношений более четкого соблюдения конституционного правопорядка.

Развитие устойчивой государственности, построение социально-экономически сильного государства, укрепление суверенитета народа и государственной независимости, восстановление территориальной целостности и иные задачи, которые являются основной целью инициированных Президентом Азербайджана Ильхамом Алиевым современных реформ, соответственно, основано на конституционной законности и порядке.

Одним из важных столпов и приоритетов в системе конституционализма являются права и свободы человека и гражданина. Гарантия их эффективного обеспечения, соблюдение установленных законодательством пределов вмешательства государственной власти в пространство правовой свободы личности, создание позитивных условий для реализации (использования) конституционных прав – основная задача азербайджанского конституционализма. Для выполнения этой задачи важным является строгое соблюдение конституционных принципов, которые выступают необходимыми критериями защиты прав и свобод человека в судебном процессе. В свою очередь гарантированность четкого соблюдения конституционных принципов, обеспечение эффективной судебной защиты каждому (субъекту, обладающему правовой свободой) дополняется важным механизмом конституционного контроля.

Конституционный Суд Азербайджанской Республики – государственный орган, осуществляющий конституционное правосудие, – имеет значительный опыт в защите конституционных принципов (ценностей). Конституционное правосудие приобрело более активную динамику после конституционных реформ 2002 года, в результате которых был создан правовой механизм подачи индивидуальных жалоб в орган конституционного контроля, а судам по делам, имеющимся в их производстве, и Уполномоченному по правам человека (омбудсману) по абстрактному контролю было предоставлено право обращаться в

Конституционный Суд соответственно с обращением и запросом. Именно эти полномочия позволили Конституционному Суду превратиться в реальное эффективное средство защиты прав человека, в особенности в части толкования и разъяснения конституционных положений и принципов (ценностей)

Важная функция Конституционного Суда заключается в абсолютной, только ему принадлежащей уполномоченности толковать конституционные требования и положения. Таким образом, орган конституционного контроля посредством своих правовых позиций создает практику единообразного понимания конституционных норм и принципов.

Конституционные нормы и принципы регулируют наиболее общие и фундаментальные отношения и носят обязательный характер для всех отраслей права. Именно это является причиной востребованности их нормативного толкования в различных видах судопроизводства (административном, уголовном, гражданском, коммерческом).

Орган конституционного контроля, рассматривая соответствие «конфликтной» нормы конституционным положениям, в своем решении в первую очередь разъясняет волю субъекта, принявшего норму права, затем оценивает ее соответствие Конституции и при несоответствии ее Основному Закону принимает решение о признании ее неконституционной. Поэтому Конституционный Суд чаще всего выступает в роли аудитора – органа, создающего в нормотворческом порядке баланс интересов и прав между субъектами конституционных отношений. Это особое качество Конституционного Суда позволяет ему обеспечивать в правовой системе абсолютную конституционную справедливость независимо от юридической силы какого-либо нормативно-правового акта.

В настоящей работе предпринята попытка обобщения практики Конституционного Суда Азербайджана и Европейского суда по правам человека в части использования и защиты наиболее важных конституционных принципов прав человека. Следует отметить, что Конституционный Суд Азербайджана в своих постановлениях часто использует прецедентное право Европейского суда по правам человека, которое является частью правовой системы Азербайджана и служит позитивным ориентиром для судов в защите конституционных принципов прав человека.

В работе использовались наиболее актуальные и важные решения по защите конституционных принципов прав человека органами конституционного контроля и международным судебным органом, практика которого существенно насытила правовые системы европейских стран правовыми инструментами защиты прав человека.

Работа в большей степени предназначена для практикующих юристов, но также может быть использована в учебном процессе.

Республика Армения

Краткая информация о Сборнике правовых позиций Конституционного Суда Республики Армения

В 2023 году к 27-ой годовщине образования Конституционного Суда Республики Армения издан Сборник правовых позиций Конституционного Суда Республики Армения, составленный в соавторствесоветником Председателя Конституционного Суда Алиной Пхрикян, помощником Председателя Конституционного Суда Артаком Казаряном и начальником

Экспертного аналитического отдела Конституционного Суда Аидой Тадевосян.

В ходе составления Сборника было изучено более 3000 постановлений Конституционного Суда, в том числе решений судейского состава и процедурных решений, выделены выраженные в них самые важные ключевые правовые позиции.

В 1-ом разделе Сборника впервые в систематизированном виде представлены те сформированные Судом за долгие годы правовые позиции, которые касаются требований, предъявляемых к представляемым в Конституционный Суд в различных формах конституционного контроля отдельными компетентными субъектами обращения, при соблюдении которых можно будет составить приемлемое для Конституционного Суда обращение, а именно обращение, которое будет принято.

С целью сделать Сборник доступным и «понятым» для пользователей, живущих в современном цифровом обществе, впервые в отечественной практике Сборник судебных актов был составлен с использованием инструментария современных цифровых технологий, с присвоением каждому решению соответствующего QR кода, что позволит без дополнительных затрат времени на поиск сразу перейти к полной версии официального текста интересующего постановления или решения.

Сборник не предназначен для продажи. Для профессионального сообщества, студентов, исследователей и изучающих конституционное право Республики Армения Сборник будет доступен в библиотеках государственных органов и учебных заведений Республики.

Российская Федерация

Извлечение из автореферата диссертации Игумнова Н.А. на соискание ученой степени кандидата юридических наук на тему: «Автономное толкование Конституции Российской Федерации (нормативные основания и практика применения)» (защита состоялась 27 апреля 2023 года)

I. Положения, выносимые на защиту:

1. Категория автономности в российском конституционном праве играет роль принципа разнообразных конституционно-правовых отношений, характеризует конституционное право как отрасль в целом, а также выступает в качестве одного из юридических свойств Конституции Российской Федерации, которое, наряду с онтологическим аспектом (юридическая сила конституционных норм, их действительность и порядок изменения заданы непосредственно конституционным регулированием), включает также семантический аспект (наличие у норм Основного закона автономного значения). Тем самым свойство автономности, определяя соотношение Конституции Российской Федерации с иными правовыми актами, входящими в российскую правовую систему, является предпосылкой и основанием ее автономного толкования.

2. Обусловленное семантической автономностью Конституции Российской Федерации автономное значение представляет собой сформированную в результате толкования Основного закона совокупность смыслов конституционной нормы, выходящих за пределы ее буквального смысла, определяемого в порядке производного нормотворчества для цели реализации конституционных прав и свобод в конкретных отраслевых правоотношениях. С точки зрения возможности выявления автономного значения нормы Конституции Российской Федерации подразделяются на нормы-принципы, нормы о правах и свободах, нормы об организации государственной власти. В рамках такой классификации автономному толкованию подлежат нормы о правах и свободах, поскольку только в отношении такого рода норм Конституция Российской Федерации допускает расширение их содержания без изменения текста Основного закона.

3. Автономное толкование Конституции Российской Федерации представляет собой комплексный метод ее казуального толкования, предполагающий совокупное использование разных интерпретационных методов для выявления автономного значения конституционных норм о правах и свободах, которое формируется под влиянием всей системы конституционного регулирования (должно быть с ней согласовано) и не может быть определено путем изолированной интерпретации толкуемой нормы Конституции Российской Федерации. В результате применения автономного толкования осуществляется расширение содержания конституционных прав и свобод без изменения текста Конституции

Российской Федерации. Инструментальная роль автономного толкования Конституции Российской Федерации заключается в том, что оно выступает в качестве средства сокращения пределов усмотрения нормотворческого органа.

4. Субъектом применения автономного толкования Основного закона является Конституционный Суд Российской Федерации как орган уполномоченный на официальное толкование Конституции Российской Федерации, результаты которого не могут быть преодолены иным субъектом (за исключением конституционного законодателя). Приоритетной сферой применения автономного толкования является конкретный конституционный нормоконтроль в отношении внутрисударственных нормативных правовых актов. Вместе с тем в свете обоснованной в диссертационном исследовании концепции семантической автономности Конституции Российской Федерации автономное толкование ее норм может быть востребовано для оценки соотношения положений Основного закона и международно-правового регулирования.

5. Выявление автономного значения норм Конституции Российской Федерации приобретает характер конституционно-судебного нормотворчества, осуществляемого Конституционным Судом Российской Федерации, который, применяя метод автономного толкования, ограничен буквальным значением конституционных норм, принципом конституционной сдержанности, презумпцией конституционности закона, требованиями согласованности результата толкования с правовой системой. С учетом этого обращение к методу автономного толкования допустимо в исключительных случаях в целях расширения (а не ограничения или сокращения) содержания норм Основного закона о конституционных правах и свободах, поскольку Конституционный Суд Российской Федерации, будучи уполномоченным оценить допустимость вводимых ограничений конституционных прав с точки зрения Конституции Российской Федерации, сам создавать их не может. Соответственно, ни сокращение пределов, ни введение дополнительных ограничений конституционных прав и свобод не может выступать целью или побочным результатом применения автономного толкования. Для соблюдения отмеченных границ Конституционным Судом Российской Федерации, который имеет возможность достаточно свободно избирать конкретные варианты толкования тех или иных конституционных норм, повышается значимость конституционно-судебного самоограничения.

6. Автономное толкование используется в практике Европейского Суда по правам человека в целях обеспечения действенности и единообразного применения конвенционных гарантий и сокращения усмотрения государств в вопросе исполнения обязательств, вытекающих из Конвенции о защите прав человека и основных свобод. Автономное толкование, применяемое Европейским Судом по правам человека, не является идентичным методу автономного толкования Конституции Российской Федерации с точки зрения оснований, но имеет с ним функциональное сходство, которое выражается в

аналогичности целей автономного толкования и средств выявления автономного значения соответствующих правовых норм. Применяя метод автономного толкования, Европейский Суд по правам человека в некоторых случаях отступает от заданного при составлении названной Конвенции содержания конкретного права и тем самым от изначально заложенного в соответствующую конвенционную норму смысла. В отсутствие нормативного пополнения каталога конвенционных прав и свобод, предполагающего обязательное согласование воле государств – участников указанной Конвенции, практика автономного толкования может создавать риски возникновения конфликтов внутри данной международно-правовой системы, выражающихся в потенциальном неисполнении решений Европейского Суда по правам человека.

Извлечение
из автореферата диссертации Ултургашева П.Ю.
на соискание ученой степени кандидата юридических наук на тему:
«Особые мнения судей в практике судебного конституционного
контроля: сравнительно правовой аспект»
(защита состоялась 23 июня 2023 года)

I. Положения, выносимые на защиту:

1) Институт особого мнения судьи предусматривает способ преодоления пределов судебского усмотрения, что особенно ярко проявляется именно при его закреплении в органах конституционной юстиции в силу присущих им широких полномочий по толкованию конституционного текста, который характеризуется высокой степенью абстрактности, и ориентирован на телеологическое, аксиологическое и иное истолкование, не ограниченное буквальным прочтением конституционного положения.

2) Институт особого мнения судьи с точки зрения его юридической природы представляет собой факультативную (дополнительную) гарантию «внутренней» (в рамках коллегии) независимости судьи. Данная характеристика является общей для института особого мнения судьи в различных видах судопроизводства и позволяет отграничить аргументы целесообразности закрепления института в правовой системе (поскольку они содержат известный парадокс, будучи применимыми для аргументации противоположных точек зрения) от аргументов юридического характера, позволяющих оценивать последовательность регулирования института в рамках конкретной правовой системы.

3) Хотя сущностным признаком особого мнения судьи является несогласие с позицией большинства, анализ содержания особых мнений судей Конституционного Суда Российской Федерации позволяет выделить подвиды рекомендательного и декларативного особого мнения: в первом случае судья излагает позицию относительно дальнейшего совершенствования законодательного регулирования и правоприменительной практики, а во втором – осуществляет «расширение содержательной информации по делу», комментируя контекст принятия решения и заявляя личную позицию.

4) Структура права судьи на заявление особого мнения как центральный элемент правового института особого мнения судьи включает два аспекта: материальный и процессуальный. Материальный аспект права на особое мнение сводится к возможности возразить коллегам в ходе обсуждения дела, и поэтому даже при отсутствии специального нормативного закрепления его следует считать неотъемлемым элементом статуса судьи. В то же время процессуальный аспект представляет собой способ внешнего выражения несогласия судьи с коллегами и как таковой поддается регулированию с точки зрения формы, содержания обеспечения доступности. Особое мнение судьи формально не влечет правовых последствий, но фактически может служить отправной точкой для последующего законодательного регулирования, формирования общественного мнения, изменения судебной практики или критики национальной правовой системы международными (наднациональными) судебными органами. Поскольку этот эффект невозможно систематизировать и затруднительно предсказать, он может вызывать обоснованные опасения законодателя. Вместе с тем регулирование особого мнения должно соответствовать критериям определенности и не ограничивать независимость судей.

5) Исторически институт особого мнения в государствах англо-саксонской правовой семьи основан на обязанности каждого судьи выразить свою личную позицию при рассмотрении дела. Поскольку эта обязанность прочно связана с существом статуса судьи, ее нормативное регулирование весьма скупо. Потребность в обеспечении единообразия толкования судебных решений, обеспечении правовой определенности и тем самым укреплении авторитета судебных органов привели к определенному ограничению проявлений индивидуальности судей при коллегиальном рассмотрении дела. Вместе с тем даже в периоды, традиционно ассоциируемые с ограничением права на особое мнение, такое ограничение не получало нормативного закрепления.

6) В государствах романо-германской правовой семьи особое мнение судьи развилось из его права апеллировать к вышестоящей инстанции в случае несогласия с коллегами. Государства этой правовой семьи независимо от англо-саксонских традиций ввели разнообразное регулирование института особого мнения, которое приобретало значение на этапе рассмотрения дела вышестоящим судом, в то время как вынесение решения осуществлялось от лица суда в целом, а не конкретных судей. С созданием органов конституционной юстиции судьи оказались лишены возможности обращаться к вышестоящей инстанции, однако потребность в заявлении возражения сохранилась. Это привело к тому, что в критических ситуациях судьи в нарушение действующих процедур обращались непосредственно к суверену – народу, самостоятельно осуществляя опубликование особых мнений. Урегулирование этих ситуаций и возвращение их в процессуальные рамки позволило сохранить авторитет органов конституционного контроля.

7) Несмотря на различные корни института особого мнения судьи, практика заявления особых мнений отражает сближение правовых

систем, что ярко проявляется, в частности, при заявлении особого мнения судьями конституционных судов стран континентального права. Так, в особых мнениях судей Конституционного Суда Российской Федерации заметен отход от обезличенного стиля изложения основного судебного решения, имеет место цитирование научной литературы, что обычно является характерным для судей стран общего права. С другой стороны, в англо-саксонских правовых системах текст мнения судьи нередко может сокращаться, чтобы избежать повтора с основным решением, вплоть до краткого указания на «согласие» с позицией автора основного решения.

8) В международных судебных органах институт особого мнения судьи сохраняет черты факультативности (поскольку не является повсеместно распространенным) и непредсказуемости с точки зрения последствий реализации судьями соответствующего права (поскольку особые мнения судей могут служить ориентиром для аргументации при обжаловании). Однако для международных судов характерно правомерное сомнение относительно использования института особого мнения для контроля лояльности судьи, назначенного при участии конкретного государства. Это сомнение на практике оказывается несостоятельным. Существенным для его устранения является наличие организационных гарантий, нивелирующих потенциальную выгоду от демонстрации лояльности со стороны судей.

КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВОСУДИЕ

Вестник Евразийской ассоциации органов
конституционного контроля
Выпуск 1 (87)

ИЗДАЕТСЯ КОНСТИТУЦИОННЫМ СУДОМ
РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН

Редакция журнала:

Назарова Ж.Б. – заведующий Отделом организационной работы и перевода
Ахметова А.Б. – заместитель заведующего Отделом организационной
работы и перевода
Кожетаева К.К. – корректор сектора редакционно-издательской работы
Штейнке Ю.Е. – дизайнер-верстальщик

Адрес редакции: 010000, г. Астана, пр. Мангилик Ел, 13
Тел.: 74-76-52, факс: 74-76-51
e-mail: okr@ksrk.gov.kz
www.ksrk.gov.kz

Сдано в набор 26.07.2023 г.
Подписано в печать 22.08. 2023
г. Формат А5 Усл.печ.л. 7,90
Заказ № 127 Тираж 50 экз.

Отпечатано в Полиграфии "Идеал-НС"

Публикуемые в журнале материалы получены от представителей
соответствующих конституционных судов-членов Евразийской ассоциации
органов конституционного контроля.

Статьи Вестника Евразийской ассоциации органов конституционного контроля
публикуются в авторской редакции.

Ответственность за достоверность фактов и сведений, содержащихся
в публикациях, несут авторы.